

L. Vygotskii

252
Л. ВYGOTСКИЙ, С. ГЕДЛЕРШТЕЙН,
Б. ФИНГЕРТ, М. ШИРВИНДТ

ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Основnye techeniia sovremennoi psikhologii

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Б. А. ФИНГЕРТА и М. А. ШИРВИНДТА

34-877

30-85300

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

И. 42. Гиз № 35 024/л.
Ленинградский Областлит № 57832.
16¹/₂ л. Тираж 3 000.

ОТ РЕДАКТОРОВ.

Проблемы психоневрологии приобретают сейчас исключительное значение в связи с социалистической реконструкцией города и деревни, борьбой за кадры, за новый быт, за нового человека, активного участника социалистического производственного коллектива. Теоретическое осмысливание практических достижений психологии становится поэтому настоятельной необходимостью. Авторы статей, помещенных в сборнике, не объединены какой-либо общей психологической платформой и не занимают вполне одинаковых позиций по отношению к отдельным психологическим направлениям.

Но тем не менее внутренняя связь между статьями, помещенными в настоящем сборнике, имеется; она определяется единством философской точки зрения авторов и общим замыслом сборника в целом.

Авторы твердо убеждены в том, что подлинным научным методом, на котором должны основываться специальные психологические методы исследования, является диалектический материализм. Следовательно, по мнению авторов, принципы материалистической диалектики представляют надежный критерий, позволяющий судить о научной (значит и практической) ценности различных психологических течений.

При построении своих статей авторы основывались на том, что марксистской психологии, в подлинном смысле этого слова, пока еще нет, и ни одно из существующих в СССР направлений не имеет права присваивать себе

*

подобное наименование. Марксистская психология, по мнению авторов, строится и будет построена совместными усилиями передовых научных работников Советского Союза, старающихся овладеть материалистической диалектикой, необходимой для широкого научного охвата объекта своих исследований и для сознательного усвоения действительно ценных достижений иностранной научной мысли.

Этими соображениями объясняется и общий характер статей. Будучи по сути критичными и даже полемичными, они вместе с тем ставят своей задачей дать положительную критику, т. е. не начисто отрицать критикуемое направление, но наряду с полемикой против отрицательных сторон выделить и подчеркнуть положительные моменты, способные послужить ценным материалом для построения марксистской психологии.

Отсюда общая тенденция авторов — отрицать ценность существующих психологических направлений, поскольку они претендуют стать определенными системами, признавая вместе с тем относительную ценность отдельных присущих им моментов.

Редакторы и авторы не предполагают ограничиться одним этим сборником, а имеют в виду в ряде последующих выпусков осветить и другие не вошедшие в этот выпуск направления психологической мысли.

Б. А. Фингерт.

М. А. Ширвиндт.

Б. А. ФИНГЕРТ

К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ НАУЧНОЙ ПСИХОЛОГИИ¹

I

В наши дни, когда приходишь к вопросу о структуре психологии, как науки — об ее предмете и ее методах, — принято начинать с констатирования кризиса, переживаемого этой наукой, и с анализа этого кризиса. Мы считаем возможным отступить от этой традиции. Правда, мы далеки от того, чтобы утверждать, что ненаучная матефизическая психология уже умерла; мы не отрицаем того, что пришедшая на смену старой метафизическому рациональной психологии — науки о душе — новая метафизическая эмпирическая психология — наука о душевных явлениях — продолжает еще бороться за существование, отстаивая „научность“ исследования „душевных явлений“ такими, какими они нам даны в опыте, т. е. в виде наших субъективных переживаний, отстаивая научную дееспособность метода самонаблюдения, как основного метода, отстаивая научную правомерность дуалистического понимания взаимоотношения между физическим и психическим, в форме ли теории взаимодействия или в форме теории психофизического параллелизма. Далее, мы не утверждаем, что возникшая и развиваю-

¹ В основу настоящей статьи положен доклад, сделанный автором 15 января 1929 г. в Ленинградском институте марксизма на тему: „Основные принципы научной психологии и учение об условных рефлексах“.

щаяся на наших глазах молодая объективная психология разрешила все те вопросы, которые возникали перед субъективной психологией и разрешение которых было последней не по силам; больше того, мы не утверждаем и того, что молодая объективная психология осознала себя как науку, что она окончательно определила свой предмет, свои задачи, свои методы. Но тем не менее мы считаем возможным констатировать, что так называемый кризис психологии миновал.

Он миновал прежде всего потому, что в наши дни с полной определенностью оформился социальный заказ по отношению к научной психологии. Развертывающийся с каждым днем в СССР процесс социалистического строительства и связанный с ним процесс культурной революции, остро ставшие пред нами проблема кадров и проблема нового быта являются в наше время мощным стимулом для развития объективной психологии. Субъективная психология также мало может в этом отношении помочь научной организации труда, научному профотбору, научной педагогике, как алхимия могла бы способствовать развитию современной химической технологии или буржуазная философия истории развитию научно обоснованной политики. Кризис миновал далее, потому, что в наши дни практические достижения научной организации труда, научного профотбора и научной педагогики могут уже в известной мере служить проверкой для теоретических построений объективной психологии. И, наконец, кризис миновал потому (и это едва ли не самое главное), что в настоящее время мы располагаем оформившимся методом научного познания — методом диалектического материализма — методом, открывающим пред нами возможность не только проверить и надлежащим образом использовать наследие буржуазной науки, но и быстро продвинуть вперед те области научного знания, развитие

которых тормозилось именно благодаря отсутствию научной методологии, и в частности — область психологической науки.

Резюмируем: кризис в психологии миновал потому, что пред нами в настоящее время уже открываются пути к развитию научной психологии и прежде всего пути к самопознанию этой науки.

Задачу настоящей статьи мы и усматриваем в том, чтобы выявить основные пути, ведущие к самопознанию научной психологии. Мы не ставим себе целью дать исчерпывающее разрешение проблемы научной психологии, — проблемы ее структуры. Наша задача значительно скромнее, — она сводится к тому, чтобы сформулировать те основные принципы, от которых должна начинаться работа над этой проблемой. Мы намерены лишь очертить тот круг вопросов, который возникает пред научным исследованием, когда оно подходит к проблеме психологии как науки и наметить те пути, которые ведут к разрешению этих вопросов.

II

Как выше было сказано, выяснить структуру психологии как науки это — выяснить ее предмет и ее методы,

Указать предмет какой-либо науки — это значит найти ее место в системе наук, точнее говоря, это значит во-первых, найти ту родовую группу наук, к которой данная наука принадлежит, а, во-вторых, вскрыть те специфические признаки (качества), которыми отличается данная наука от других наук родственной ей группы, т. е. вскрыть специфичность ее предмета, ее качественную особенность. Качественная особенность той или иной науки, специфичность ее задач, ее структуры и т. д. выявляется не только в предмете науки, но и в методах ее. Однако,

из этого не следует, что, вскрывая природу данной науки, мы стоим перед двумя самостоятельными задачами — о предмете и о методах. Нет двух вопросов о предмете науки и о методах ее, но есть единый двухсторонний вопрос о структуре данной науки: ее методы определяются ее предметом и в то же время ее предмет определяется и предметом и методами той родовой группы наук, к которой она принадлежит. От предмета и методов родовой группы наук мы приходим, таким образом, к предмету видовой науки и от ее предмета к ее частным методам.

Отсюда разрешение проблемы предмета и методов научной психологии, как и аналогичной проблемы в отношении любой науки, возможно только после установления исходных методологических предпосылок всякого научного познания вообще. Такие исходные методологические предпосылки мы и имеем в диалектическом материализме. Структуру научной психологии мы, таким образом, выведем из общих методологических принципов — из принципов диалектического материализма.

На этом вопросе необходимо остановиться. Необходимо выяснить, что значит вывести структуру научной психологии из принципов диалектического материализма.

Диалектический материализм, будучи одновременно обще-философской концепцией и всеобщей методологией наук, дает нам общую картину мира, дает нам общие законы развития вселенной, развития человечества и в то же время является всеобщим методом научного познания и исследования. Этот метод не выдуман нами, не навязан нами природе и истории; он является внутренним выражением объективных процессов природы и истории, он отражает в мышлении те реальные связи, которые существуют в действительности. Субъективная диалектика

потому и является истинным методом познания, что существует объективная диалектика. Права диалектического мышления подтверждаются диалектическими свойствами бытия, — говорил П л е х а н о в. Всеобщие законы бытия — предмет познания — и всеобщие законы мышления — метод познания — объединены, таким образом, в концепции диалектического материализма: онтология здесь сливается с методологией. Вот почему расщепление проблемы структуры науки на проблемы предмета и метода имеет, как выше было сказано, условный характер и вот почему истинным мышлением может быть только диалектическое мышление. Подчеркиваем: только диалектическое мышление является истинным мышлением. Но мышление может быть не только диалектическим: в то время как бытие всегда диалектично, мышление, как мы знаем, может быть и формальным. Задача познания — отразить объективную действительность. А так как только диалектическое мышление адекватно объективной действительности, то, для того чтобы наше знание отразило эту действительность, мы должны овладеть диалектическим методом научного познания. Диалектико-материалистическая философия является неоценимым орудием для быстрого развития научного познания. Без нее наука остается обреченной исследованию голых фактов и оказывается беспомощной перед многообразием и сложностью этих фактов. Чем глубже проникает наука в область исследуемых ею явлений, тем больше нуждается она в философском обосновании. „Атомы и молекулы... нельзя наблюдать микроскопом, а только мышлением“, — писал Энгельс. — „Здесь волей-неволей приходится мыслить“.¹

„Сколько бы ни выказывать пренебрежения ко вся-

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II, стр. 7.

кому теоретическому мышлению, все же без последнего невозможно связать между собой любых двух естественных фактов или же уразуметь существующую между ними связь.¹

Итак, путь к научному познанию действительности не может лежать только через изучение частного, конкретного и через обобщения, построенные на результатах этого изучения; исследование фактов действительности недостаточно для познания этой действительности. Индукция сама по себе не способна привести к истинному знанию. Энгельс в „Заметках“ (Архив М. и Э., том II) приводит чрезвычайно удачный пример, характеризующий значение „рассудочных определений“. Хотя глаза муравьев устроены так, что муравьи обладают способностью видеть химические лучи, но в познании этих лучей человек, для которого они невидимы, достиг значительно большего, нежели муравьи. Уже замечателен тот факт, что человек сумел доказать видимость для муравьев вещей, невидимых для самого человека. Таким образом, „устройство человеческого глаза не является абсолютной границей для человеческого познания. К нашему глазу присоединяются не только другие чувства, но и деятельность нашего мышления“.

Особенно четко характеризуется значение мышления для познания действительности Лениным в его конспекте книги Гегеля „Наука логики“. На вопрос о том, что „выше“, что ближе к действительности — представление или мышление — Ленин отвечает: „В известном смысле представление, конечно, ниже. Суть в том, что мышление должно охватить все „представление“ в его движении, а для этого мышление должно быть диалекти-

¹ Энгельс. „Естественнознание в мире духов“. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II, стр. 121.

ческим. Представление ближе к реальности, чем мышление? И да и нет. Представление не может схватить движение в целом, например, не схватывает движения с быстротой 300 000 км в 1 секунду, а мышление схватывает и должно схватить“.¹

Итак, как мы видим, диалектико-материалистический взгляд на пути научного познания утверждает права дедуктивного мышления. Однако, из этого вовсе не следует, что с точки зрения диалектического материализма индукция исключается из обихода научного исследования. Диалектико-материалистическая точка зрения на значение дедукции направлена против вульгаризации индуктивного метода, против того значения, которое ему придается позитивистами, эмпириками. Индукция и дедукция дополняют друг друга; они „связаны между собой столь же необходимым образом, как синтез и анализ“. „Вместо того чтобы превозносить одну из них до небес за счет другой, — писал Энгельс, — лучше стараться применить каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если иметь в виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг другом“.² Острие диалектического материализма направлено, таким образом, как против вульгарного эмпиризма, так и против чистого умозрения — против рационализма. Наука, говорил Маркс, это — рационализация опыта.

Но этого мало. Самое понятие дедукции употребляется здесь не в формально логическом, а диалектическом смысле. Под дедукцией мы понимаем не простое выведение конкретного из абстрактного, а нечто существенно иное. Так, прежде всего, самое понятие абстрактного, когда речь идет о диалектическом мышлении, т. е. о мышле-

¹ Ленин. Конспект книги Гегеля „Наука логики“, стр. 287 — 289.

² Ф. Энгельс. „Диалектика и естественнознание“. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II, стр. 59.

нии, вытекающем из практики, перестает быть полярным по отношению к понятию конкретного.

Диалектическое мышление не знает отвлеченных истин, для диалектического мышления истина всегда конкретна, всегда связана с условиями данного места и времени. А потому, диалектическое мышление абстрактным может быть только по форме, но оно всегда конкретно по содержанию. В понятиях, категориях диалектического мышления осуществляется единство абстрактного и конкретного. Общие понятия диалектического мышления являются общими не в смысле „пустыми“, лишенными всякого содержания, а, напротив, общими в том смысле, что в них воплощается все богатство индивидуального, конкретного. Сущность диалектического соотношения между абстрактным и конкретным указывается Марксом в его „Введении к критике политической экономии“: „Конкретное потому конкретно, что оно заключает в себе множество определений, являясь единством в многообразии. В мышлении оно выступает как процесс соединения, как результат, но не как исходный пункт, хотя оно является исходным пунктом в действительности и, следовательно, также исходным пунктом наглядного созерцания и представления. Таким образом, — заключает Маркс, — абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления“. Когда Ленин в своем конспекте книги Гегеля „Наука логики“ утверждает, что мышление, „восходя от конкретного к абстрактному, не отходит, если оно правильное...от истины, а подходит к ней“, то он имеет в виду диалектическое единство абстрактного и конкретного. „Абстракция материи, — говорит Ленин, — закона природы, абстракция стоимости и т. д., одним словом, все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее,

полнее. От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности“. ¹ Практика и является, таким образом, последней ступенью, ведущей человека к познанию истины. „Истина есть процесс“, — пишет Ленин в другом месте своего „Конспекта“. „От субъективной идеи человек идет к объективной истине через практику и технику“. И там же подробнее: „Истина, как процесс — ибо истина есть процесс — проходит в своем развитии три ступени: 1) жизнь; 2) процесс познания, включающий практику человека и технику... — 3) ступень абсолютной идеи (т. е. полной истины). Жизнь рождает мозг. В мозгу человека отражается природа. Проверая и применяя в практике своей и в технике правильность этих отражений, человек приходит к объективной истине“. ² Итак, бесконечное многообразие окружающей нас действительности познающий действительность человек преодолевает путем абстрагирующего мышления, путем построения общих понятий, но, однако, таких общих понятий, в которых воплощено все богатство, все многообразие этой действительности, в которых воспроизводится все богатство конкретного. Путь к такому синтезу, к такому единству конкретного и абстрактного лежит через практическую деятельность человека. А отсюда — диалектически понимаемая дедукция — это не простое выведение конкретного из абстрактного, а такое выведение, в котором осуществляется единство конкретного и абстрактного и в котором путь от абстрактного к конкретному лежит через человеческую практику.

Выяснив, в чем сущность и значение процесса дедук-

¹ Ленин. Конспект книги Гегеля „Наука логики“, стр. 183 — 185.

² Там же, стр. 237.

ции в диалектико-материалистическом ее понимании, мы можем ответить на поставленный нами вопрос, на вопрос о том, что значит вывести структуру научной психологии из принципов диалектического материализма. Структура научной психологии, т. е. ее предмет и ее методы, не может быть выведена из тех конкретных фактов, которые являются объектом исследования современной психологической науки. Структура научной психологии — ее предмет и ее методы — не может быть выведена также путем чисто логических построений, исходящих от общих абстрактных формулировок диалектического материализма. Путь к выяснению структуры научной психологии лежит через единство абстрактного и конкретного. Начав с чисто логического выведения общего понятия „психического“ из основных принципов диалектического материализма, мы должны будем перейти к генетическому выведению конкретных форм „психического“. Кстати сказать, Энгельс употребляет термин „дедукция“ и по отношению к тому, что мы назвали генетическим выведением; в цитированных уже выше „Заметках“, из II тома „Архива“, мы находим следующие строки: „Благодаря успехам теории развития, даже вся классификация организмов отнята у индукции и сведена к „дедукции“, к учению о происхождении, — какой-нибудь вид буквально дедуцируется (курсив Энгельса), выводится из другого путем происхождения“.¹

Итак, путем логического выведения из основных принципов диалектического материализма общего понятия „психического“ и далее, путем генетического выведения из эмпирических данных конкретных форм „психического“, мы придем к ответу на вопрос о сущности психического и, тем самым, сделаем главнейший шаг к выяснению

¹ Стр. 183 — 185.

структуры научной психологии — в первую очередь, — к выяснению ее предмета.

III

Основные принципы диалектического материализма, из которых мы должны вывести общее понятие психического, в основном сводятся к следующим (ограничиваемся лишь самыми общими формулировками).

1. Исходными категориями диалектического материализма являются категории материальности и развития.
2. Мир представляет собой не совокупность изолированных друг от друга предметов, но единство, все части которого взаимодействуют между собой, объединены всеобщей связью. Мир материален. Единство мира — в его материальности. Из принципа материальности выводится, таким образом, принцип единства всего сущего, принцип взаимосвязанности или в абстрактной формулировке — принцип непрерывности.
3. Мир представляет собой единство не готовых законченных предметов, а единство процессов; он представляет собой нечто постоянно развивающееся, причем это развитие мира совершается путем борьбы противоположностей, путем нарастания противоречий, путем постепенного назревания конфликта между противоположностями и разрешения этого конфликта в виде перерыва непрерывности, в виде скачка, в виде бурного перехода от одного состояния к другому. Это диалектическое развитие, — „развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе („отрицание отрицания“), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; — развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное“.¹ Основные черты

¹ Ленин и Маркс, Энгельс, марксизм, стр. 13.

диалектического развития это — „перерыв постепенности; превращение количества в качество; — внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества“. ¹ Из принципа диалектического развития выводится принцип многообразия всего сущего, принцип качественности или в абстрактной формулировке — принцип прерывности.

4. Принцип непрерывности выражается в том, что высшие формы возникают из низших, связаны с ними, а принцип прерывности проявляется в возникновении новых качеств, вследствие которых высшие формы не тождественны с низшими, а отличны от них. Высшие формы сводятся к низшим по своему происхождению и не сводятся по своему качеству.

5. Поскольку вновь возникающие качества не при- сущи всегда материи, постольку они не являются атрибутами ее. Атрибут материи это — форма ее существования. Так, движение есть форма существования, есть атрибут материи. Нет материи без движения, нет движения без материи.

6. Жизнь и психика появляются на определенной ступени развития материи. Это — новые качества, свойства материи, а не атрибуты ее. Живое не может быть сведено к неживому, а психическое к органическому. Жизнь по своему происхождению связана с неорганическими процессами, жизнь развивается из неорганических процессов, но она представляет собой новый синтез и, как таковой, она качественно отлична от неорганических процессов, из которых развилась. Психические процессы по своему происхождению связаны с органиче-

¹ Ленин. Маркс, Энгельс, марксизм, стр. 13.

скими процессами, но они качественно отличны от последних и представляют собой новую ступень развития. Здесь мы имеем единство живого и неживого, но не тождество, единство психического и органического, но не тождество.

7. Отсюда — существуют общие закономерности, применимые ко всем областям бытия, но в то же время существуют и специфические закономерности, которые проявляются только в отдельных качественно разнородных его областях.

8. Этим качественно разнородным областям бытия соответствуют специфические области познания.

IV

Таковы философские принципы, на основе которых должна быть построена научная психология, из которых в первую очередь должны быть выведены ее предмет и ее методы. Поставив пред собой вопрос о предмете и методах научной психологии, мы отнюдь не начинаем с „чистого места“: попытки так или иначе подойти к проблеме научной психологии (психологии, построенной на базе диалектического материализма — марксистской психологии) характеризуют все развитие русской психологической мысли после Октябрьской революции — все развитие советской психологической науки. Как мы подойдем к этим попыткам? Можем ли мы, поставив пред собой вопрос о структуре научной психологии, не подвергать анализу те построения научной психологии, которые имеются в советской психологической литературе? Не только можем, но и должны. Если по отношению к появившимся в зарубежной буржуазной науке опытам построения объективной психологии наша задача вообще говоря совершенно ясна, то по отношению к появившимся у нас опытам построения марксистской психологии она становится неизмеримо сложнее. В самом деле.

Пути буржуазной объективной психологии, как правило, лежат в стороне от методологических принципов марксизма. Если в отдельных частностях или даже в некоторых случаях в общей направленности таких, например, течений буржуазной объективной психологии, как бихевиоризм или структурализм, мы встречаемся с марксистским „уклоном“ или с марксистскими формулировками, то это лишь является свидетельством того, что объективное научное мышление не может не привести к марксизму. В буржуазной науке не редки случаи, когда отдельные ее представители уподобляются мольеровскому герою, не подозревавшему того, что он говорит прозой. Марксистский „уклон“ или марксистские формулировки в этих случаях отнюдь не свидетельствуют о сознательном пользовании марксистской методологией. По отношению к этим течениям мы можем ставить перед собой задачу—марксистской критики извне; здесь достаточно общих методологических критериев. Иначе обстоит дело с теми течениями советской психологической науки, которые ставят перед собой задачу построения марксистской психологии, которые строят ее и сознательно пользуются марксистской методологией. По отношению к этим течениям недостаточен критический подход извне с точки зрения общих принципов марксистской методологии; здесь необходим критический подход изнутри—с точки зрения специальных положений марксистской методологии психологии, т. е. с точки зрения тех положений, которые сами еще должны быть сформулированы. Указанные выше задачи настоящей статьи совершенно очевидно исключают возможность такой критики изнутри по отношению к тем течениям советской психологической науки, которые сознательно встали на путь диалектического и материалистического мышления и которые ставят пред со-

бой тождественные нашим цели,—выявления путей развития марксистской психологии.

Одни из этих течений в своих истоках связаны с бихевиоризмом, другие—со структурализмом, третьи—с фрейдизмом. Одни из них к приятию бихевиоризма, или структурализма, или фрейдизма подходят от принципов диалектико-материалистической методологии, другие, принимая за исходный пункт указанные направления современной буржуазной науки, подвергают их „пробе“, проверке с точки зрения марксистской методологии. Между этими течениями советской психологической науки и даже внутри самих течений существуют довольно значительные расхождения как по общим, так и по частным, конкретным проблемам психологии. Особенно это относится к тому направлению, которое связано с фрейдизмом. По отношению к этому течению, в среде марксистов-психологов мы встречаемся с совершенно противоречивыми точками зрения—от признания фрейдизма течением, глубоко родственным марксизму, от признания методологии психоанализа прямым продолжением методологии исторического материализма, до утверждения полярности фрейдизма и марксизма. Однако, все эти течения могут быть объединены их отношением к общей задаче построения научной психологии, как марксистской психологии. Поскольку эти течения советской психологической науки, в качестве исходных методологических положений, принимают положения диалектического материализма, постольку они по отношению к общей задаче построения марксистской психологии, для данной (ныне достигнутой) стадии исследования проблемы, пока еще могут считаться попутчиками.

В стороне от этих путей советской психологической науки стоят два направления, полярные по отношению друг к другу, но одинаково враждебные по отношению к мар-

ксистской психологии. Одно из них, связанное с именем Челпанова, представляет собой своеобразную попытку мимикрии под марксизм, глубоко враждебного марксизму течения буржуазной психологии — эмпирической психологии. Как только что было указано, те течения советской психологической науки, которые поставили себе задачей построение марксистской психологии, в своих истоках также связаны с буржуазной психологической наукой. Однако, если даже не учитывать глубоких различий, отделяющих построения бихевиоризма, структурализма или фрейдизма от построений субъективной эмпирической психологии, то самый подход к этим течениям со стороны психологов марксистов — подход от методологических положений диалектического материализма, дает известные гарантии научности их построений. Иное дело построение Челпанова. Путь, который избрал для своей цели Челпанов, это даже не „проба“, не проверка эмпирической психологии с точки зрения диалектического материализма; наоборот, — это попытка истолкования Маркса в духе эмпирической психологии. Маркс, по мнению Челпанова, эмпирик и позитивист. Более того — по Челпанову — Маркс был „эмпирическим дуалистом“, так как для Маркса — „явления психические и явления материальные представляют два различных мира явлений“. ¹ Так идеалист Челпанов, стремясь к примирению эмпирической психологии с марксизмом, переделывает самую сущность марксистской философии.

Челпанов не борется с психологией, но, поскольку он ведет борьбу с марксизмом (а его путь — путь борьбы с марксизмом), постольку он выступает против научной (марксистской) психологии. Второе враждебное

¹ Челпанов. Психология и марксизм, стр. 26 и 9.

марксистской психологии течение (о котором мы выше упоминали) исходит из диаметрально противоположных Челпанову предпосылок. Это течение в своей основе материалистическое; оно не ставит себе прямой задачей борьбу с марксизмом, больше того, в лице некоторых своих представителей оно даже пытается протянуть руку марксизму, но поскольку оно выступает против психологии, как автономной науки, постольку оно (как видно из изложенных выше основных положений диалектического материализма) становится в ряды противников марксизма. Мы имеем в виду физиологическую школу Павлова и рефлексологическую школу Бехтерева. Правда, в настоящее время некоторые из представителей этих школ вступают на путь сближения с марксизмом. Однако, так как это оказывается возможным только при условии решительного отказа от тех философских основ, на которых выросли оба учения, что должно повлечь за собой коренное изменение тех научно-исследовательских задач, которые ставят перед собой обе школы, то естественно, что на этот шаг решаются лишь очень немногие последователи Павлова и Бехтерева. Огромное же большинство представителей физиологического и рефлексологического направлений сознательно или бессознательно занимают позиции, чуждые, а то и враждебные марксизму. Если Челпановская попытка выступления против психологии, построенной на базе диалектического материализма, может считаться отошедшей в область истории и Челпановское направление в настоящее время является сброшенным со счетов научного мышления, то направления физиологическое и рефлексологическое с их огромными научными достижениями в специальной области изучения рефлексов, с их огромным влиянием на научную мысль вообще, представляет собой актуальнейшую

идеологическую силу. Вот почему, если мы считаем, что с точки зрения тех задач, которые стоят перед нами в настоящей статье, мы не должны в дальнейшем останавливаться на марксистских, или приближающихся к марксизму, течениях советской психологической науки, если мы считаем, что с точки зрения удельного веса Чепановского направления мы в дальнейшем можем к ней не возвращаться, то по отношению к физиологическому и рефлексологическому течениям, как исходя из задач настоящей статьи, так и учитывая удельный вес этих течений, мы должны занять совершенно иную позицию. Проблема структуры научной психологии не может быть разрешена без анализа и критики тех позиций, которые занимают по отношению к этой проблеме физиологическое и рефлексологическое направления. Все наши дальнейшие построения неизбежно должны будут сопровождаться экскурсами в область физиологического и рефлексологического направлений, причем, в интересах объективности, мы в поле нашего внимания возьмем только высказывания основоположников этих направлений — Павлова и Бехтерева. Для нас важны не интерпретации учителей учениками, а формулировки, данные самими учителями. Понятно, что, поскольку проблема, которая стоит перед нами, является проблемой философского, обще-методологического характера, постольку в наших экскурсах в область физиологического и рефлексологического направлений мы ограничимся изложением и критикой философской и общеметодологической основ этих направлений.

V

Исходя из вышеприведенных основных положений диалектического материализма, мы подойдем теперь к вопросу о предмете научной психологии. Существует ли

этот предмет, существует ли психическое, отличное от органического? От разрешения этого вопроса зависит и решение вопроса о психологии, как автономной науке. Подобный вопрос в истории науки возникает не впервые. Он возникал, как мы знаем, в свое время и по отношению к биологии. Проблема жизни разрешалась либо путем сведения органического к физико-химическому, либо путем утверждения особой жизненной силы (вульгарный материализм и витализм). Перед биологией как будто стояла дилемма — либо перестать существовать в качестве автономной науки и раствориться в физике и химии, либо отстаивать свое право на автономное существование ценой отказа от научности, ценой обращения к метафизическому понятию жизненной силы. Психология как будто стоит перед аналогичной дилеммой: либо перестать существовать в качестве автономной науки и раствориться в физиологии, либо отстаивать свое право на автономное существование ценой отказа от научности, ценой возвращения к метафизическому понятию субстанциальной души. Однако, в обоих случаях дилемма — кажущаяся и в обоих случаях самое возникновение этой дилеммы обусловлено недиалектическим подходом к проблеме: игнорированием диалектической связи, объединяющей живое и неживое, психическое и физическое в их качественных отличиях.

Из основных положений диалектического материализма, как мы знаем, явствует, что психическое существует как качественно отличное от органического, что психическое не может не существовать. Всякая иная точка зрения антидиалектична и антиматериалистична. Непонимающие этого обычно „с тревогой“ вопрошают: Как? Вы признаете отличие психического от органического? Да ведь это же идеализм! Это же дуализм! — Нет, наша точка зрения ничего общего ни с

идеализмом, ни с дуализмом не имеет. Обратное, иная точка зрения на психическое, отождествляющая психическое с движением материи, неизбежно ведет к нематериалистическим выводам—к идеализму, дуализму. В самом деле, отрицать качественность психического, отождествлять психическое с движением материи—это значит вступить на путь механистического материализма, не понимающего перехода количества в качество и обратно, растворяющего качество в количестве, признающего, что существование качеств обусловлено только недостаточностью наших знаний, что с ростом познания будут уничтожены границы между качествами, иными словами, что качества существуют только в нашем сознании, субъективно. Так, отказ от признания качественности психического приводит к бескачественной материи, Кантовской вещи в себе, приводит к идеализму, к дуализму. Последовательно материалистическим взглядом на природу психического может быть только взгляд диалектико-материалистический.

С классическими формулировками диалектико-материалистического подхода к интересующей нас проблеме мы встречаемся у Энгельса, Плеханова и Ленина. „Материя в своем вечном круговороте движется согласно законам, которые на известной ступени должны то в одном месте, то в другом производить с необходимостью в органическом мире мыслящий дух“. ¹ „В действительности же в природе материи заключено то, что она приходит к развитию мыслящих существ, и поэтому такое развитие совершается необходимым образом всегда, когда имеются налицо соответствующие условия (поэтому не необходимо

¹ Энгельс. „Диалектика и естествознание“. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II, стр. 41.

повсюду и всегда). ¹ „Материализм вовсе не пытается свести все психические явления к движению материи, как это говорят его противники. Для материалиста ощущение и мысль, сознание есть внутреннее состояние движущейся материи. Но никто из материалистов, оставивших заметный след в истории философской мысли, не сводил сознания к движению и не объяснял одного другим“. ² Почему же диалектический материализм отрицает это „сведение“ психики к движению материи? Это отрицание зиждется на том, что свести психику к движению материи—это значило бы отождествить психику с другими свойствами материи, это значило бы прийти к учению о тождестве сознания и бытия, что стояло бы в прямом противоречии с основной теоретико-познавательной предпосылкой диалектического материализма, которая сводится к признанию „единство субъекта и объекта, а вовсе не тождества их“. ³ „Не в том состоят взгляды материалистов, чтобы выводить ощущения из движения материи или сводить к движению материи, а в том, что ощущение признается одним из свойств движущейся материи“. ⁴

Здесь говорится о соотношении между материей, с одной стороны, и психическим — с другой. Разнообразие терминов—ощущение, мысль, сознание, дух, мыслящий дух, мыслящее существо—нас не должно смущать. В этих терминах можно видеть лишь обозначение различных ступеней развития психического (или в отдельных случаях неустановленность терминологии). Для нас важно то, что психика не может быть сведена к движению ма-

¹ Энгельс. „Диалектика и естествознание“. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II, стр. 81.

² Плеханов. Предисловие к „Людвигу Фейербаху“ Энгельса, стр. 10.

³ Плеханов. Основные вопросы марксизма, стр. 27.

⁴ Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Собр. соч., т. X.

терии, что она является одним из свойств движущейся материи и притом не всякой материи, а организованной и больше того, не всякой организованной материи, а особенным образом организованной. Такое понимание психического отмежевывает диалектико-материалистическую точку зрения, как от точки зрения вульгарного материализма, отрицающего качественное отличие психического от физического, так и от точки зрения спиритуалистов, видящих в психическом нечто субстанциально обособленное от физического. Однако приведенные формулировки, давая определение психического как особого свойства особым образом организованной материи, не вскрывают взаимоотношения между психическим и материальным.

Ответ на этот вопрос мы находим еще у Фейербаха, „то, что для меня или субъективно есть чисто духовный нематериальный, нечувственный акт, то само по себе объективно, есть акт материальный, чувственный. Тут не устраняется ни одна сторона антиномии. И тут раскрывается истинное единство этих сторон“. ¹ Плеханов дает такую формулировку: „всякое данное психологическое состояние есть лишь одна сторона процесса, другую сторону которого составляет физиологическое явление“. ² И дальше Плеханов указывает, что психическое состояние составляет субъективную сторону физиологических явлений. А у Бухарина мы читаем: „психика есть интроспективное выражение физиологических процессов“. ³ (Интроспективное означает в данном случае субъективное.) Такое противопоставление субъективного объективному ни в какой мере не приводит к дуалистической концепции. „Если субъект и объект

¹ Фейербах. Собр. соч., т. X, стр. 220.

² Плеханов. Собр. соч., т. XVII, стр. 124—125.

³ „Енчменнада“. „Красная Новь“, 1924 г. № 6.

подлежат противопоставлению,—читаем мы у Ленина,—то это допустимо и необходимо лишь в условном, относительном смысле, а именно при гносеологической постановке вопроса, т. е. тогда, когда под субъектом разумеется познающее „я“, а под объектом — внешний мир. Но поскольку соотношение субъективного и объективного рассматривается с точки зрения связи между психическим и физическим у данного индивидуума, оперировать противоположностью материи духу..., как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой“. ¹ Итак, психическое — это внутренняя субъективная сторона объективных физиологических процессов.

Отсюда вывод: если психическое есть свойство материи, а материя пространственна, то и психическое, как совершающееся в материи, т. е. в пространственном, само также пространственно. Но будучи свойством материи, психика непротяженна. ² Влияние психического на физиологическое, а также психического на психическое осуществляется через физиологические процессы.

Таковы результаты логической дедукции понятия психического из основных положений диалектического материализма. Эти результаты в настоящее время подтверждаются экспериментальными данными, подводящими нас к разрешению интересующей нас проблемы путем генетической дедукции. В экспериментальных данных современной науки мы находим путь к ответу на вопрос о происхождении психического, к ответу на вопрос — на какой ступени развития материи появляется психическое, как субъективная сторона материальных процессов, субъективной стороной каких материальных процессов

¹ Ленин. Собр. соч., т. X, стр. 204—205.

² См. об этом — Франкфурт. Г. В. Плеханов о психо-физической проблеме. „Под знаменем марксизма“, 1926 г. № 6, стр. 58.

оно является. Современное состояние наших знаний в области биологии, физиологии, специально физиологии высшей нервной деятельности и сравнительной психологии указывает пути к разрешению этого вопроса. Отбросив механистический взгляд на психическое, как на движение материи, взгляд, превращающий психическое из свойства в атрибут материи и приводящий к панпсихизму, мы оказываемся перед вопросом о том, на какой ступени развития органической материи возникает психическое. И здесь, оставаясь верными диалектическому подходу к вопросу, мы должны отказаться от признания психического свойством всякой организованной материи. Психическое не свойственно протоплазме, оно не свойственно простейшим. Развитие организованной материи, умножение типов клеток, спецификация их функций, словом, дифференциация организма приводит к выделению клеточных групп, специализирующихся на регулировании связей, соотношений между организмом и средой. Все совершающиеся в организме физиологические процессы как внутренние, так и внешние (движения) осуществляют связь между организмом и средой, представляют собой реакцию организма на воздействие среды и сводятся в конечном итоге к процессу уравновешения со средой. Этот процесс уравновешения у организмов, лишенных нервной системы, весьма упрощен: такие организмы недостаточно пластичны, их реакция на воздействие среды однообразна и изменение воздействия среды, к которому такой организм не может быстро приспособиться, обычно приводит к гибели организма. Только у организмов, обладающих нервной системой, процесс уравновешения со средой становится дифференцированным, пластичным и выявляется в сложном, многообразном ряде действий, легко приспособляющих организм к изменениям в воздействиях среды. Нервная система

и является тем аппаратом, при помощи которого регулируются взаимоотношения с внешним миром. Этот аппарат постепенно усложняется: отдифференцировавшаяся в организме нервная система, развиваясь, сама по себе, начинает дифференцироваться; внутри нервной системы выделяется центральная нервная система. О том, что психическое, в своем возникновении и развитии, связано с нервной системой, высказывался еще Дарвин: „Движения, выражающие душевные настроения, составляют непосредственный результат строения нашей нервной системы... Всякое движение, совершаемое нами, обусловлено строением нервной системы.“¹ Таким образом, казалось бы, интересующий нас вопрос — разрешен: психическое возникает вместе с нервной системой, как субъективная сторона процессов, протекающих в нервной системе. Однако, мы полагаем, что это не так. Совершенно правильно ставит вопрос о функции психического Ю. Франкфурт, когда говорит, что „в отношении организма действительность психики, наших субъективных переживаний заключается в том, что они выполняют роль субъективного „объединителя“, как внутреннее выражение, как внутренняя сторона объективных механизмов, объединяющих наше тело в единое целое, в самостоятельную особь, в организм.“² А так как единство организма, как активного деятеля в окружающей среде, наиболее полным образом осуществляется при наличии у организма аппарата для образования условных рефлексов и тем самым для формирования индивидуального опыта, т. е. высших отделов центральной нервной системы, то именно в возникновении высших отделов

¹ Дарвин. О выражении ощущений у человека и животных, стр. 53.

² Франкфурт. Г. В. Пеханов о психо-физической проблеме. „Под знаменем марксизма“, 1926 г., № 6, стр. 58.

центральной нервной системы — головного мозга, как мы полагаем, следует видеть момент скачка, момент возникновения и психического, как субъективного объединителя, как субъективной стороны физиологических процессов, совершающихся в высших отделах центральной нервной системы. „Деятельность замыкательного и анализаторного аппарата высшего отдела центральной нервной системы устанавливает более подробные и более уточненные соотношения животного организма с окружающим миром, иначе говоря, более совершенное уравнивание системы веществ и сил, составляющих животный организм, с веществом и силами окружающей среды“¹ — читаем мы у И. Павлова. (Эти „более подробные и более уточненные соотношения животного организма с окружающим миром“, эту, обусловленную процессами, протекающими в высших отделах центральной нервной системы, активность организма, мы называем поведением организма. Подчеркиваем: под поведением организма мы понимаем биологический процесс активности организма, обладающего высшими отделами центральной нервной системы, в окружающей его среде, а не те физиологические процессы, которые протекают в высших отделах центральной нервной системы и которыми лишь обуславливается этот биологический процесс активности. Деятельность высших отделов центральной нервной системы есть регулятор поведения, но не само поведение.) О значении мозга задолго до И. Павлова писал Сеченов. „Мозг есть такой механизм, который, будучи приведен какими ни на есть причинами в движение, дает в окончательном

¹ И. Павлов. „Настоящая физиология“ головного мозга. 20-летний опыт изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных.

результате тот ряд внешних явлений, которыми характеризуется психическая деятельность“¹.

Связывая возникновение психического как субъективного объединителя с возникновением высших отделов центральной нервной системы, мы отнюдь не хотим этим сказать, что такой организм, обладающий высшими отделами центральной-нервной системы, выделяет себя из окружающей среды, субъективно противопоставляет себя среде. Это, как мы увидим ниже, — следующая, более высокая ступень развития психического. На той же ступени развития организма, о которой мы говорили, психическое-субъективное проявляется только в зародышевых формах.

VI

Как же разрешают вопрос о природе психического и о взаимоотношении между психическим и физиологическим школы — физиологическая и рефлексологическая?

Почему физиолог, подходя к изучению высшей нервной деятельности животных, „перестает сосредоточивать свое внимание на связи внешних явлений с реакциями на них животного и вместо этих фактических отношений начинает строить догадки о внутренних состояниях животных по образцу своих субъективных состояний“, — ставит вопрос И. П. Павлов в одной из статей своего сборника „Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных“. До сих пор он пользовался общими естественно-научными понятиями. Теперь же он обратился к совершенно чуждым ему понятиям, не стоящим ни в каком отношении к его прежним понятиям, к психологическим понятиям, короче — он перескочил от протяженного мира в непротяженный. Шаг, очевидно, чрезвычайной важности. Чем вызван он? Какие

¹ И. Сеченов. Рефлексы головного мозга. Стр. 28—29.

глубокие основания понудили к нему физиолога? Какая борьба мнений предшествовала ему? На все эти вопросы приходится дать совершенно неожиданный ответ: перед этим чрезвычайным шагом в научном мире решительно ничего не происходило. Естествознание, в лице физиолога, изучающего высшие отделы центральной нервной системы, можно сказать, бессознательно, наизумительно для себя, подчинилось ходячей манере — думать о сходной деятельности животных по сравнению с собой, принимая для их действия те же внутренние причины, которые мы чувствуем и признаем в себе. Итак, физиолог в данном пункте оставил твердую естественно-научную позицию. И что он приобрел вместо нее? Он взял понятие из того отдела человеческого умственного интереса, который, несмотря на свою умственную давность, по заявлению самих его деятелей, не получил еще до сих пор права называться наукой. Психология, как познание внутреннего мира человека, до сих пор сама ищет свои истинные методы. А физиолог взял на себя неблагоприятную задачу гадать о внутреннем мире животных... Психология в качестве союзницы не оправдала себя перед физиологией...¹ „Для последовательного натуралиста и в высших животных существует только одно: та или иная внешняя реакция животного на явления внешнего мира. Пусть эта реакция чрезвычайно сложна по сравнению с реакцией низшего животного и бесконечно сложна по сравнению с реакцией любого мертвого предмета, но суть дела остается все той же“.²

Таков исходный методологический принцип учения Павлова. Такова его программа. О душевной деятель-

ности высших животных он говорит как о „так называемой душевной деятельности“, и, устанавливая знак равенства между приспособлением животного к окружающей среде и его поведением, он поведение отождествляет с высшей нервной деятельностью. (В самом заглавии своего основного труда Павлов после слов „высшая нервная деятельность“ в скобках, как известно, помещает — „поведение“.) Итак, отправной точкой для Павлова является равенство: приспособление к среде = поведение = высшая нервная деятельность. В основе высшей нервной деятельности лежит механизм, устанавливающий связь между организмом и средой, — рефлекс. А потому, изучение поведения животного, изучение его высшей нервной деятельности следует начинать с изучения действия этого механизма.

Какова же позиция И. Павлова в области основного интересующего нас вопроса — вопроса о природе психического? Проследим эволюцию взглядов И. Павлова на этот вопрос.

В одном из первых своих выступлений, посвященных сообщениям о результатах его работ, в речи на Международном медицинском конгрессе в Мадриде, в 1903 г. Павлов рисует широкие перспективы, открывающиеся перед объективным исследованием. „Только идя путем объективных исследований, мы постепенно дойдем до полного анализа того беспредельного приспособления во всем его объеме, которое составляет жизнь на земле. Движение растений к свету и отыскивание истины путем математического анализа не есть ли в сущности явления одного и того же ряда? Не есть ли это последние звенья почти бесконечной цепи приспособлений, осуществляемых во всем живом мире?“... „Полученные объективные данные, руководясь подобием или тождеством внешних проявлений, наука перенесет рано или поздно и на наш субъ-

¹ „Естествознание и мозг“. Стр. 98 — 99.

² Естественно-научное изучение так называемой душевной деятельности высших животных. Стр. 55, 56.

активный мир и тем сразу и ярко осветит нашу столь таинственную природу, уяснит механизм и жизненный смысл того, что занимает человека всего более, — его сознание, муки его сознания".¹

Итак, от исследования в области физиологии высшей нервной деятельности животных Павлов мыслит себе непосредственный переход к исследованию сложнейших процессов психики человека.

Следует ли из этого, что Павлов здесь отождествляет психическое с физиологическим? Да. Хотя Павлов в этой же речи и заявляет, что психические явления отличаются от физиологических, но это отличие он усматривает только в степени сложности, отрицая таким образом качественную особенность психического и физиологического... В этом же смысле он высказывается в 1906 году в лекции, читанной в Лондоне: „В каком соотношении находятся уже многочисленные, приведенные выше, факты с фактами психологическими, что чему соответствует, и когда и кому этими соотношениями заниматься? Как ни интересно это соотношение, может быть, и сейчас, однако надо признать, что физиология пока не имеет серьезного повода к этой работе. Ее ближайшая задача — собрать, систематизировать и анализировать представляющийся бесконечный объективный материал... Но ясно, что это будущее физиологическое достояние и составит в значительной степени истинное решение тех мучительных задач, которые испокон века занимают и терзают человеческое существо".² (Разрядка наша. Б. Ф.)

¹ Экспериментальная психология и психопатология на животных, стр. 30.

² Естественно-научное изучение так называемой душевной деятельности высших животных, стр. 70 — 71.

Однако в 1909 году в докладе, сделанном Павловым в Обществе русских врачей, он выступает с заявлением, что факты физиологии нами мыслятся и как временные и как пространственные, тогда как факты психологические нами мыслятся только как временные (а следовательно — как непространственные). В том же докладе, впрочем, Павлов непоследовательно пытается перебросить мост от физиологии непосредственно к внутреннему миру человека. „Сколько тысячелетий человечество разрабатывает факты психологические, факты душевной жизни человека, — восклицает он. — Ведь этим занимаются не только специалисты-психологи, но и все искусство, вся литература, изображающая механизм душевной жизни людей. Миллионы страниц заняты изображением внутреннего мира человека, а результатов этого труда — законов душевной жизни человека — мы до сих пор не имеем. И поныне вполне справедлива поговорка: „чужая душа потемки“. Наши же объективные исследования сложно-нервных явлений у высших животных дают основательную надежду, что основные законы, лежащие под этой страшной сложностью, в виде которой нам представляется внутренний мир человека, будут найдены физиологами, и не в отдаленном будущем".¹

Однако, в речи, произнесенной им в Обществе русских врачей в 1912 году, мы вновь встречаемся с резким разграничением психологического и физиологического. „Вся суть рефлекторного механизма, составляющего фундамент центральной нервной деятельности, сводится на пространственные отношения, на определение путей, по которым распространяется и собирается раздражение.

¹ Дальнейшие шаги объективного анализа сложно-нервных явлений в сопоставлении с субъективным пониманием тех же явлений, стр. 92.

Тогда совершенно понятно, что вероятность вполне овладеть предметом существует только для тех понятий в этой области, которые характеризуются, как понятия пространственные. Вот почему ясной должна представляться мысль, что нельзя с психологическими понятиями, которые по существу дела непространственны, проникнуть в механизм этих отношений. Надо показывать пальцем, где было раздражение, куда оно перешло? Если вы живо это себе представите, тогда вы поймете всю силу и правду того учения, на котором мы стоим и которое разрабатываем, т. е. учения об условных рефлексах, которое совершенно исключило из своего круга психологические понятия, а все время имеет дело только с объективными фактами, т. е. фактами, существующими во времени и пространстве...¹

В чем смысл этих слов? В том, что психическое как непространственное не может быть связано с рефлекторным механизмом, а следовательно, с центральной нервной деятельностью, основой которой является рефлекторный механизм.

Перейдем к основоположнику рефлексологического направления — к В. Бехтереву. Свои воззрения на интересующую нас проблему В. Бехтерев строит на специально формулируемой им философской базе.

„Согласно новейшему воззрению, — читаем мы у Бехтерева, — материальный мир построен из положительных и отрицательных электронов, причем последние в атомах вращаются вокруг положительного ядра по орбитам наподобие планетной системы. (A. Right „Современная теория физических явлений“, 1907 г.). Позднейшие исследования в этом отношении Бора, Рутерфорда и Рож-

¹ „Главнейшие законы деятельности центральной нервной системы, как они выясняются при изучении условных рефлексов“, стр. 192 — 193.

дественского еще более углубили наши знания о строении атомов. Таким образом все философские взгляды прежнего времени, строившие свои воззрения на основе противоположения силы и материи, отпадают. Материя, изучаемая физикой и химией, в существе своем оказывается как бы фикцией, ибо на место атомов имеется связанная энергия и при этом энергия огромной силы, которую мы не можем получить, вследствие относительно малой сопротивляемости лучших изоляторов.

Но если такая материя есть фикция, а одна энергия есть реальность, то уже нет основания противопоставлять психическое материальному и, наоборот, и нам остается спросить себя, нет ли возможности и психическую деятельность свести на физическую энергию?

Прежде всего мы должны признать, что все психические процессы суть мозговые процессы, в основе которых лежит движение нервного тока. Но нервный ток в действительности есть уже энергия, причем мы имеем все основания говорить о трансформации известных нам энергий, действующих на внешние и внутренние поверхности тела, в нервный ток и о превращении последнего в молекулярную работу мышц, которая, в свою очередь, переходит в механическую работу.

То, что относится к субъективному и психическому процессу, повидимому, представляет собой результат более высокого напряжения той же энергии, как бы ее свойство проявлять себя самое при соответственных условиях.¹

Такова сущность „философских“ воззрений Бехтерева. Вещество сводится им к связанной энергии, жизнь для него не что иное, как проявление энергии. Мировой

¹ Бехтерев. Общие основы рефлексологии, стр. 75.

процесс сводится в конце концов к разнообразным проявлениям энергии и общие законы мирового процесса проявляются „более или менее одинаковым, по существу, образом во всех трех мирах — неорганическом, органическом и надорганическом“. Наши переживания являются „результатом энергии, лежащей в основе сочетательно-рефлекторных (нервно-психических) функций организма“. При этом Бехтерев считает, что нет никакого основания отрицать субъективную сторону у низших организмов вплоть до одноклеточных. Субъективное является прямым результатом энергии, проявляющейся в сложных белковых образованиях. Мало того, Бехтерев идет дальше: область субъективного расширяется у него до пределов всего мирового целого. В предисловии ко второму изданию „Общих основ рефлексологии человека“ Бехтерев пишет: „Мировой процесс, состоящий в постоянном превращении энергии и представляющий собой в объективном изучении непрерывную цепь все более и более усложняющихся взаимоотношений вещества, являющийся связанной формой той же энергии, осуществляется по одним и тем же основным принципам, будет ли он проявляться в движении небесных тел и процессах, в них происходящих, в процессах мертвой и живой природы нашей земли и в частности в жизни и проявлениях самой человеческой личности и, наконец, в обществе людей или так называемом надорганическом мире, со всею сложностью его внешних соотношений.

А если это так, то и внутренняя сторона явлений, которую мы открываем в самом себе путем интроспекции, не должна быть принадлежностью одного человека и ему подобных существ — животных. В той или иной форме, пусть даже самой примитивной или хотя бы в потенциальном виде, она должна быть и принадлежностью растительного царства и принадлежностью не-

органической природы во всем мировом пространстве“.¹

До сих пор мы ограничились лишь изложением воззрений физиологического и рефлексологического направлений на проблему психического, как эти воззрения сложились в работах Павлова и Бехтерева. Наша задача теперь дать оценку этих взглядов с точки зрения общих философских и методологических предпосылок научного познания — с точки зрения диалектического материализма.

Диалектико-материалистическое понимание психики исключает, как мы знаем, возможность сведения психики к движению материи. С точки зрения диалектического материализма — психика есть свойство материи и притом не всякой материи, а органической и больше того, не всякой организованной материи, а особенным образом организованной. Такое понимание психического отмежевывает диалектико-материалистическую точку зрения как от точки зрения вульгарного материализма, отрицающего качественное отличие психического от физического, так и от точки зрения спиритуалистов, усматривающих в психическом нечто субстанциально обособленное от физического. Далее. Как свойство материи психика представляет собой субъективную сторону объективных физиологических процессов, протекающих в высших отделах центральной нервной системы организма.

Как же смотрят на природу психического Павлов и Бехтерев? Взгляды Павлова на психическое, как мы видели, имеют двойственный противоречивый характер. Павлов либо отрицает самое существование психического, признавая лишь реакции организма на явления внешнего мира, которые при всей их „бесконечной сложности“ тождественны „с реакцией любого

¹ (Стр. 7 — 8.)

мертвого предмета", либо считает область психического недоступной объективному, т. е. научному исследованию.

В первом случае Павлов говорит лишь о приспособлении организма к среде, о поведении, устанавливая адекватность последнего высшей нервной деятельности, в основе которой лежит механизм рефлекса. Психика, как субъективная сторона этих процессов, для него не существует, качественное отличие психического и физиологического для него исчезает, и психическое растворяется в физиологическом. Такого рода чистый физиологизм приводит Павлова к построениям в духе немецкого материализма середины XIX века, отождествлявшего психическое с движением материи в духе более близких нам по времени концепций Леба, растворяющего психологию в физической химии.

Во втором случае Павлов объявляет психическое непространственным, разрывает связь между психическим и физическим, что и приводит его к дуализму, и далее, поскольку он отказывается от исследования психического, как недоступного объективным методам, т. е. научным методам, к агностицизму.

Несколько иная в этом вопросе позиция Бехтерева. Бехтерев становится на почву концепции, отождествляющей психическое с физическим так же, как и Павлов в первом случае, но, в то время как Павлов растворяет психическое в физическом, механизмируя психическое, Бехтерев приходит к тому же результату, психологизируя весь мир.

Как мы видим, ни точка зрения Павлова, ни точка зрения Бехтерева на природу психического ни в малейшей мере не отвечают требованиям диалектико-материалистической методологии. Характеристика немецкого материализма середины XIX столетия, данная Энгель-

сом, вполне приложима и к философским экскурсам Павлова: „Гегель был забыт, — писал Энгельс, — развился новый естественно-научный материализм, который теоретически почти вовсе не отличается от материализма XVIII века... Мы находим возрожденным плохое и ограниченное филистерское мышление до-кантовского времени у Бюхнера и у Фогта, и даже у Молешотта"...¹ Вгляды и формулировки немецких материалистов ни в какой мере не способствовали разрешению психофизической проблемы. То же можно сказать и о павловском сведении психического к физиологическому. Эта точка зрения вульгарного механистического материализма. Недаром наши механисты приветствовали указанные воззрения И. Павлова, считая, что эти воззрения открывают путь к сведению психических явлений к явлениям физико-химическим. Что же касается философских построений Бехтерева, то, как мы видели, его анти-материалистическая энергетическая концепция ведет непосредственно к панпсихизму.

VII

Формулировки, к которым мы пришли по вопросу о природе психического, однако, не исчерпывают этого вопроса целиком. Диалектически подойти к проблеме психического — это не значит только наметить истоки его, это значит также наметить и пути его развития.

Физиологические процессы, протекающие в высших отделах центральной нервной системы, и психика, как субъективная сторона этих процессов, регулируя взаимоотношение между организмом и средой, вместе с тем по-

¹ Энгельс. Рецензия на книгу К. Маркса „К критике политической экономии“. Цит. по сборн. „Исторический материализм“ под ред. Адоратского, стр. 125.

рождают новые взаимосвязанности между организмом и средой, а следовательно, и новые противоречия между ними. Эти противоречия, в свою очередь, являются стимулом к новому регулированию соотношений между организмом и средой, а значит и к дальнейшему развитию как структуры нервной системы, так и в особенности процессов, совершающихся в ней. Мы подчеркиваем в особенности процессы, потому что развитие организма в целом и отдельных его частей вовсе не обязательно должно выражаться в тех или иных анатомических изменениях, оно может проявляться в изменениях в области физиологических процессов. Особенно это относится как раз к процессам, совершающимся в высших отделах центральной нервной системы; те или иные изменения воздействий среды прежде всего заставляют изменять организм формы своих реакций на эти воздействия, и наиболее пластичным и наиболее утонченным и потому наиболее пригодным аппаратом для этой цели является как раз аппарат высших отделов центральной нервной системы. На основе такого развития высших отделов центральной нервной системы происходит и развитие психического, как субъективной стороны физиологических процессов, протекающих в высших отделах центральной нервной системы. Подобно тому как в свое время развитие нервно-секреторной системы создало внутри нервно-секреторной системы предпосылки для возникновения психического, точно так же в дальнейшем развитие высших отделов центральной нервной системы создало внутри высших отделов центральной нервной системы необходимые предпосылки для развития психического. Психическое становится, в свою очередь, качественно неоднородным: внутри психики, как ступень развития психического, выделяется сознание.

Когда мы говорим о возникновении „психического“ или о возникновении „внутри“ психического — „сознания“ мы отмечаем лишь заключительные моменты той или иной стадии развития — моменты возникновения новых качеств, моменты скачков. Мы не указываем на самые процессы, приводящие к этим скачкам. Однако, хотя развитие науки не дает еще достаточного материала для реконструкции этих процессов, но наука на пути такой реконструкции. Вспомним, как недавно Энгельс писал о значении для развития науки на диалектико-материалистической базе открытия переходных ступеней от рыб к земноводным и от яйцекладущих к живородящим (письмо к Конраду Шмидту и статья „Диалектика и естествознание“). Недалеко и то время, когда развитие физиологии высшей нервной деятельности и развитие сравнительной психологии также предоставят в распоряжение научного исследования проблемы „психического“ и проблемы „сознания“ искомые переходные формы.

Что же такое сознание? „Мое отношение к моей среде есть мое сознание“,¹ — писал Маркс. „Перед человеком сеть явлений природы, — стоим мы у Ленина, — инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный (разрядка наша. Б. Ф.) человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, условные пункты в сети, помогающие познавать ее и овладеть ею“. ² „Мое отношение к моей среде“ означает не что иное, как способность к избирательной деятельности, к выбору поведения и в то же время означает выделение себя как особи, как индивидуума из окружаю-

¹ Маркс и Энгельс „Немецкая идеология“. Архив, т. I, стр. 220.

² Ленин. Конспект книги Гегеля „Наука логики“, стр. 41.

щей среды. Второй момент подчеркивается и в формулировке Ленина, который кроме того отмечает связь сознания со способностью к абстрактному мышлению, ибо категории, о которых говорит здесь Ленин, суть абстракции.

Итак, подходя к проблеме сознания с точки зрения диалектического материализма, мы в сознании видим ступень развития психического. Признаком этой ступени психического является способность выбора поведения, иными словами, способность организма к планомерному регулированию своих взаимоотношений со средой. Планомерное регулирование взаимоотношений со средой предполагает способность к целеполаганию прежде всего, далее — способность к выделению себя из среды, способность противопоставления себя, как особи, как некоего единства, среде. Функция психики — быть субъективным объединителем объективного единства организма — именно в сознании осуществляется в наиболее полной мере. Планомерное (целеполагающее) регулирование своих взаимоотношений со средой предполагает способность предвидения; предвидение же невозможно без способности к причинно-следственному мышлению, т. е. к мышлению понятиями, абстрактному мышлению. Сознание невозможно без абстрактного мышления.

Каковы же те объективные условия, при которых возникает сознание, как способность организма к выбору поведения, как способность к выделению себя из окружающей среды, как способность к абстрактному мышлению? На какой ступени развития психики возникает это новое качество психического? Объективные условия, при которых возникает это новое качество психического, это — специфические условия взаимоотношения чело-

века с окружающей средой. Ступень развития психического, на которой появляется сознание, свойственна только наиболее высоко развитому организму — человеку. „Мышление и сознание... являются продуктами человеческого мозга“, — писал Энгельс,¹ а у Маркса мы читаем: „Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не относится ни к чему, для животного его отношение к другим не существует как отношение. Таким образом, сознание есть изначально исторический продукт и остается им, пока вообще существуют люди“.²

В чем заключаются особенности взаимоотношения человека с окружающей его средой? В этих взаимоотношениях есть одна черта, которая выделяет человека из остального животного мира: если пассивное приспособление свойственно всем организмам без исключения, если активное приспособление свойственно не только человеку, но и некоторым животным (например, бобер, строящий плотину), если употребление орудий присуще не только человеку, но и немногим другим высокоорганизованным животным (например, обезьяна, раскалывающая камнем орех), то только один человек способен к планомерному изготовлению орудия („Homofaber“, „Atool making animal“).

Почему же именно у человека появилось умение изготавливать орудия? Само собой разумеется, что для развития этого умения человек должен был обладать достаточно подвижной гибкой рукой. Но одного этого недостаточно. Решающее значение в данном случае имело не то, что человек пользовался своей рукой, но то, как, каким образом он ею пользовался. Человек пользовался своею

¹ „Анти-Дюринг“. 1924 г. Стр. 25.

² Маркс и Энгельс. „Немецкая идеология“ Архив, т. 1, стр. 220.

рукой трудясь, в процессе труда. Основным содержанием взаимоотношения человека с естественной средой является процесс труда, и именно здесь мы должны искать решения интересующего нас вопроса о специфических условиях взаимоотношения человека со средой и тем самым об особенностях его поведения. Как же разрешают этот чрезвычайно сложный вопрос основоположники диалектического материализма.

Маркс в I томе „Капитала“ дает такое определение труда: „Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, — процесс, в котором человек своей собственной деятельностью обуславливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит, как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы, руки и ноги, голову и пальцы. Действуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти. Мы не будем рассматривать здесь первых животноеобразных инстинктивных форм труда... Мы предполагаем труд в форме, составляющей исключительно достоинство человека. Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей — архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже пред началом этого процесса имелся идеально, т. е. в представлении работ-

ника. Он не только изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель (разрядка наша. Б. Ф.), которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю“. Итак, труд — это процесс, совершающийся между человеком и природой. Однако, Маркс не в этом усматривает специфические особенности процесса человеческого труда: он различает „животнообразные, инстинктивные формы труда“ (и животное ведь воздействует на природу) и труд „в форме, составляющей исключительное достоинство человека“. Особенность этой человеческой формы труда заключается в том, что в труде человек осуществляет „свою сознательную цель“; труд человека представляет собой целесообразную деятельность; именно в моменте целесообразности Маркс видит основной и специфический признак человеческого труда. В таком же смысле высказывается и Энгельс: „если животные оказывают прочное влияние на окружающую природу, то это происходит без всякого намерения с их стороны и является по отношению к этим самым животным чем-то случайным. Чем более, однако, люди отдаляются от животных, тем более их процесс воздействия на природу принимает характер преднамеренных, планомерных, направленных к определенным, заранее намеченным целям, действий.“¹ Действовать целесообразно, действовать, ставя перед собой какую-либо цель, — это значит предвидеть результаты своих действий. Чтобы по одному явлению предвидеть другое явление, необходимо по ним ать причинно-следственную связь между этими явлениями, что предполагает уже довольно

¹ „Роль труда в процессе очеловечья обезьяны“. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II, стр. 99.

высокую степень развития психики человека, а следовательно, довольно высокую степень развития его нервной системы, в частности мозга.

Что же способствовало развитию человеческого мозга? Энгельс так отвечает на этот вопрос: „Наши предки — обезьяны... были общественными животными; вполне очевидно, что нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков. Начинаясь вместе с развитием руки и труда господство над природой расширяло с каждым новым шагом кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности и стала ясней польза этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе орган: неразвитая глотка обезьяны преобразовывалась медленно, но неуклонно путем постепенно усиливаемых модуляций, и органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим“.¹ И дальше. „Сначала труд, а затем и рядом с ним членораздельная речь явились главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьян мог постепенно превратиться в человеческий мозг, который при всем сходстве в основной структуре, превосходит первый величиной и совершенством. С развитием же мозга шло параллельно развитие его ближайших орудий — органов „чувств“. Как постепенное развитие языка неизменно

¹ „Роль труда в очеловечении обезьяны“, стр. 91 — 93.

сопровождается соответствующим утончением органа слуха, точно так же развитие мозга сопровождается усовершенствованием всех чувств вообще. Орлиный глаз видит значительно дальше человеческого глаза, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла. Собака обладает значительно более тонким обонянием, чем человек, но она не различает и сотый доли тех запахов, которые для человека являются известными признаками различных вещей. И чувство осязания, которым обезьяна обладает в грубой, неразвитой форме, родилось у человека рядом с развитием самой руки, при посредстве труда. Обратное влияния развития мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проявляющегося сознания способности к абстракции и к умозаключению на труд и язык давало обоим все новый толчок к дальнейшему развитию“¹.

Подведем итоги. Развитие психики человека было обусловлено развитием труда, притом — общественного труда. (Человеческое общество от стаи обезьян именно тем и отличается, что оно в своем основном содержании является сотрудничеством). „Инстинктивная животнoобразная форма труда“ дала толчок развитию общества, развитию членораздельной речи и далее — развитию мозга“. „Обратное влияние развития мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проявляющегося сознания способности к абстракции, к умозаключению — на труд и язык“ привело к возникновению новой, более высокой формы труда, „составляющей исключительное достояние человека“, той формы труда, которая „начинается только при изготовлении орудия“. Появление человеческой формы труда и появление способности человека изготовлять орудия невозможны

² „Роль труда в очеловечении обезьяны“, стр. 93 — 95.

одна без другой. „Труд — первое основное условие человеческого существования и это в такой мере, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека“. ¹ „Животное пользуется только внешней природой и производит в ней изменения просто в силу своего присутствия: человек же своими изменениями заставляет ее служить своим целям (разрядка наша. Б. Ф.), господствует над ней. И это последнее — важное отличие человека от остальных животных и этим отличием человек опять-таки обязан труду“. ² „Естественно-испытатели и философы до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление; они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и первой основой человеческого мышления является как раз изменение природы человеком (т. е. процесс труда. Б. Ф.), а не одна природа, как таковая, и разум человека развивался пропорционально тому, как он научался изменять природу“ ³. Само собой разумеется, что речь идет здесь об общественном труде.

Итак, специфические условия взаимоотношения человека со средой заключаются в том, что это взаимоотношение приобрело характер труда и притом общественного труда. Средой, взаимоотношение с которой и составляет основное содержание активности (поведения) человека является среда социальная; самый процесс воздействия человека на природу (процесс труда) осуществляется через посредство социальной среды (общество — сотрудничество). Этим моментом и определяется качественное отличие психики человека, как субъек-

¹ „Роль труда в очеловечении обезьяны“, стр. 93.

² „Роль труда в очеловечении обезьяны“, стр. 101.

³ Энгельс. „Диалектика и естествознание“. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II, стр. 25.

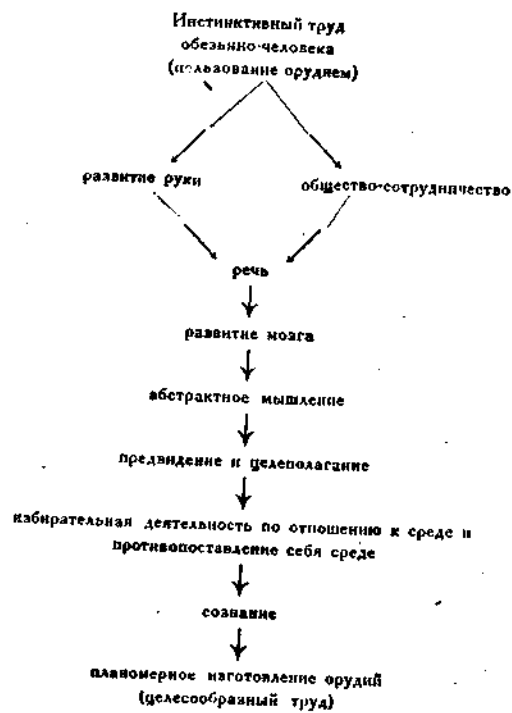
ективной стороны процесса поведения человека: ее объективным субстратом является поведение человека, строящееся на основе социально-организованного труда или в связи с социально-организованным трудом. Именно на этой основе развивается членораздельная речь, без которой невозможно, как мы видели, абстрактное мышление. (Необходимо отметить, что если в процессе зарождения способности человека к абстрактному мышлению последнее является производным по отношению к речи, то в дальнейшем, в самом процессе развития абстрактного мышления, мышление и речь развиваются параллельно, оказывая влияние друг на друга. С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что, говоря о взаимоотношении между мышлением и речью, мы имеем в виду только абстрактное мышление... Но об этом ниже.) Именно на этой основе возникает способность к образованию понятий, без которых невозможно предвидение, ибо без них невозможно познание отношений между вещами, причинно-следственных связей между ними. „Благодаря деятельности человека и создается представление о причинности... Деятельность человека дает возможность проверки причинности. ¹ Именно на этой основе, таким образом, возникает способность предвидения, без которого невозможно целеполагание, невозможно избирательная деятельность по отношению к среде, возникает способность к выделению себя из среды, развивается способность к выбору поведения по отношению к среде. Иными словами, именно на этой основе возникает и развивается сознание. („Мое отношение к моей среде есть мое сознание.“) Итак, мы можем сказать, что сознание определяется общественным бытием не только

¹ Энгельс. „Диалектика и естествознание“. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II, стр. 23 — 25.

в смысле содержания сознания, но и в смысле самой способности сознания. Подобно тому как живое диалектически развивается из неживого, а психическое из органического, точно так же психическое сознательное развивается из психического бессознательного.

VIII

Приведенные построения и формулировки основоположников марксизма по вопросу о сущности и происхождении сознания представляют собой не что иное, как результат логической дедукции из основных положений диалектического материализма. В итоге мы получаем следующий ряд:

Этот ряд подтверждается путем генетической дедукции на основе современных данных этнологии, педологии и языкознания. К рассмотрению этих данных и к анализу их мы и перейдем. Подтверждают ли эти данные, во-первых, что речь социогенна, во-вторых, что абстрактное мышление связано с речью, т. е. что способность к абстрактному мышлению обусловлена наличием речи и, в-третьих, что абстрактное мышление социогенно, а следовательно, социогенно и сознание.

Исчерпывающий ответ на первый вопрос мы имеем как в данных этнологии, как в данных педологии, так и в данных палеонтологии языка. Размер и характер настоящей статьи не позволяют нам подробно останавливаться на указанном фактическом материале. Ограничимся лишь несколькими характерными иллюстрациями.

Социогенность языка с несомненностью устанавливается прежде всего тем фактом, что современные языки примитивных народов при всей их бедности оказываются богатыми (значительно более богатыми, чем языки культурных народов) как раз в отношении слов, обозначающих те явления окружающей среды, которые тесно связаны с характером социально-трудовой деятельности данного народа. Так, у негритянских племен Австралии, живущих скотоводством, существует около десяти слов, обозначающих различные оттенки бурого цвета, что необходимо для различения животных в стадах. У индейских племен Северной Америки, живущих у моря и занимающихся рыболовством, существует несколько различных слов для обозначений ветров различных направлений. У эскимосов мы находим одно слово, обозначающее „снег на земле“, другое — „падающий снег“, третье, обозначающее — „снежный сугроб“, а четвертое — „снежную вьюгу“. У них же одно слово обозначает — тюленя, греющегося на плавающем солнце, а другое — тюленя, находящегося на плаваю-

шей льдине; кроме того, у них имеется много слов для обозначения тюленя различных возрастов. Эти данные свидетельствуют не только о социальной детерминированности речи, но и о конкретности примитивного языка (о значении последнего факта см. ниже).

Социогенез речи подтверждается всеми новейшими экспериментальными данными педологии. Но особенное значение имеют в этом отношении данные палеонтологии языка—данные, положенные в основу единственного учения о возникновении и развитии языка, стоящего на уровне современного фактического языковедческого материала, а также на уровне современных методологических требований. Мы имеем в виду созданную Н. Я. Марром яфетическую теорию, трактующую язык, как процесс диалектически развивающийся и обусловленный развитием хозяйственной жизни общества. Сам Н. Я. Марр называет свою теорию „общественно-материалистической постановкой науки о языке“. Язык, с точки зрения яфетической теории, это не естественное, а социальное явление. Происхождение языка, согласно этой теории, связано с социально трудовой деятельностью человека, причем самую раннюю форму речи эта теория видит в „линейном“ или „кинетическом“ языке, т. е. в языке жестикуляторном и мимическом; звуковой же язык возник позднее на основе перехода человека от употребления естественных орудий к употреблению искусственных, т. е. изготавливаемых человеком; он возник из коллективной трудовой песни. (В учении о происхождении языка яфетическая теория сближается, как видно из сказанного, с теорией Нуаре, однако, положения, выдвинутые Н. Я. Марром, были выдвинуты и развиты им независимо от Нуаре и на основе новейшего и гораздо более богатого материала).

Второй, стоящий перед нами вопрос о соотношении

между абстрактным мышлением и речью, в своей общей форме, как вопрос о взаимоотношении между мышлением и речью, считается вопросом дискуссионным. Здесь мы встречаемся с довольно большим разнообразием мнений—от утверждения, что речь и мышление—два совершенно различных и независимых друг от друга процесса, до утверждения, что речь и мышление это единый процесс и что, таким образом, речь и мышление возникли одновременно. Между этими крайними точками зрения располагаются промежуточные: речь и мышление—два процесса, теснейшим образом связанные между собой; при этом, по мнению одних, мышление невозможно без речи, а потому речь возникла раньше мышления, а по мнению других, речь невозможна без мышления, а потому мышление возникло раньше речи. Все эти разногласия, однако, объясняются совершенно неправильной, недialeктической постановкой вопроса: нельзя говорить о мышлении вообще или о речи вообще; и речь и мышление развиваются; в речи, как мы видели, следует различать формы—линейную и звуковую, а в мышлении, как мы увидим сейчас, надлежит различать мышление предметное или образное, или конкретное с одной стороны и мышление понятиями; или логическое мышление, или абстрактное—с другой стороны. При таком различении отпадает указанная дискуссионность вопроса. Данные современной науки с несомненностью устанавливают, что путь развития мышления лежит от мышления предметного, конкретного к мышлению логическому абстрактному и что, если предметное мышление возможно вне всякой связи с речью, то мышление логическое абстрактное возникает на основе линейной речи и развивается на основе речи звуковой, стимулируя, в свою очередь, развитие последней. Отсюда, когда мы говорим о социогенности мышления, то мы имеем в виду мышление абстрактное. Дан-

ные современной этнологии подтверждают вышеприведенные положения. Даже у современных некультурных народов, стоящих на значительно более высокой ступени развития, нежели человек того периода, когда возникла способность к абстрактному мышлению, эта способность еще чрезвычайно понижена. Так, например, у многих некультурных народов до сих пор сохраняется система конкретного счисления по частям тела — по пальцам, суставам пальцев и т. п. Некоторые племена Северно-Американских индейцев размер стада определяют не по количеству голов, а по тому, сколько места оно занимает. Понятия качества или состояния вне связи с тем объектом, которому это качество принадлежит или к которому это состояние относится, недоступно многим из современных некультурных народов: индеец говорит о доброте какого-либо лица, но он не станет говорить о доброте, как таковой; о способности к движению он говорит только применительно к объекту, обладающему этой способностью. Зато способность к конкретному мышлению у дикарей развита до чрезвычайности. Например, им свойственна совершенно недоступная для нас пространственная ориентировка. (Вспомним также вышеприведенные данные о конкретности примитивного языка.)

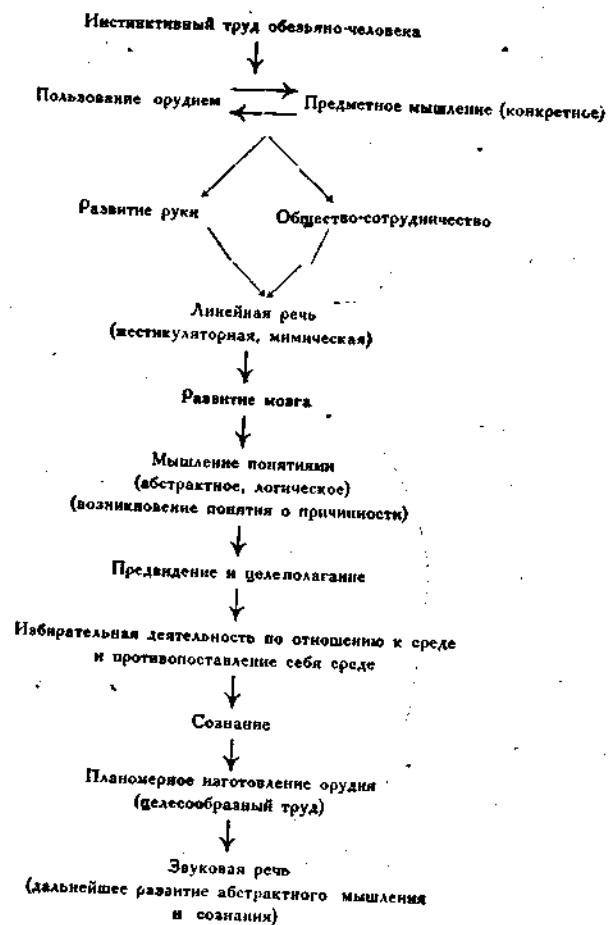
Данные педологии о мышлении ребенка опять-таки подтверждают все вышесказанное. Опыты Штерна над детьми, приведшие к установлению трех стадий в детском понимании окружающего мира, — стадии предметности, стадии действия и стадии отношений, опыты Пьяже над развитием способности детей к образованию относительных понятий, исследования, составляемых детьми объяснительных словарей, с несомненностью констатируют путь развития мышления ребенка от конкретного к абстрактному. Большой интерес в этом отношении представляют также исследования развития мышления у

детей-примитивов и детей — умственно отсталых. И эти опыты, опять-таки, дают богатейший материал, характеризующий абстрактное мышление, как высшую ступень развития мышления, теснейшим образом связанную с развитием речи. Последнее подтверждается также и экспериментами над механизмом мышления, как одной из форм активности. Мы имеем в виду эксперименты, направленные на исследование двигательной природы мышления вообще и в частности эксперименты, направленные на исследование проявлений двигательной природы мышления в форме речедвигательных реакций — опыты доктора Лешли. А, как выше было сказано, установить путь развития мышления от конкретного к абстрактному и вместе с тем установить связь между абстрактным мышлением и речью, это значит установить социогенность абстрактного мышления, а следовательно, и социогенность сознания.

Все вышесказанное дает возможность уточнить приведенную выше схему (построенную на основе формулировок, данных основоположниками марксизма).¹

Связь между сознанием и языком, социогенность того и другого — гениальные формулировки Энгельса и Маркса — таким образом, подтверждаются данными современного научного знания. А ведь впервые эта мысль была высказана основоположниками марксизма еще в 1845 году. „Человек имеет также „сознание“..., но и оно не имеется заранее, как „чистое“ сознание. На „духе“ заранее тяготеет проклятие „отягощения“ его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, в виде звуков, коротко говоря, в виде языка (Маркс имеет в виду звуковую речь, не учитывая еще значения жестикуляторной, линейной речи. Б. Ф.) Язык так же древен, как сознание, язык — это практическое,

¹ См. схему на стр. 58.

существующее для других людей, а значит, существующее также для меня самого реальное сознание, и язык подобно сознанию возникает из потребности сношений с другими людьми".¹

Из всего вышесказанного вытекает один чрезвычайно

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. „Немецкая идеология“. Архив, т. I, стр. 220.

важный вывод. Если способность к абстрактному мышлению, способность к предвидению и целеполаганию, а отсюда сознание и способность к преднамеренным, планомерным действиям возникают на основе социально-организованного труда, то отсюда следует, что ни способность к абстрактному мышлению, ни способность к предвидению и целеполаганию, ни сознание, ни способность к планомерным действиям не свойственны иным животным кроме человека. Современные данные сравнительной психологии, психологии высших животных, это вполне подтверждают.

Таковы, прежде всего, опыты Торндайка над кошками и собаками. Голодные животные помещались экспериментатором в клетку, дверца которой открывалась при помощи задвижки или веревки. Вне клетки клалась пища. Животное пытается найти выход из клетки, но находит его не путем проб, а случайно; причем требуется очень много экспериментов для того, чтобы установилась связь между определенными действиями и возможностью выйти из клетки и получить пищу. Что животное не понимает того, что делает, не предвидит последствий своих действий, не действует преднамеренно — об этом свидетельствуют, например, следующие данные опыта Торндайка над одной из кошек. В первый раз кошке понадобилось 160 секунд для того, чтобы выйти из клетки, во второй раз — время, потребное для решения задачи, сократилось до 130 секунд и при дальнейших опытах — до 90, 60 и 15 секунд; однако, 6-й и 7-й опыты дают повышение до 28 и 30 секунд, далее, 8-й и 9-й опыты — падение до 22 и 11 секунд, далее — вновь подъем до 15 и 20 секунд и т. д. Это свидетельствует, какую роль играет в поведении животного элемент случайности.

Аналогичный характер имели опыты Киннемана с

обезьянами из породы макак. При раскрывании клетки, закрытой на крючок, обезьяна употребила в первый раз 65 секунд, в третий раз—3 секунды, в пятый—2 секунды, а затем—в шестой—40, а в девятый—67 секунд. Кроме этих опытов Киннеманом ставились еще и опыты другого рода, имевшие своей целью выяснить отношение обезьяны к числу. На доске, длиной в 3 метра, ставились флаконы, обернутые в бумагу, на расстоянии 10 сантиметров один от другого. Один из флаконов заключал в себе пищу, и обезьяна должна была, найдя его в первый раз, находить его также и в дальнейшем. В результате, за 270 опытов она правильно выбрала флакон 61 раз, тогда как один из пустых флаконов—5-й—был ею схвачен 86 раз.

К аналогичным результатам, а следовательно, и к аналогичным выводам приводят опыты Гобгауза с кошками. На кусок картона, лежавший на столе, клалась пища—кусочек мяса или рыбы; к картону привязывалась веревка, свешивающаяся вниз со стола. Несмотря на то, что экспериментатор неоднократно сдерживал картон со стола за веревку и затем позволял кошке съесть пищу, кошка так же мало обращала внимания на веревку, как и до подсказывающих действий экспериментатора. Но зато, когда однажды веревка оказалась вымазанной рыбой, и кошка, начав ее кусать, нечаянно сдернула картон и подобрала корм, то после этого она стала каждый раз дергать за веревку.¹

Несколько подробнее остановимся на опытах Келлера над обезьянами, описанных им в его работе „Intelle-

¹ Описание опытов Торндайка и Киннемана заимствовано нами у Погодина из его книги „Язык, как творчество“, а описание опытов Гобгауза заимствовано из статьи Боровского „Метафизика в сравнительной психологии“. „Под знаменем марксизма“. 1927 год, № 7-8.

genzprüfungen an Menschenaffen“: Дело в том, что эти опыты дали основание некоторым психологам и, в частности, некоторым советским психологам утверждать наличие у обезьян способности к предвидению, целенаправлению, а следовательно, к абстрактному мышлению. Мы полагаем, однако, что и опыты Келлера, как и описанные выше опыты Торндайка, Киннемана и Гобгауза лишь подтверждают развитую выше нами точку зрения на происхождение способности к абстрактному мышлению у человека (социогенез) и на отсутствие этой способности у остальных животных. Приведем некоторые опыты Келлера. Обезьяне (шимпанзе) надлежит достать подвешенный высоко на стене апельсин. Кроме апельсина в поле зрения обезьяны находится ящик. При первом опыте обезьяна через 15 минут подвигает ящик к стене и достает апельсин. Опыт повторяется через несколько минут; однако, обстановка опыта несколько меняется. Ящик оставлен на прежнем месте, на расстоянии 3 метров от того места, где висел апельсин при первом опыте и куда при первом опыте обезьяна принесла ящик, апельсин же, подвешен на новом месте—по другую сторону от той точки стены, к которой прикреплена веревка, идущая от шеи обезьяны. Животное тщетно прыгает под новой целью, пытается достать апельсин, не замечая ящика. Затем внезапно направляется к ящику и протаскивает его большую часть пути к новой цели. На расстоянии $\frac{1}{4}$ метра обезьяна останавливается... и апельсин остается со стены не снятым. Ряд повторных опытов с ящиком не дает никаких результатов, и в конце концов ящик начинает вызывать у животного припадки ярости. Опыты приходится прекратить. Когда же через 9 дней опыт возобновляется, причем ящик стоит на расстоянии 2 метров от цели прямо против нее, обезьяна, после нескольких по-

пыток достать апельсин без ящика, берет ящик, подталкивает его к стене, встает на него и достает апельсин. При дальнейших повторениях опытов, правда, расстояние между ящиком и целью не играло такой решающей роли, как при первых опытах, но, однако, во-первых, каждый раз обезьяна начинала с того, что тянулась к цели и прыгала под ней и только затем обращалась к помощи ящика, а, во-вторых, в дальнейшем обезьяна обращалась к ящику и хватала его, как только она видела кого-либо с пищей, т. е. когда ящик был ей явно не нужен... В другой серии опытов, где орудие (в данном случае, лестница) и цель (пища) размещаются так, что одновременно не могут находиться в поле зрения обезьяны, экспериментатор должен для удачного результата опыта подвести обезьяну к орудию. Но, однако, и это не всегда дает положительные результаты. Келлер описывает ряд опытов, когда при взгляде обезьяны на пищу исчезало из поля зрения орудие (палка), при помощи которой она раньше доставала пищу и, напротив, взгляд по направлению палки приводил к изъятию из поля зрения пищи. При этих условиях обезьяна оставалась совершенно равнодушной к орудию (палке).

Из этого сам Келлер делает совершенно правильный вывод, что „изготовление орудий“ обезьяной является вначале всегда „функцией геометрической констелляции“. Что это значит? Это значит, что единство зрительного поля — структурное единство, связующее орудие и цель, является неперменным условием „разумной“ деятельности обезьяны. Это значит, что ни со способностью к абстрактному мышлению, ни с осознанием причинно-следственных связей, а следовательно, ни с предвидением, ни с целеполаганием мы у Келлеровской обезьяны не встречаемся, как не встречаемся мы с этими способностями у животных, над которыми ставились опыты

Торндайка, Киннемана и Гобгауза. Между действиями Келлеровской обезьяны, использующей ящик или палку в качестве орудия или даже действиями ее, когда она после многих неудачных попыток один ящик ставит на другой или из двух коротких палок составляет одну длинную (еще одна из разновидностей опытов Келлера), и действиями первобытного человека, изготовляющего каменный топор при помощи оббивня — коренное качественное отличие. Структурное единство в опытах Келлера с обезьяной дано. Человеком же, изготовляющим каменный топор, оно создается. По отношению к Келлеровской обезьяне можно говорить только о наличии предметного мышления. Всякий иной вывод из опытов Келлера свидетельствовал бы об отсутствии диалектического подхода к фактам. Внутренняя целесообразность вырабатывается и в действиях животного. Это — целесообразность в том смысле, в каком мы употребляем это слово, когда говорим о целесообразности приспособления организма к среде, как о проявлении причинной необходимости. Когда же мы говорим о чертах, специфически присущих деятельности человека, то имеем в виду целеполагание, преднамеренность. В этом смысле Маркс говорит о целесообразных человеческих формах труда, противопоставляя последние инстинктивным, животноеобразным формам труда. В этом смысле следует понимать мысль Энгельса о том, что „чем более... люди отдаляются от животных, тем более их процесс воздействия на природу принимает характер преднамеренных, планомерных, направленных к определенным, заранее намеченным целям действий“. ¹ Или его слова, что „люди... чем боль-

¹ „Роль труда в процессе очеловеченья обезьяны“. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II, стр. 99.

ше они отдаляются от животных в тесном смысле слова, тем более они начинают делать сами сознательно (разрядка наша. *Б. Ф.*) свою историю".¹ Целеполагающая деятельность человека выделяет его из остальной природы и как бы противопоставляет человека остальной природе. Это противопоставление и констатирует Ленин, когда говорит о „двух формах объективного процесса: природе механической и химической и целеполагающей деятельности человека“. ² Основное содержание целеполагающей деятельности человека, как мы знаем, составляет процесс труда и, притом, социально-организованного труда. И сознание является, таким образом, субъективной стороной процесса поведения человека, осуществляющегося на основе социально-организованного труда или в связи с ним.

Несколько слов о бессознательном у человека. Бессознательное, как ступень развития психики, у человека, поскольку оно развивается в условиях социальной среды и поскольку рядом с ним развивается и сознательное, — модифицируется. У человека бессознательное существует не как адекватное психическому, но как часть психического, являющееся притом и в качестве первичной его формы и главным образом в качестве формы производной (как отрицание сознания там, где мы встречаемся с угасанием или ослаблением сознания.) Бессознательное по отношению к человеку тоже, таким образом, социогенно.

IX

Вернемся вновь к физиологическому и рефлексологическому направлениям: как ими разрешается проблема сознания? В речи на Международном медицинском кон-

¹ „Старое введение к диалектике природы“. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II, стр. 171.

² Ленин и Колясник книги „Наука логики“ Гегеля, стр. 215.

грессе в Мадриде в 1903 г. Павлов уже намечает возможность перенесения результатов исследования условных рефлексов у животных на человека, применения этих результатов к разрешению проблемы сознания. „Полученные объективные данные, руководясь подобием или тождеством внешних проявлений, наука перенесет рано или поздно и на наш субъективный мир и тем сразу и ярко осветит нашу столь таинственную природу, уяснит механизм и жизненный смысл того, что занимает человека всего более, — его сознание, муки его сознания“. ¹ Далее, Павлов пытается эту программу осуществить. Так, в речи, произнесенной в 1913 году на общем собрании Общества Московского научного института, Павлов явления сознания сводит к физиологическим процессам, протекающим в больших полушариях головного мозга. „Сознание представляется мне нервной деятельностью определенного участка больших полушарий, в данный момент при данных условиях обладающего известной оптимальной (вероятно, это будет средняя) возбудимостью. В этот же момент вся остальная часть больших полушарий находится в состоянии более или менее пониженной возбудимости. В участке больших полушарий с оптимальной возбудимостью легко образуются новые условные рефлексы и успешно вырабатываются дифференцировки. Это есть, таким образом, в данный момент, так сказать, творческий отдел больших полушарий. Другие же отделы их, с пониженной возбудимостью на это неспособны и их функции при этом — самое большее — составляют ранее выработанные рефлексы, стереотипно возникающие при наличии соответствующих раздражителей. Деятельность этих отделов есть то, что мы

¹ „Экспериментальная психология и психопатология на животных“. „20-летний опыт“, стр. 30.

субъективно называем бессознательной, автоматической деятельностью. Участок с оптимальной деятельностью не есть, конечно, закрепленный участок; наоборот, он постоянно перемещается по всему пространству больших полушарий, в зависимости от связей, существующих между центрами, и под влиянием внешних раздражений. Соответственно, конечно, изменяется и территория с пониженной возбудимостью".¹

Здесь Павлов ограничивается тем, что дает, так сказать, физиологический образ сознания, тогда как в 1916—1917 гг. в сообщениях, сделанных на III съезде по экспериментальной педагогике и в Петроградском биологическом обществе Павлов подошел уже к физиологическому истолкованию сложнейших проявлений человеческой психики. Мы имеем в виду его работы „Рефлекс цели“ и „Рефлекс свободы“, где он утверждает, что вся жизнь, вся культура „делается рефлексом цели“, где трагедию самоубийцы он сводит к торможению рефлекса цели, где настойчивость англо-сакса объясняет тем, что англо-сакс является „воплощением“ рефлекса цели, а предательство товарищей в охране — „рефлексом рабства, унаследованным от матери приживалки“.

В то время как Павлов, как мы видели, ограничивается тем, что сводит сознание человека к физиологическим процессам, протекающим в высших отделах центральной нервной системы, Бехтерев идет дальше. Верный своей энергетической точке зрения, Бехтерев применяет ее и по отношению к проблеме сознания. Понимая под сознанием „все субъективное, что человек открывает в самом себе“, Бехтерев утверждает, что это

¹ „Объективное изучение высшей нервной деятельности животных“, стр. 230—231.

субъективное „неразрывно связано с жизнью“, и приходит к выводу, что между сознанием человека и проявлением энергии в сложно-белковых образованиях нет качественных отличий. „Энергия, проявляющаяся в сложных образованиях с содержанием фосфористых белков, сопутствует на ряду с физической стороной еще и общими субъективными состояниями, которые, наблюдая у себя в развитой форме, мы определяем, как свое сознание“.¹ Правда, всего лишь несколькими страницами дальше, Бехтерев проявляет большую сговорчивость, заявляя, что „если угодно признавать, что сознание есть просто функция мозга, рефлексология может это принять как вывод, вытекающий из тех или других научных данных, но рефлексологии не противоречат и иные гипотезы о сознании, исключая, само собой разумеется, метафизических.“²

Однако, такая постановка вопроса о сознании означает отказ от его постановки. И указанные построения Павлова, и указанные построения Бехтерева в равной мере неприемлемы, ибо и те и другие одинаково противоречат как общим методологическим основам научного знания, так и вышеприведенным фактическим данным современной науки. Исходя из принципов диалектико-материалистической методологии и на основе указанных фактических данных, мы установили социогенез явлений сознания, мы доказали правильность положения, выдвинутого Энгельсом, что мышление и сознание являются продуктами человеческого мозга; мы установили, что качественное отличие психики человека, как субъективной стороны процесса поведения человека, заключается в том, что ее объективным субстратом

¹ „Общие основы рефлексологии человека“, стр. 48.

² Там же, стр. 65.

является поведение человека, строящееся на основе социально-организованного труда или в связи с социально-организованным трудом; мы установили, что именно на этой основе развивается речь, развивается способность к образованию понятий, к абстрактному мышлению, к установлению причинно-следственных связей и, тем самым, к предвидению, что именно на этой основе развивается избирательная деятельность по отношению к среде, возникает способность выделения себя из среды, иными словами, что именно на этой основе возникает и развивается сознание. Как же разрешается проблема сознания Павловым и Бехтеревым? Павлов, как мы видели, при помощи физиологического метода намерен вскрыть природу сознания человека. Он убежден, что вся жизнь от простейших до сложных организмов, включая и человека, есть длинный ряд все усложняющихся уравниваний организмов с внешней средой, что, таким образом, все жизненные явления от простейших организмов до человека представляют собой качественно однородный ряд и что потому придет время, когда „математический анализ, опираясь на естественно-научный, охватит величественными формулами уравнений все эти уравнивания, включая, в них, наконец, и самого себя“. Рисуя столь заманчивые перспективы, открывающиеся перед физиологическим методом, Павлов, подходя к проблеме сознания вплотную, вынужден, однако, ограничиться лишь описанием гипотетического образа. Сознание, по Павлову, это — нервная деятельность определенного участка больших полушарий, обладающего в данный момент известной оптимальной возбудимостью. Деятельность остальной части больших полушарий, находящейся в состоянии пониженной возбудимости, мы (по Павлову) субъективно называем бессознательной автоматической деятельностью. Это, быть может, ценная постановка вопроса

о физиологическом субстрате бессознательного и сознания. Ей вместе с учением Ухтомского о доминанте, возможно, предстоит сыграть не малую роль в разрешении проблемы сознания. Однако, пока Павлов, как мы видим, ограничивается чисто описательной формулировкой и даже прибегает к образу светового пятна, движущегося по большим полушариям. В результате мы имеем указание только на механический субстрат сознания, да и то лишь в виде образа. Вскрыть сущность сознания возможно, как мы знаем, только на основе анализа предпосылок возникновения самой способности мозга производить явления, субъективную сторону которых представляет собой сознание. Отсюда сущность проблемы сознания не может быть вскрыта без учета социогенеза. Вне этого условия мы обречены на словесные формулировки в терминах рефлексологии, без перспективы установления внутренней связи между явлениями сознания и механизмами условных рефлексов. Это не учитывается Павловым, как не учитывается это обычно его учениками и попутчиками. А в результате мы опять-таки имеем построения в духе механического материализма середины XIX века, утверждавшего, что мысль представляет собой выделение мозга, подобно тому как желчь является выделением печени, что мысль есть движение, перемещение мозгового вещества и т. п. Проблема психики человека при таком подходе к ней, конечно, не разрешается, но упрощается. Бехтерев, как мы знаем, призывает к учету роли социального фактора в развитии человеческой личности. Это несомненно шаг вперед по сравнению с постановкой вопроса у Павлова. Но было бы бесполезно искать в работах Бехтерева отражение его взгляда на значение социального фактора при анализе проблемы сознания. Именно здесь, в самый нужный момент, Бехтерев забывает о социальном

факторе и в результате проблему сознания либо выбрасывает за борт (анализ сознания „никому не нужен“, для рефлексологии приемлемы любые гипотезы о сознании), либо растворяет сознание в психическом вообще, психическое в органическом, а органическое сводит к „энергии“. Иными словами, Бехтерев тоже отказывается от решения проблемы сознания, прибегая только для этого к иным, чем Павлов, приемам.

X

Мы установили путем логической дедукции из основных положений диалектического материализма, как общепсихологической и методологической концепции, и путем генетической дедукции на основе фактических данных современной биологии, физиологии, физиологии высшей нервной деятельности и сравнительной психологии существование психического, как субъективной стороны биологического процесса поведения организма с дифференцированными высшими отделами центральной нервной системы — поведения, совершающегося на основе физиологических процессов, протекающих в высших отделах центральной нервной системы и регулируемого этими процессами. Мы установили далее путем логической дедукции из основных положений диалектического материализма и путем генетической дедукции на основе фактических данных современной этнологии, педологии и яфетического языкознания, существование сознания, как субъективной стороны социального процесса поведения человека, совершающегося на основе процесса социально-организованного труда или в связи с ним и регулируемого этим процессом. Таким образом, мы имеем теперь отправные пункты для выяснения структуры научной психологии, для определения ее предмета и ее методов.

Прежде всего, совершенно ясно, что вне пределов психологии остается вся огромная область активности организмов, не обладающих высшими отделами центральной нервной системы; здесь нет еще психического; здесь совершаются только физиологические процессы; здесь господствует физиология. Далее, из тех определений психического и сознания, к которым мы пришли, явствует, что говорить о Психологии вообще, о Психологии, как об единой науке, не приходится, что необходимо различать Психологию животных и Психологию человека. Предмет Психологии животных — психические процессы, как субъективная сторона биологического процесса поведения животных, обладающих высшими отделами центральной нервной системы (точнее — как субъективная сторона взаимодействия такого животного со средой и тех физиологических процессов, которые протекают в высших отделах центральной нервной системы животного при его взаимодействии со средой). Психология животных, таким образом, имеет дело с явлениями бессознательного и, не растворяясь в биологии, принадлежит к числу биологических наук. Психология человека имеет своим предметом психические процессы, как субъективную сторону социального процесса поведения человека, как животного, обладающего способностью к целеполагающим, преднамеренным трудовым действиям (точнее — как субъективную сторону взаимодействия со средой социальной непосредственно и естественной через посредство социальной и тех трудовых процессов, которые совершаются при этом взаимодействии человека со средой).

Остается невыясненным вопрос: поскольку человек является животным, обладающим высшими отделами центральной нервной системы, не является ли он постольку

и предметом изучения для психологии животных. И да и нет! Да — поскольку человек взаимодействует с естественной средой и как биологическая особь. Нет — поскольку все взаимодействия человека с естественной средой осуществляются через посредство среды социальной. И сама биологическая природа человека изменяется под влиянием социальной среды. Отсюда вывод, что и те процессы (биологические, физиологические, психологические), которые свойственны человеку, как всякому животному, обладающему высшими отделами центральной нервной системы, должны быть предметом изучения не психологии животных, а психологии человека, ибо поскольку эти процессы свойственны человеку, постольку они приобретают свой совершенно специфический характер. Вспомним, что говорилось нами выше о бессознательном у человека, и тогда станет ясным, что психология человека, имея дело как с явлениями сознания, так и с явлениями бессознательного, не растворяясь в социологии, принадлежит однако к числу наук социальных.

Итак, предметом научной психологии человека является процесс взаимодействия между человеком и средой — социальной непосредственно и естественной через посредство социальной — процесс, проявляющийся во внешних действиях — поведении, во внутренних физиологических процессах протекающих в высших отделах центральной нервной системы и субъективной стороне обеих этих процессов. Эта субъективная сторона, в свою очередь, как мы видели, распадается на две качественно отличные области — область бессознательного, являющуюся, по преимуществу (для человека не исключительно, поскольку и бессознательное у человека развивается в условиях социальной среды) субъективной стороной фи-

зиологических процессов, протекающих в высших отделах центральной нервной системы, и область сознательного, являющуюся, по преимуществу (связь сознательного с бессознательным, а следовательно, с физиологическим) субъективной стороной социального процесса поведения в целом. У животных, где отсутствует социальная детерминация, где поведение до конца определяется агентами биологического порядка, где решающее значение, таким образом, приобретают физиологические процессы — субъективная сторона поведения может относиться только к области бессознательного. У человека же, где поведение прежде всего социально детерминировано, где оно определяется не столько агентами биологического порядка, сколько влиянием социальной среды, субъективная сторона поведения выявляется в форме как бессознательного, так и сознательного — при приоритете сознания.

В связи со сказанным, еще два замечания. Первое. Тот факт, что поведение человека мы рассматриваем как социальный процесс, что в числе элементов предмета научной психологии мы указываем социальную среду, нас обязывает к тому, чтобы отказаться от традиционного противопоставления индивидуальной и коллективной психологии. Психология личности, индивидуальная психология, может быть понята только в связи с коллективной психологией и, прежде всего, конечно, в связи с классовой психологией. При этом, однако, нужно хорошо помнить, что коллективная психика есть производное от психики индивидов. „Сверх-индивидуальное сознание есть миф“ — писал Плеханов.¹ Ю. Франкфурт, комментируя эту мысль Плеханова, совершенно правильно устанавливает следующее соотношение между коллективной

¹ Собр. соч., т. XVIII, стр. 128.

и индивидуальной психикой. „Реально есть только сознание в головах отдельных индивидов... Общественной коллективной психикой, т. е. психикой, присущей данной общественной группе, данному общественному коллективу, Плеханов называет те психические переживания, которые преобладают среди индивидов данного общественного коллектива. Общественная коллективная психика — это та часть психики индивидов, которая обща всем, преобладает у них. Кроме этой общей преобладающей у всех индивидов части психики, у каждого из индивидов общественного коллектива остается еще непреобладающая, не общая, чисто-личная, чисто-индивидуальная, характерная только для данного индивида часть психики, т. е. личные психические особенности, играющие (по Плеханову) меньшую, в сравнении с общими чертами, но все же большую роль...¹ Вышесказанное не следует, конечно, понимать в том смысле, что психология коллектива представляет собой сумму „общих частей“ психики индивидов. Отнюдь нет. Психология коллектива представляет собой нечто цельное; коллективной психологии присущи известные своеобразия закономерностей.

Второе замечание. В отношении психики человека мы устанавливаем приоритет сознания. Это следует понимать в том смысле, что именно наличием сознания определяется качественная особенность поведения человека. Вот почему мы можем утверждать, что проблема сознания должна стать центральной проблемой научной психологии человека. Из этого однако не следует, что она может стать проблемой, исчерпывающей содержание нашей науки.

¹ Ю. Франкфурт. Плеханов о диалектике в психологии. „Вестник Ком. Академии“, № 22, стр. 212.

Предметом научной психологии определяются ее методы.

Поскольку предметом научной психологии человека является активность человека во взаимоотношениях его со средой, социальная непосредственно и естественной через посредство социальной, постольку научное исследование психики человека возможно только на основе учета той социально-трудовой среды, в которой эта активность осуществляется. Отсюда основным методом научной психологии человека является метод социологический, вскрывающий закономерности социальной детерминации поведения личности, как целого. Социологический метод реализуется в двух формах: во-первых, в форме анализа социальной среды, в которой совершается поведение данной личности, — анализ социальной детерминации поведения данной личности — метод социолого-онтогенетический; во-вторых, в форме анализа зависимости между социальной средой и поведением личности в процессе развития среды и личности — метод социолого-филогенетический.

Социологический метод дает общую методологическую установку для научно-психологических исследований. Так как общую методологическую установку для всякого научного исследования вообще дает метод диалектического материализма, то, говоря о социологическом методе в научно-психологическом исследовании, мы имеем в виду метод исторического материализма, являющийся результатом применения метода диалектического материализма к анализу общественно-исторического процесса.

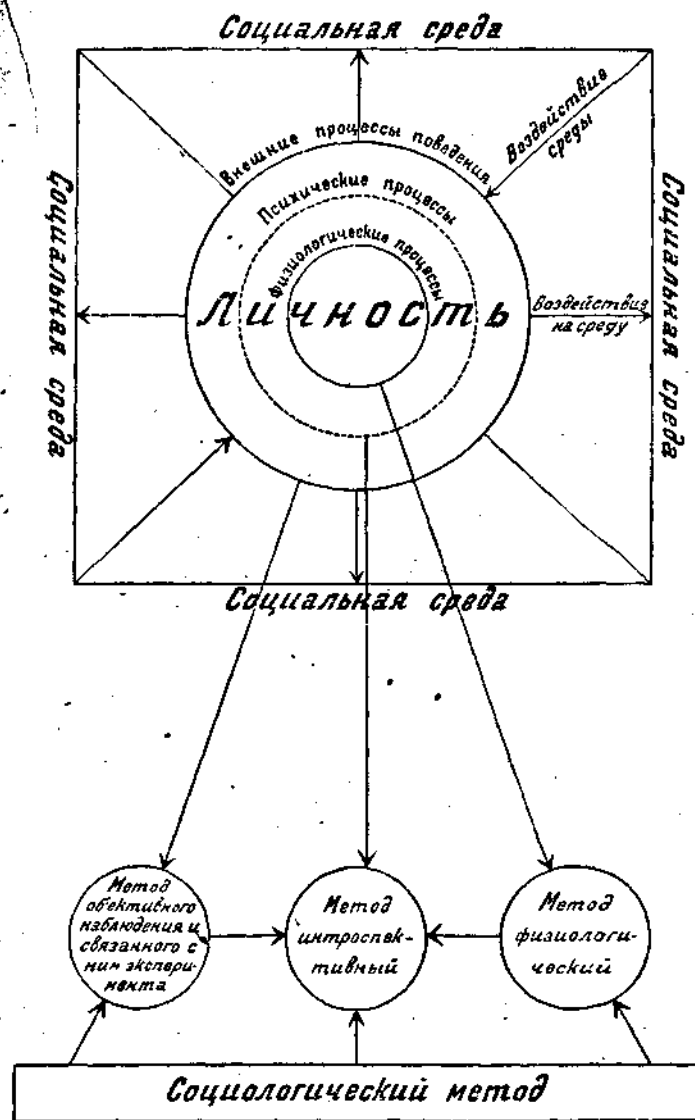
Поскольку, далее, предмет научной психологии человека — активность его во взаимоотношениях со средой проявляется, во-первых, во внешних действиях поведения, во-вторых, во внутренних физиологических процессах,

протекающих в высших отделах центральной нервной системы человека — и, в-третьих, в субъективной стороне обоих этих процессов, постольку рабочими методами научной психологии, направленными непосредственно на частный объект исследования, являются метод объективного наблюдения над поведением личности, как целого, и связанного с ним эксперимента, метод физиологический, исследующий те физиологические процессы, которые протекают в высших отделах центральной нервной системы в связи с поведением человека, и, наконец, интроспективный метод.

Соотношение между предметом и методами научной психологии человека можно представить схемой (см. стр. 77).

Как видно из вышесказанного, метод социологический является методом планирующим, направляющим и контролирующим. Научность рабочих методов обусловлена применением в психологии метода социологического. Без применения социологического метода, метод объективного наблюдения и связанного с ним эксперимента приводит к чистому описанию, иными словами, к позитивизму, метод физиологический — к отождествлению психического с физическим, иными словами, к вульгарному материализму, а метод интроспекции — к разрыву психического и физического, иными словами, к идеализму.

Не останавливаясь подробно на методах научной психологии животных, отметим, что, как видно из всего вышесказанного, психология животных не нуждается в социологическом методе. Будучи биологической наукой, она в своих построениях опирается не на социологию, а биологию и, пользуясь всеми тремя рабочими методами, она преобладающую роль предоставляет методу физиологическому.

XI

Подведем итоги.

Выше нами было указано, что ни в постановке проблемы психического, ни в постановке проблемы сознания пути марксистской психологии не совпадают с путями ни физиологического, ни рефлексологического направлений. То же следует сказать и в отношении проблемы психологии, как науки. В самом деле. Поскольку Павлов отождествляет психические явления с физиологическими процессами, постольку он отрицает за психологией право на существование, заменяя ее физиологией высшей нервной деятельности. Поскольку же Павлов признает существование психических явлений, как явлений непространственных, постольку он отрывает их от явлений физических и, признавая право на существование за психологией человека, выбрасывает ее, однако, за пределы научного познания и обрекает ее на метафизические построения в духе рациональной психологии или эмпирической. Что же касается Бехтерева, то он пытается доказать необходимость построения новой науки — Рефлексологии, противопоставляя последнюю как физиологии высшей нервной деятельности, так и психологии. Противопоставляя рефлексологию человека физиологии высшей нервной деятельности, Бехтерев в качестве основного аргумента выдвигает необходимость для рефлексологии человека „выяснить особо важную роль социального фактора в развитии человеческой личности“. Однако, как мы знаем, на практике как раз о социальном факторе Бехтерев и забывает. Противопоставляя же рефлексологию человека психологии, Бехтерев всю свою критику психологии, как науки, направляет против субъективной психологии, игнорируя факт возникновения и развития новой объективной психоло-

гии; а посему его конечный вывод о необходимости упразднить психологию и заменить ее рефлексологией остается необоснованным: необходимости построения новой науки — рефлексологии Бехтерев не доказывает, так как то, что по его мнению должно стать предметом рефлексологии, должно и может разрабатываться объективной, научной (марксистской) психологией.

Постановка всех трех перечисленных проблем лежит, прежде всего, в плоскости философской и обще-методологической. А между тем ни концепция Павлова, ни концепция Бехтерева с точки зрения философских, обще-методологических предпосылок не выдерживают критики. Концепция Павлова в целом либо дуалистична, и тогда она в области психологических проблем приводит его к агностицизму, либо, если она монистична и материалистична, то его материализм чужд диалектике — это материализм механический. Концепция Бехтерева не только анти-диалектична, но и анти-материалистична и против его энергетического философского обоснования рефлексологии может быть выдвинута в полной мере вся та цепь возражений, которые в свое время были выдвинуты Лениным против махистской физики, скатившейся к идеализму.

Однако, отвергая эти учения в целом, как системы — мы, как видно из всего вышесказанного, ни в малейшей мере не подвергаем сомнению огромную значимость учения об условных рефлексах, как метода исследования высшей нервной деятельности. Учение об условных рефлексах представляет собой одно из величайших достижений научной мысли, будучи рассматриваемо в тех границах, на которые оно только и может претендовать. Вскрывая механизмы, лежавшие в основе высшей нервной деятельности животного, учение об условных рефлексах тем самым вскрывает происхождение индиви-

дуального, приобретенного опыта и его соотношения с опытом родовым, наследственным, являясь, таким образом, как бы продолжением дарвиновского учения. Далее — учение об условных рефлексах, установив роль высших отделов центральной нервной системы, как мы видели, указывает научной психологии пути к разрешению вопроса об объективном субстрате психического, — вопроса, о той степени развития организованной материи, на которой возникает психическое. И, наконец, учение об условных рефлексах дает неоценимые методологические приемы в руки научной, марксистской, материалистической психологии человека. Учение об условных рефлексах как раз и должно составить содержание одного из трех рабочих методов научной психологии — метода физиологического. На ряду с учением об условных рефлексах в развитии физиологического метода научной психологии большую роль, как выше было указано, также должно сыграть учение Ухтомского о доминанте.

Огромное значение физиологического метода для развития научной (марксистской) психологии в настоящее время сознается всеми психологами, вступившими на путь построения этой психологии. И обратно — в среде физиологов и рефлексологов начинает проникать мысль, что дальнейшее плодотворное развитие учения об условных рефлексах невозможно без ограниченного синтеза этого учения с принципами марксистской методологии. Доклады некоторых из представителей физиологического и рефлексологического направлений на I Всесоюзном съезде по изучению поведения человека (январь 1930 г.) свидетельствуют об этом переломе. Совершенно не оправдывается, поэтому, появление в наши дни из среды физиологической школы таких, например, работ, как работа А. Иванова-Смоленского „Естествознание

и наука о поведении человека“ (подзаголовок „Учение об условных рефлексах и психология“) — книга философски беспомощная, пронизанная эклектизмом, книга, в которой нет ни малейшего намека не только на понимание, но и на элементарное знакомство с принципами научной диалектико-материалистической методологии.

Об использовании физиологического метода для развития научной психологии можно в наше время говорить не только, как о будущем, но и как о настоящем. То же следует сказать и о втором рабочем методе научной психологии — о методе объективного наблюдения и связанного с ним эксперимента. Огромная творческая работа, проделанная за последние годы советской психологией в области развития этого метода, дает в настоящее время в руки марксистской психологии готовое, достаточно отшлифованное орудие. Иначе обстоит дело с третьим рабочим методом научной психологии — с методом интроспективным. Необходимость в таком методе для марксистской психологии несомненна, а между тем, до наших дней на практическом применении этого метода лежит печать старой метафизической психологии. Плодотворное использование этого метода пока еще дело будущего, и задача марксистской психологии заново пересмотреть приемы интроспекции (что особенно сложно в области психологии животных) и установить такую связь между субъективным рабочим методом и двумя рабочими методами объективными, которая обеспечила бы надлежащий контроль над методом субъективным со стороны объективных методов.

Еще сложнее обстоит дело с руководящим и планирующим методом научной психологии человека — методом социологическим. Здесь пред марксистской психологией стоит двоякая задача: во-первых — применять

метод исторического материализма при анализе социальной детерминации поведения человека, во-вторых — применять этот метод при анализе данных современной этнологии и современного языкознания (необходимость использования этих данных для построения марксистской психологии, как мы видели выше, несомненна: эти данные должны будут составить значительную долю содержания социологического метода). Поскольку, подходя к вопросу о социальной детерминации поведения человека, мы сталкиваемся с экономической основой общества, с его классовой структурой и с политической надстройкой, постольку социологический метод оказывается достаточно испытанным орудием: в отношении экономической социально-классовой и даже политической детерминации поведения марксистская психология уже в настоящее время располагает если не методологическими навыками, то методологическими знаниями, теоретическими построениями. Мы имеем в виду в первую очередь исторические работы Маркса и Энгельса, социологические работы Плеханова и в особенности блестящие образцы применения марксистской методологии к конкретным вопросам политики и педагогики, с которыми мы встречаемся у Ленина. Иначе обстоит дело с той областью социальной детерминации, которая связана с высшими идеологиями. Здесь, в области теории общественной идеологии, сделано очень мало, так как эта область для своего развития требует уяснения проблем общественной психологии. А эти проблемы — проблемы коллективной психологии — сами по себе требуют еще разработки. Такова основная задача, стоящая перед научной психологией в области разработки социологического метода. Немногим менее сложная задача стоит перед марксистской психологией в отношении использования данных этнологии. Эти данные для того,

чтобы ими могла воспользоваться марксистская психология, должны быть предварительно проверены и проработаны под углом зрения теории исторического материализма, а для этого необходимо начать немедленно совместную работу марксистов-социологов и этнологов. Следующей ступенью будет сотрудничество этнологов и психологов. Значительно лучше обстоит с использованием марксистской психологией данных языкознания, так как здесь, благодаря яфетической теории, уже в наши дни прокладываются пути к марксистскому языкознанию. Здесь, в этой области, уже теперь наступило время для сотрудничества лингвистов и психологов.

Сложны и ответственны задачи, стоящие в наши дни перед молодой еще наукой — научной (марксистской) психологией. Путь к разрешению этих задач лежит через сотрудничество психологов с социологами, этнологами, лингвистами и физиологами. Но это сотрудничество может быть плодотворным только при условии, если и психологи, и социологи, и этнологи, и лингвисты, и физиологи подойдут к этим задачам, вооружившись диалектическим методом.

Путь к марксистской психологии лежит через Гегеля, Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина.

СТРУКТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ¹

Европейская психология переживает глубокий кризис. Было бы большой ошибкой изображать дело так, будто на Западе в психологии все незыблемо и спокойно, и только в Америке и СССР происходит радикальная перестройка психологии на новых началах. На самом деле радикальная перестройка происходит и в европейской психологии, но, разумеется, там кризис принимает совершенно иные формы, в зависимости от огромной исторической традиции, от господствующей идеалистической философии и еще более глубоко лежащих причин.

Сущность психологического кризиса заключается в борьбе материалистических и идеалистических тенденций, которые столкнулись в этой области знания с такой остротой и силой, с какой они сейчас не сталкиваются, кажется, ни в какой другой науке. Борьба этих противоположных тенденций оформилась с такой ясностью, что многие психологи-идеалисты, развивая идеи Дильтея и Мюнстерберга, защищают ту мысль, что современная психология должна расколоться на две отдельных, самостоятельных и независимых друг от друга науки, которые она неправомерно объединяет в себе.

Эта дуалистическая концепция психологии является, с одной стороны, уступкой стихийному материализму

¹ Мы переводим название нового психологического направления — Gestaltpsychologie — термином: структурная психология. Настоящий очерк не охватывает всех разнообразных направлений, называемых обычно структурно-психологическими.

естественно-научной, физиологической психологии, а с другой — попыткой сохранить безраздельное господство идеалистической теории в психологии духа. Богу воздается богово, а кесарю — кесарево.

Каждая из двух психологий, согласно этому взгляду, обладает своими задачами, своим методом и своим особым предметом исследования. Одна — это каузальная, естественно-научная психология; другая — телеологическая психология, как основная наука о духе. Шпрангер (E. Spranger), наиболее яркий защитник этой идеи раскола и выделения двух самостоятельных психологий, насчитывает 5 антитетических признаков, отличающих одну науку от другой. Он противопоставляет: 1) объясняющую психологию — понимающей, 2) индуктивную — интуитивной, 3) психологию элементов — структурной психологии, 4) механистическую психологию — психологии смысловой и 5) психологию как естественную науку — психологии как науке о духе.

Другие авторы, как Бюлер (K. Bühler), посвятивший специальное исследование теории психологического кризиса, делают попытки сохранить единство психологии как науки, отведя внутри нее место для каждого из противоположных аспектов. Все антитезы, выдвинутые Шпрангером, кажутся им примиримыми под углом одной основной идеи. Они полагают, что субъективная психология переживания и объективная психология поведения, бихевиоризм и эмпиризм, вместе с психологией культуры или психологией объективного духа, могут быть объединены как различные аспекты внутри одной и той же науки под главенством единого телеологического принципа. При этом сохраняется монизм психологии, но на основе идеалистической по существу концепции.

К числу таких попыток радикально пересмотреть

самые основы традиционной психологии и вместе с тем сохранить психологию, как единую науку, принадлежит и структурная психология (*Gestaltpsychologie*),¹ сложившаяся в последние полтора десятилетия в Германии и завоевавшая огромную популярность во всех странах мира.

Структурная психология пытается разрешить проблему „двух психологий“ третьим способом — глубоко отличным как от дуализма Шпрангера, так и от монизма Бюлера. Этот третий путь мы и попытаемся проследить в нашем очерке.

Сущность новой психологической доктрины легче всего представить себе, если исходить из того, чему себя противопоставляет новая психология. Эмпирическая психология является, по существу, психологией элементов, и структурная психология раньше всего противопоставляет себя психологии элементарной. Эмпирическая психология предполагала, что психическая жизнь складывается из отдельных первичных и далее неразложимых элементов, как например, ощущений, чувств и т. п., что эти элементы, объединяясь в более или менее сложные группы, образуют все многообразие психических процессов, которое мы наблюдаем в нашем сознании.

Внимание этой психологии было направлено, таким образом, на отыскание этих первичных элементов и установление основных законов, по которым происходит объединение и связь этих элементов между собою. Так, например, для этой психологии является глубоко характерным спор относительно того, представляет ли собой воля некий первичный и неразложимый далее элемент, переживание особого рода, несводимое ни к элементам

¹ Gestalt — буквально: образ, форма. Мы в дальнейшем везде передаем этот термин словом „структура“.

ощущения, ни к элементам чувства, или, напротив, она является только более или менее сложным агрегатом других элементарных процессов.

Ассоциационная психология является крайним выражением подобной мозаичной, или, как говорят новые авторы, психологии элементов. В ассоциации и ее различных формах видела эта психология основной закон объединения различных психических элементов в более сложные группы. Восприятие, с этой точки зрения, представлялось как сумма ощущений; представление — как более сложная ассоциация восприятий; мышление — как ассоциация представлений и т. д. Таким образом, эта психология атомизировала, расчленила на части психическую жизнь человека и затем из этих частей стремилась построить различные сложные целые, как они наблюдаются в переживании.

Ее основная установка была аналитическая, в своих объяснениях она шла всегда от частей к целому, пытаясь постигнуть и объяснить свойство какого-нибудь целостного процесса суммой свойств входящих в его состав частей.

Против этого основного положения выступили давно многие психологи. Целый ряд психических процессов ясно указывал на то, что этот путь является неправильным для их объяснения, и что целое в этом случае не может быть объяснено из свойств частей, входящих в его состав, а должно быть раскрыто с точки зрения тех свойств, которые присущи ему именно как целому.

Так, Эренфельс в учении о так называемом „качестве формы“ пытался преодолеть это основное затруднение, создаваемое элементарной психологией. Согласно этому учению, при таких переживаниях, как восприятие и воспоминание мелодии, фигуры, ритма и т. д., помимо восприятия отдельных частей, образующих мелодию, и

объединения их, имеет место еще и особое переживание, приносимое сознанием, — именно переживание качества формы, т. е. переживание всего объединения этих элементов, как целого.

Это учение является несомненным историческим предшественником новой структурной психологии. Оба они выросли, как реакция на атомизм традиционной психологии. Однако, есть два основных момента, в которых новая структурная психология радикально расходится с учением „о качестве формы“. Первый заключается в том, что структурная психология, как говорит Вертгеймер, исходит из того допущения, что здесь мы имеем дело не со специальной, частной проблемой, но с принципиальной проблемой всей психологии, физиологии и ряда смежных наук. Эта частная проблема рассматривается новой психологией, как самая основная и самая общая.

Второе отличие заключается в том, что самое учение о переживании целого структурная психология ставит совершенно по-иному. Она отрицает, что к чисто суммативному объединению элементов в этом случае присоединяется какой-то высший процесс, который действует сверх и помимо этих элементов как какая-то прибавка, приносимая сознанием, в роде творческого синтеза Вундта и т. п.

Оба эти момента приводят нас к формулировке основного принципиально-методологического положения, составляющего фундамент всей структурной психологии.

Психологические процессы представляют собой не простое объединение элементов и суммативную связь частей, основанную на простом сосуществовании одной части рядом с другой, а являются структурами, т. е. таковыми целыми, которые обладают своими специфическими

свойствами, характеризующими их именно как целые и не выводимыми из свойств их частей.

Основную проблему структурной психологии можно формулировать словами Вертгеймера: „Есть сложные образования, при которых свойства целого не могут быть выведены из свойств отдельных частей и их соединения, но где, напротив, то, что происходит с какой-нибудь частью сложного целого, определяется внутренними законами структуры всего этого целого. Структурная психология есть именно это, не больше и не меньше“.¹

Согласно учению структурной психологии, развитому в трудах Вертгеймера, Кёллера, Коффа, Левина и других немецких психологов, наличие таких структурных закономерностей составляет скорее общее правило, чем редкое исключение. Генетически подобные структуры являются первичными, и поэтому все учение о психогенезе, о психологическом развитии, — все равно, в каком плане мы бы его ни взяли: будем ли мы говорить о развитии животных, о развитии ребенка или о развитии примитивного человека, — все равно учение это должно строиться на признании примата структуры, т. е. целостных образований, определяющих свойства и функцию отдельных частей, входящих в их состав.

Основной принцип структурной психологии, как и значение этого принципа для всего учения о психологическом развитии, может быть пояснено на простом опыте, который проделал Кёллер (см. рис. 1). Опыт ставился так: домашняя курица была посажена в ящик с решеткой, так что курица могла высовывать шею и голову через эту решетку. Перед решеткой была поставлена горизонтальная доска. На ней были положены два

¹ Это положение напоминает известное положение Аристотеля: „Целое было раньше своих частей“.

листа бумаги светло-серого и темно-серого цвета (II и III), на каждом листе лежало равное количество зерен. Курицу приучали клевать зерна с более светлого из двух серых листов бумаги.

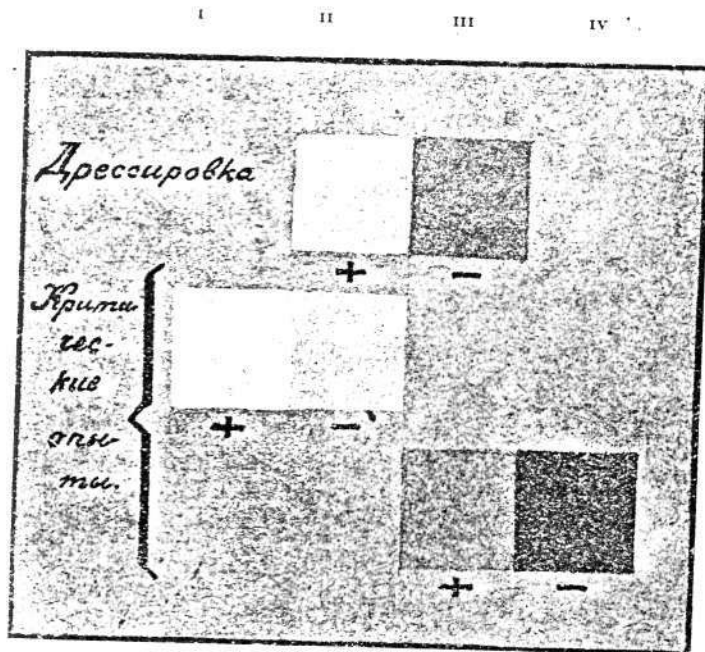

Рис. 1.

Достигалось это тем, что когда курица подходила к этому листу — ей позволялось съесть все зерна, когда же она подходила к другому листу — ее прогоняли. Оба листа при этом, конечно, менялись местами, так что каждый из них оказывался то справа, то слева от курицы. Потребовалось от 400 до 600 опытов для того, чтобы у курицы образовалась положительная реакция на светло-серый (II) и отрицательная реакция на темно-серый цвет (III), которая состояла в том, что курица подходила прямо

к светлому листу, клевала лежащие на нем зерна и не делала попыток клевать зерна с темно-серого листа.

После этого Кёллер перешел к критическим опытам. Курице, у которой путем долгой дрессировки была выработана твердая положительная реакция на светло-серый и отрицательная на темно-серый лист, были предъявлены два новых листа: один белый (новый), другой светло-серый, тот же самый, который участвовал в основной паре при дрессировке и на который у курицы была выработана положительная реакция (I и II).

Как будет вести себя курица в новой критической ситуации? Мы должны были бы ожидать, что курица будет клевать зерна с светло-серого листа (II), на который у нее выработана положительная реакция, чаще, во всяком случае, чем с белого (I), или что изменившаяся ситуация разрушит вовсе выработанную реакцию и курица будет вести себя так, как перед дрессировкой, т. е. будет подходить одинаково часто то к одному, то к другому листу.

Результаты опыта оказались совершенно другими: четырьмя курицами в 85 критических опытах 59 раз была обнаружена положительная реакция на новый нейтральный лист (I), не участвовавший в прежней ситуации вовсе, и только в 26 случаях был выбран прежний светло-серый лист (II).

Такие же результаты дал и другой критический опыт, который заключался в том, что курице была предъявлена новая пара, состоящая из темно-серого листа (III), участвовавшего в прежней ситуации, и нового черного листа (IV). В этой ситуации курица в большинстве случаев реагировала положительно на темно-серый (III), т. е. на тот самый, который в опытах с дрессировкой вызывал у курицы отрицательную реакцию.

Дальнейшее исследование привело Кёллера к убе-

ждению, что реакция курицы на абсолютное качество цвета, проявившаяся в 26 случаях, очень быстро теряет со временем силу, скоро забывается, а единственно существенным, длительным и прочным продуктом обучения остается реакция на структуру, что подтверждается большинством опытов. Эта реакция показывает нам с полной ясностью, что курица реагирует не на абсолютное качество цвета, а на соотношение цветов, на цветовую структуру как целое.

Два листа, предъявляемые курице в первой ситуации, являются для нее не суммой двух элементов, существующих рядом один с другим, а являются целостной структурой, которая определяет функцию и значение частей. Эти части могут меняться, как это мы видим в критических опытах. Взамен выбывающих частей, могут вступать другие части с новыми абсолютно качествами. Однако структура, как таковая, выработанная в процессе обучения, остается и при новых частях неизбежной, а свойства каждой части определяются тем целым, в которое она входит.

Структура этого целого в данном случае столь проста, что важнейшее соотношение, существующее между частями и целым, может быть выражено с совершенной ясностью. Курица реагирует на более светлый из двух серых тонов, она реагирует на структуру, и когда тот же светло-серый лист, который в одном сочетании являлся более светлым, в новом сочетании является более темным, он меняет свою психологическую функцию на обратную. Раньше он вызывал положительную, сейчас вызывает отрицательную реакцию.

Подобные же опыты ставил Келлер над человекоподобными обезьянами и над трехлетним ребенком. У ребенка после 45 опытов критические опыты дали тот же самый результат, что и у курицы, но еще более ясно

выраженный: ребенок без всякого колебания совершал выбор, вопреки абсолютному качеству цвета и в полном соответствии с цветовой структурой зрительного поля. Этими опытами Келлеру удалось выяснить в наиболее чистой и прозрачной форме значение структуры и — что самое важное — ее генетический примат над восприятием отдельных элементов или частей.

Эти опыты показывают, что простейшие структуры являются примитивнейшими способами поведения, а вовсе не продуктом каких-либо высших процессов сознания. То, что для прежних психологов было результатом высших форм сознательной деятельности, по мнению структурной психологии лежит в самой основе и в самых истоках психологического развития. Идя по пути указанному Келлером, Коффка защищает ту мысль, что, с точки зрения структурной психологии, должно быть коренным образом изменено традиционное учение относительно инстинкта и рефлекса. Мы должны оставить, по его мнению, традиционное учение, идущее от Спенсера и принятое Торндайком, которое пытается объяснить инстинкт из рефлексов. Мы должны, напротив, рефлексы объяснять из инстинктов.

Инстинкт представляет собою, согласно этому взгляду, некое замкнутое физиологическое целое, которое обладает всеми особенностями структуры и особенно главным ее свойством: целостностью и относительной независимостью от свойств частей. Как известно, отдельные частичные действия, входящие в состав инстинкта, могут в широкой степени варьировать и изменяться, причем инстинкт как целое остается тем же и обнаруживает тот же самый тип замкнутого процесса поведения.

Вспомним, — говорит Коффка, — постройку гнезда. В каждой определенной стадии никогда нельзя сказать наперед: теперь птица сделает то или иное движение, но:

теперь она будет выполнять ту или иную задачу. Поэтому инстинктивное действие можно уподобить не случайной последовательности тонов, но мелодии.

Наглядным примером того, как понимается в новой психологии инстинкт, может служить фигура, приведенная на рис. 2. При взгляде на эту фигуру всякий определит ее как открытый треугольник, несмотря на то,

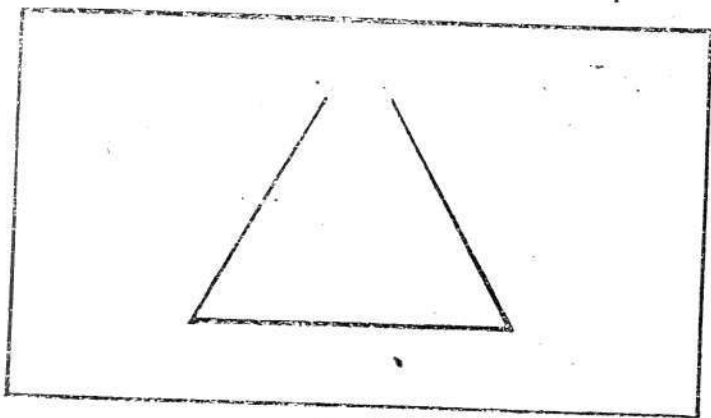

Рис. 2.

что эта фигура вовсе не имеет трех углов. Внутренний структурный закон отношения частей в этой незамкнутой фигуре проступает с такой ясностью, что хотя фигура, в сущности говоря, и не является треугольником, но она воспринимается нами как незамкнутый треугольник; она создает тенденцию закончить структуру, двигаться в том направлении, которое требует эта структура. Этот незамкнутый треугольник имеет тенденцию замкнуться.

Нечто подобное происходит и с инстинктом, который является такой незамкнутой и стремящейся к замыканию структурой поведения. По такому же типу открытых, незамкнутых и тандирующих к завершению структур отно-

сятся и наши влечения, и наши волевые действия. При таком понимании инстинкта, Коффа пытается избежать как механистического истолкования инстинкта, как простой суммы отдельных рефлексов, из которой никогда не могут быть объяснены свойства инстинкта как целого, так и виталистического объяснения инстинкта, видящего в нем сверх и кроме отдельных рефлексов, входящих в его состав, еще особую жизненную силу, образующую это целое.

Таким образом инстинкт, эта генетически первичная форма поведения, рассматривается как сложная структура, отдельные части которой слагаются наподобие элементов, образующих ритм, фигуру или мелодию. Самые рефлексы Коффа старается объяснить как отвердевшие инстинкты, наподобие того, как автоматизированные действия представляют собою отвердевшие и отложившиеся произвольные движения.

Подымаясь выше по лестнице развития поведения, структурная психология устанавливает, что тот же самый закон структуры лежит в основе не только инстинктов и простейших форм дрессировки, но и в основе интеллектуальных реакций, т. е. таких форм поведения, которые являются специфически характерными для поведения человека. Доказательству этой идеи посвящена известная книга Кёллера, излагающая результаты его исследований интеллектуальных реакций у человекоподобных обезьян.

Кёллер поставил себе задачей исследовать, могут ли быть обнаружены у человекоподобной обезьяны, этого нашего ближайшего родственника по эволюционному ряду, простейшие и зачаточные формы интеллектуальной деятельности того типа, который отличает деятельность человека. Критерием этого Кёллер избрал применение и употребление орудий, лежащее в основе всего человеческого культурного поведения.

Путем многолетних и тщательных исследований ему удалось показать, что обезьяны способны к простейшему употреблению орудий, и что таким образом у них имеется налицо психологическая предпосылка, необходимая для возникновения дальнейшего развития трудовой деятельности, превратившей некогда обезьяну в человека. Мы не станем останавливаться на том, что эти открытия Кёллера заполнили важное и недостававшее прежде звено эволюционной теории. К данным сравнительной анатомии и физиологии, указывающим на несомненное близкое родство высших обезьян и человека, Кёллер прибавил еще яркое и убедительное доказательство психологического характера.

Нас интересует сейчас другая сторона вопроса, — именно та, что в интеллектуальных реакциях обезьян Кёллеру удалось показать „чистую культуру“ этого особого вида реакций и установить, что она также всецело подчиняется законам структуры. Мы приведем некоторые из опытов Кёллера. Во всех этих опытах обезьяна ставилась в такую ситуацию, при которой овладеть приманкой (плодом) она могла не иначе, как при помощи орудия или при помощи обходного движения.

Обезьяна находится в клетке; перед клеткой за решеткой лежит банан; к банану привязана веревка, конец которой находится в клетке; обезьяна смотрит на цель и затем притягивает за веревку к себе плод. При этом она делает это не играя, а сразу, без предварительных проб. Собака, которую Кёллер для сравнения ставил в такую же точно ситуацию, проявляла живейший интерес к цели, но не могла приблизить ее к себе при помощи веревки.

Опыт с обезьянами осложнялся иногда тем, что веревка была еще привязана к столбу, как показывает рис. 3, и была протянута к клетке не под прямым углом,

отчего она оказывалась слишком короткой, чтобы с ее помощью обезьяна могла овладеть плодом. Обезьяна решала эту задачу так, как ее решил бы человек. Она продвигала обе руки за решетку, передавала конец веревки из одной руки в другую, натягивала веревку под прямым углом к клетке и таким образом добывала плод.

Другая вариация этих опытов заключалась в том, что, кроме веревки, которая действительно была связана

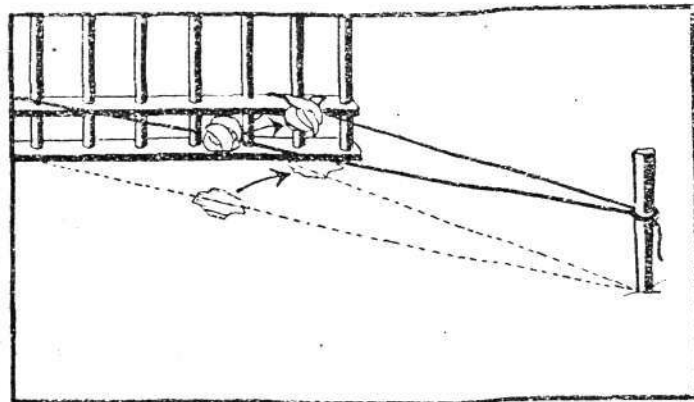

Рис. 3.

с плодом, перед обезьяной находилось еще несколько веревок. При этом оказывалось, что, если веревка только доходила до самого плода, даже не будучи привязана к нему, обезьяна притягивала ее к себе, и из многих таких веревок она тянула прежде всего наиболее короткую. Таким образом, уже в этих простейших опытах Кёллеру удалось показать, что оптическая связь между веревкой и между плодом определяла в данном случае поведение обезьяны.

То же самое обнаружилось и при опытах с употреблением орудий. Перед решеткой лежит плод, за решеткой находится обезьяна, в клетке лежит палка; обезьяна

решает задачу, приближая к себе при помощи палки плод. При этом обнаружилась чрезвычайно интересная особенность: чем более удалена палка от критического места, тем труднее обезьяне использовать ее. Случалось, что палки, которыми обезьяны уже много раз пользовались, теряли для них свое значение, когда они были достаточно удалены.

Если палка лежит в одном поле зрения с целью или близко к нему, обезьяна находит решение очень скоро;

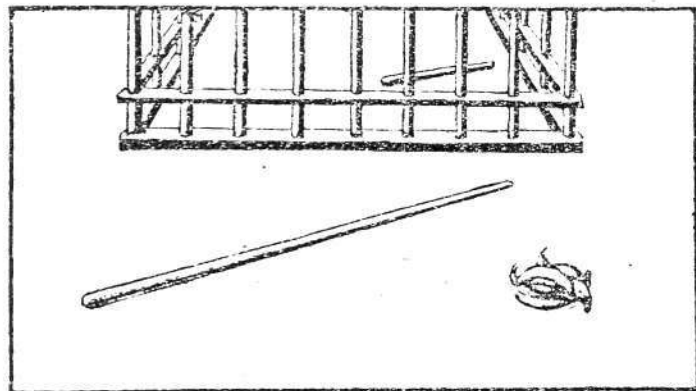

Рис. 4.

если палка удалена и оптического контакта между ней и целью нет, решение обезьяны сильно затрудняется. Однако, впоследствии и такое разделение палки и цели не мешало обезьянам правильно решать эту задачу. Мы видим, таким образом, что „превращение палки в орудие в известном смысле есть функция геометрической констелляции“.

Более сложная вариация того же опыта заключается в том, что перед решеткой лежит плод, за решеткой, перед обезьяной, лежит палка; однако, палка слишком коротка для того, чтобы достать плод. За решеткой, неподалеку от плода, но ближе к решетке лежит другая, бо-

лее длинная палка. Обезьяна сперва при помощи короткой палки достает длинную, а затем при помощи длинной приближает к себе плод (рис. 4).

Еще более сложная задача встает перед обезьяной тогда, когда плод помещен в ящик, стоящий перед решеткой. У ящика, как показано на рис. 5, нет одной стенки, однако ящик обращен к клетке своей закрытой стороной. Наиболее умная обезьяна догадывается выкатить плод через открытую стенку наружу, т. е. удалять

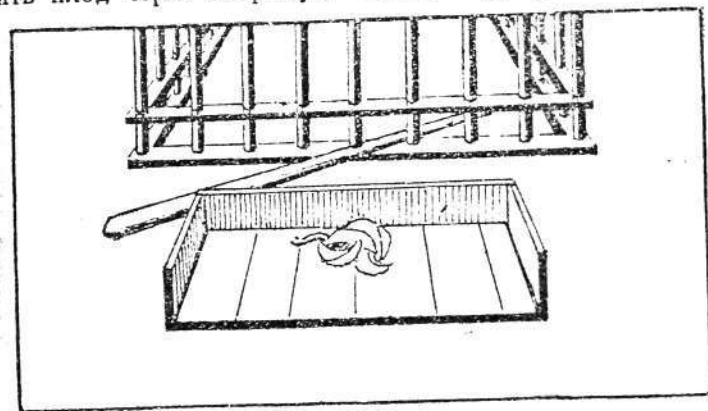

Рис. 5.

его палкой от себя, вместо того чтобы катить его к себе, и только после этого уже приближает его обычным способом.

Наконец, еще одним осложнением того же опыта является следующая задача. Плод находится в ящике. Одна стенка этого ящика закрыта решеткой, другая стенка забита горизонтальными досками, но так, что оторванная верхняя доска образовала щель. Плод лежит именно около этой стенки. Перед ящиком находится палка, привязанная к дереву. Обезьяна может воспользоваться палкой только для того, чтобы просунуть ее в эту заднюю стенку ящика. Она догадывается протолкнуть плод

к решетке, затем перебежать к противоположной стенке ящика и руками уже захватить плод. Во всех этих опытах обезьяны Кёллера употребляют сложные обходные движения, ставят сами себе промежуточные цели.

Аналогичные реакции имеют место и тогда, когда обезьяна должна завладеть плодом, подвешенным к потолку. Она придвигает ящик, взбирается на этот ящик и завладевает плодом. Когда одного ящика оказывается недостаточно для этой цели, обезьяна громоздит один на другой два или три ящика, взбирается на это сооружение как на лестницу и решает задачу.

Такой же опыт производил Кёллер и с палкой. Перед клеткой лежит плод, в клетке лежат две палки, причем каждая из них оказывается слишком короткой для того, чтобы достать плод. Одна из палок — более толстая и полая с обоих концов. Обезьяна пытается соединить обе палки, накладывая конец одной на конец другой, охватывает рукой их в месте соединения и пробует такой удлиненной палкой достичь цели.

Султан, самая умная из обезьян, несколько часов безуспешно пытался овладеть плодом, затем отошел, взял с собой палки и стал ими играть до тех пор, пока случайно конец одной палки не застрял в отверстии другой. Султан сейчас же применил эту удлиненную палку в качестве орудия и овладел плодом. С этих пор Султан втыкал иногда три куска тростника один в другой, заострял конец зубами, если он не входил в отверстие, и таким образом изготовлял себе орудие.

При этом опыте Кёллер обнаружил одну чрезвычайно важную деталь, которая указывает на совершенно структурный характер действий шимпанзе и которая может быть поставлена в параллель к опытам с курицей, приведенным выше. Кёллер употреблял в этом опыте четыре палки, так что первая входила во вторую, вто-

рая в третью и третья в четвертую. Две таких палки лежали параллельно перед животным, причем то более толстая, то более тонкая находилась ближе к животному.

8 раз из 12 опытов Султан брал более тонкую палку сразу правой рукой, а более толстую левой, — так, как это требовалось операцией, при которой он левой рукой спокойно держал толстую, а правой рукой втыкал тонкую. В четырех случаях Султан поступил иначе, но сейчас же без всяких проб после первого взгляда на палки и руки и раньше чем приступить к самому действию он немедленно их менял.

Таким образом, палка вторая, которая являлась более толстой по отношению к первой и более тонкой по отношению к третьей, обнаруживала свои свойства в зависимости от структуры, в которую она входила: будучи более тонкой из двух, она бралась правой рукой, будучи более толстой, она бралась левой. Психологическая функция ее, как стимула, определялась той структурой, в которую она входила, как часть.

Объяснение поведения обезьян психологи видят в том, что веревка, палка и другие предметы, употребляющиеся в качестве орудий, не являются для обезьяны изолированными, нейтральными вещами, они становятся составными частями ситуации, благодаря чему они приобретают функцию орудия. Вот почему пространственное выключение их из ситуации, как удаление палки, затрудняет образование новой структуры. Этим же объясняется и неудача этого опыта с собакой. Для собаки веревка и плод не образуют единой структуры.

Но самым блестящим доказательством структурного характера поведения обезьян является то, что обезьяна, раз нашедшая правильное решение задачи, оказывается независимой от чисто внешней связи между определенным предметом и определенной зрительной ситуацией.

Она усваивает структуру и применяет, в качестве палки, при изменившихся обстоятельствах, поля соломенной шляпы, пучок соломы, кусок проволоки, даже свое одеяло, принесенное из спальни, которое она просовывает через решетку, и которым старается приблизить к себе плод.

Короче, как говорит Кёллер, — „все, что воспринимается, как подвижное и вытянутое в длину, становится в данной ситуации палкой в чисто функциональном значении орудия“. Мы видим опять, что структура как целое оказывается широко независимой от изменения ее отдельных частей. „Если сказать, — говорит Кёллер, — что попадающая на глаза палка получила определенное функциональное значение для известных положений, что это значение распространяется на все другие предметы, каковы бы они ни были вообще, но имеющие с палкой объективно известные общие черты в смысле формы и плотности, то мы прямо приходим к единственному воззрению, которое совпадает с наблюдаемым поведением животных.

Поля шляп и башмаки, конечно, оптически принимаются шимпанзе за палки не всегда, а считаются ими таковыми в функциональном смысле лишь в известных случаях, после того как какой-нибудь предмет, скольконнибудь подобный им по наружному виду или свойствам, исполнял хоть раз функцию палки“.

За подобное же структурное толкование опытов говорят затруднения и ошибки, которые встречаются у обезьян на пути решения задачи. Одним из величайших затруднений для обезьян является то, что вещь, которую они приучились употреблять в качестве орудия, т. е. включать в определенную структуру, требуемую задачей, оказывается включенной в другую структуру. Выделить эту вещь из одной структуры и переключить ее в новую

оказывается задачей в высшей степени трудной для обезьян.

Хика, одна из обезьян, умевшая уже применять ящик в качестве лестницы для того, чтобы доставать плод, подвешенный к потолку, выбивается из сил, стремясь завладеть плодом, но не пытается, как обычно, приблизить ящик. В течение опыта другая обезьяна, Терцера, лежит на этом ящике, и, когда она случайно встает, Хика тотчас же схватывает ящик, придвигает его к цели и срывает плод.

Ящик, на котором лежит Терцера, включен в другую оптическую структуру, он является не „предметом для срывания плода“, но „предметом для лежания“. При этих условиях он не принадлежит больше к структуре, владеющей сейчас вниманием обезьяны.

Подобные же затруднения встречаются обезьяны тогда, когда они должны преодолеть какие-нибудь препятствия, стоящие на их пути. Отодвинуть препятствие, заграждающее решетку, для обезьяны оказывается гораздо более трудным, чем применить орудие.

Подобная же трудность выделения орудия из другой структуры сказывается и в том опыте, когда обезьяна в клетке не находит готовой палки, но когда она должна отломать ветку от дерева и употребить ее в качестве палки. Для многих обезьян эта задача представляется задачей чрезвычайной трудности. При этом любопытно, что многие обезьяны, прежде чем отломить ветку, старались использовать железные столбики, потому что эти железные столбы оптически представляли самостоятельное целое и не были включены в другую структуру, как ветка дерева.

Наконец, ошибки обезьян также обнаруживают то, что в своем поведении они руководятся, главным образом, оптической структурой наличной ситуации. Так,

обезьяны очень легко приходят к тому, чтобы поставить один ящик на другой, но они чрезвычайно плохо справляются с задачей сохранить при этом равновесие всей постройки. Правильно приладить края одного ящика к краям другого — эта задача, выходящая из пределов чисто оптической структуры, оказывается для обезьян в высшей степени трудной.

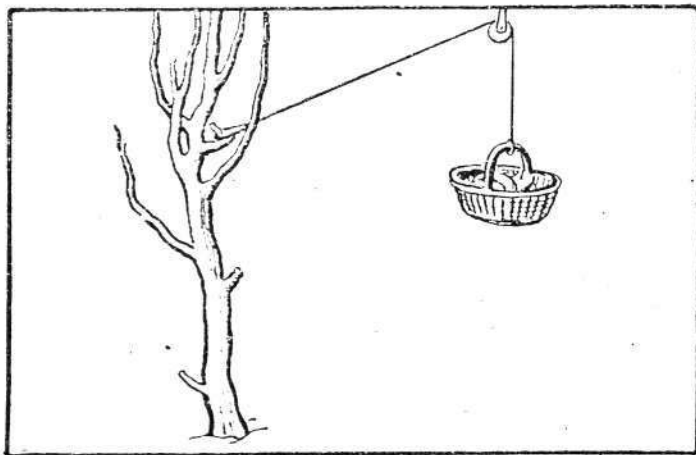

Рис. 6.

Существенной границей в действиях обезьяны было все то, что выходило непосредственно за пределы чисто оптической структуры. Когда плод был подвешен в корзинке на веревке, переброшенной через кольцо и прикрепленной петлей к сучку дерева, обезьяна не догадывалась снять петлю с сучка и таким образом сбросить плод на землю (рис. 6). Она тянула к себе веревку, держала ее изо всей силы и подымала вывалившийся при этом плод или разрывала эту веревку, тогда корзинка падала на землю, но обезьяна никогда не доходила до простейшего способа — снять петлю. Всякое механиче-

ское сцепление и прикрепление вещей оказывается для обезьяны неразрешимой задачей.

Палка, которая при помощи металлического кольца, привязанного к ней веревкой, надевалась на короткий гвоздь, оказывалась недоступной для большинства обезьян. Большинство обезьян дергало палку, грызло веревку, ломало палку. „Кольцо на гвозде, — говорит Кёллер, — повидимому, представляет для шимпанзе оптический комплекс“, который обезьяне в высшей степени трудно преодолеть.

Мы оставляем в стороне некоторые спорные вопросы в истолковании этих опытов, как и общетеоретические выводы относительно природы интеллектуальной реакции, как они вытекают из этих исследований.¹ Сейчас мы укажем только, что под влиянием этих исследований структурная психология приходит к коренному пересмотру всей психологической теории обучения и развития ребенка.

Самые процессы обучения рассматриваются этими психологами не как усвоение отдельных элементов и объединение этих элементов в более или менее сложные связи, а как образование целостных структур, без которых никакое обучение невозможно. „Всякое обучение, — говорит Коффка, — требует возникновения структур“. К этому выводу приходит он на основе анализа не только осмысленного, но именно механического обучения, как оно проявлялось в известных исследованиях Торндайка, изучавшего дрессировку животных.

• Значение принципа структуры для теории обучения

¹ Значение опытов Кёллера выходит далеко за пределы обоснования структурной психологии; мы все же останавливаемся в настоящем случае только на структурном истолковании этих опытов в согласии с нашей основной задачей — дать скатый очерк структурной психологии.

может быть иллюстрировано на примере опытов Готшалда. Он показывал испытуемому какую-нибудь более или менее замкнутую фигуру (рис. 7, фиг. А) и повторял эту демонстрацию иногда несколько сот раз, так что фигура со всей прочностью запечатлевалась у испытуемого. Затем испытуемому предьявлялась новая фигура В, в которую предшествовавшая, твердо заученная, входила, как часть.

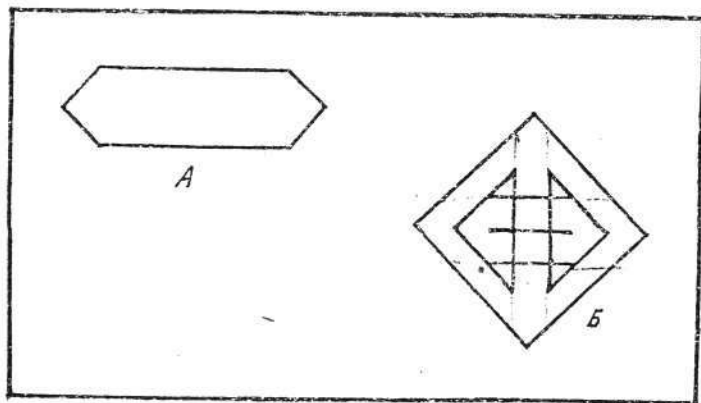

Рис. 7.

При этом оказывалось, что несмотря на многократное повторение заученной фигуры, она не только не выигрывала в ясности по сравнению с другими частями новой фигуры, которую испытуемый видел впервые, но испытуемый не находил ее в новой фигуре вовсе. Испытуемый не узнавал ее, в новой структуре она выступала раньше всего как часть, функционально связанная с новым целым, а ее самостоятельное действие, основанное на многократном повторении, не обнаруживалось вовсе.

Эти опыты обнаруживают огромное значение структуры в деле обучения и воспитания. Структурная психология пересматривает и основной закон памяти или за-

поминания, лежащий в основе всякого обучения. Если закон ассоциации гласит, что элементы А, В, С... и т. д., одновременно или непосредственно один за другим воздействующие на нас, вступают в связь, так что один из них стремится репродуцировать остальные, то закон структуры формулируется Коффкой следующим образом.

Если явления А, В, С... однажды или много раз действовали как члены одной структуры и если одно из них выступает именно в качестве такого члена, — оно имеет тенденцию более или менее полно воспроизвести и всю остальную структуру. Таким образом закон структуры, а не закон ассоциации, согласно этому учению, лежит в основе памяти.

Экспериментальное доказательство этому мы видим в опытах, произведенных под руководством Левина, в которых исследовалось заломинание законченных и незаконченных действий. Можно было ожидать, что действия законченные, которыми мы занимаемся дольше, должны быть удержаны нашей памятью лучше. Эксперимент показывает как раз обратное: испытуемый в течение опыта производит несколько десятков более или менее простых действий, из которых часть он доводит до конца, а часть обрывается экспериментатором в самом начале или в середине.

При этом оказывается, что незаконченные действия запоминаются в среднем на 50% выше, чем законченные. У детей это отношение оказывается еще более высоким. Для объяснения этого явления мы должны действительно отказаться от ассоциативного и должны перейти к структурному принципу. Мы должны припомнить „открытый треугольник“, как пример всякой незаконченной структуры подобного типа. Незаконченное действие создает состояние напряжения, выражающееся в тенденции к завершению этой открытой структуры.

Другие экспериментальные исследования Левина и его сотрудников также всецело подтверждают это предположение. Они показывают, что всякое действие является такой вытянутой во времени структурой, что всякое сложное действие складывается не как сумма из отдельных частей и составных движений, а возникает как целое, которое определяет значение и функцию каждой отдельной части. Каждое отдельное действие или движение, перенесенное в другую структуру, приобретает уже совсем другое значение и другие функции.

Левин приводит следующий пример: испытуемый повторяет до пресыщения и отказа какое-нибудь определенное действие, например, пишет одно и то же слово. Он отказывается делать это дальше. Но можно легко достигнуть того, чтобы он тотчас же без малейшего отказа выполнил то же самое действие, если оно будет включено в другую структуру. Стоит, например, попросить испытуемого написать то же самое слово на обороте листка, как заглавие опыта для руководителя, и сейчас же эта самая операция приобретает совершенно другое значение и другой смысл и, как говорит Левин, она изменяется в корне и начинает питаться энергией совсем из другого источника.

Мы видели, таким образом, что, начиная с простейшей инстинктивной деятельности и кончая сложными формами, так называемой, волевой деятельности человека, структурный принцип охватывает всю область явлений, изучаемых психологией. Вот почему сторонники этого принципа видят в нем не частный, но общий и универсальный методологический принцип, с точки зрения которого должна быть пересмотрена и перестроена вся психология глава за главой.

Мы укажем на попытки, сделанные в этой психологии в отношении пересмотра основных проблем детской

психологии и связанной с ними проблемы психологического развития. Мы уже видели из опытов Кёллера, что в области развития поведения от животного к человеку принцип структуры оправдывает себя на всех ступенях развития.

При этом оказывается только, что на разных ступенях развития в поведении животных оказываются возможными различные по сложности структуры. То, что является доступным для обезьяны, не представляет еще структуры для собаки; то, что представляет простейшую структуру для годовалого ребенка, оказывается не разрешимой задачей для самой умной из обезьян. Наконец, и сами обезьяны глубоко отличаются одна от другой по той степени сложности структур, с которыми они могут справляться. Таким образом, одинаково и инстинкт, и дрессура, и интеллект в своей деятельности подчинены закону структуры, хотя самые эти структуры отличаются друг от друга, как уже сказано, по типу и по сложности.

В принципе структуры обнаруживается единое положение, которым может быть охвачено все многообразие форм поведения во всем их развитии. Кёллер сам применял свои опыты к ребенку, ставя его приблизительно в такие же ситуации, в которых находились его обезьяны. Дети одного-двух лет справлялись с этими задачами тогда, когда эти задачи были не слишком сложны, и обнаруживали тем самым структурное родство своего поведения с поведением высших обезьян.

Однако, то, что у обезьян являлось высшим достижением, было только первой стадией в деятельности интеллекта у человеческого ребенка. Эти интеллектуальные реакции ребенка обнаруживают такое сходство с реакциями шимпанзе, что Бюллер предложил появление первых проблесков интеллекта, как они проявляются у ребенка в 10—11 и 12 месяцев, назвать

шимпанзеподобным возрастом ребенка. „В этом возрасте ребенок делает свои первые изобретения, — говорит Бюллер (K. Bühler), — конечно крайне примитивные, но в духовном смысле чрезвычайно важные“.

Перенесение этих опытов на ребенка имеет огромное теоретическое значение и по другим, более общим причинам. „Действия шимпанзе, — говорит Бюллер, — совершенно независимы от речи, и в позднейшей жизни человека техническое, инструментальное мышление во много раз в меньшей степени связано с речью и понятием, чем другие формы мышления. Говорили, что в начале образования человека стоит речь. Может быть, но до нее есть еще инструментальное мышление, т. е. схватывание механических сцеплений и придумывание механических средств для механических конечных целей“.

Таким образом, изобретения шимпанзе и аналогичные реакции ребенка обнаруживают доречевую стадию в развитии интеллекта, и показывают, что мышление и речь имеют и в онто- и в филогенезе различные корни, различные линии развития. Подобно тому как корни речи могут быть прослежены задолго до появления мышления, так же точно и корни мышления прослеживаются до начала речи в собственном смысле этого слова.

При этом сказывается чрезвычайно важный для всей детской психологии факт, — именно тот, что самое развитие речи в собственном смысле этого слова становится возможным только на основе „инструментального мышления“ в смысле Бюллера (Werkzeugdenken). Бюллер, а затем Коффка указывают, что осмысленное употребление речи, возникающее с того момента как ребенок делает „величайшее в своей жизни открытие“, говоря словами Штерна, — именно то, что „каждая

вещь имеет свое имя“, — обнаруживает с психологической стороны полную аналогию с изобретениями шимпанзе.

„Эти изобретения, — говорит Коффка, — мы объяснили, как структурные действия, поэтому и в назывании мы легко обнаружим структурную функцию. Слово, следовательно, входит в структуру вещи так, как палка в ситуацию „желания завладеть плодом“.

Перенесение, которое ребенок делает, применяя свое открытие ко всем аналогичным случаям, напоминает основанное на структуре перенесение функционального значения орудия на новые предметы. Уже Штерн в исследовании детского языка утверждал, что это открытие ребенка можно вне всякого сомнения определить, как мыслительную деятельность ребенка в собственном смысле слова. „Понимание отношения между знаком и значением, которое проявляется здесь у ребенка, — говорит он, — есть нечто принципиально иное, чем простое пользование представлениями и их ассоциациями“.

С точки зрения структурной психологии, использование слова в качестве знака с психологической стороны вполне аналогично использованию предмета в качестве орудия в какой-нибудь ситуации.

В заключение остановимся кратко на принципиально-методологических воззрениях структурной психологии. Основным пороком старой психологии, с новой точки зрения, является то, что эта психология пользовалась исключительно самонаблюдением и, следовательно, ставила в фокус внимания всякое переживание, которое она старалась изучить. Для этого она вырывала это переживание из той структуры, из той связи, в которой оно было дано, искусственно переводила его в новую структуру или новую связь, допуская, что при этом природа самого явления не изменяется.

Коффка сравнивает эту операцию с заиганием света или с увеличительным стеклом, к которому мы прибегаем, когда не можем прочесть письмо. „Точно так же, — говорит он, — и при самонаблюдении мы пользуемся светом и увеличительными способностями внимания, согласно этой психологической теории. Здесь мы сталкиваемся лицом к лицу с тем, что, по моему мнению, является одной из основных ошибок традиционной психологии, и на этой ошибке основана вся система“.

Эта ошибка заключается в том, что, разрывая структуру на элементы, старая психология лишала тем самым эти элементы и эту структуру самых существенных их свойств. „Чем бы ни была психическая жизнь, она все же не мозаика из твердых и неизменных вещей“.

Другие авторы также отмечают то, что традиционная психология переоценивала значение чисто феноменологического описания и исследования вопроса в ущерб каузально-динамическому, — вопреки давно известному в биологии положению, что возможно фенотипическое сходство при глубоком каузально-динамическом различии и, наоборот, фенотипическое различие при глубоком каузальном родстве; то и другое может уживаться прекрасно друг с другом.

Старая ботаника, говорит Левин, распределяла растения в определенные группы по форме листьев, цветов и т. д., согласно их фенотипическому сходству. Между тем, оказывается, что одно и то же растение может иметь совершенно различный вид, в зависимости от того, растет оно в низменности или на возвышенности.

Поэтому биология давно выдвинула на место феноменологического образования понятий „кондиционально-генетическое образование понятий“, которое устанавливает генотипическую природу явления и выводит из условий его существования и развития его определенный

фенотип. Все проблемы развития и исследования причинных реальных связей требуют от всякой науки, в том числе и от психологии, перехода к этому новому виду или типу образования понятий.

Это не означает, конечно, что структурная психология отказывается от использования самонаблюдения, этого одного из важных вспомогательных средств психологического исследования, как говорит Левин. Однако, самонаблюдение, с этой точки зрения, не оказывается вовсе единственным или хотя бы главным и основным методом психологического исследования. Наряду с ним и с совершенно равноправным отношением к нему применяется в структурной психологии и внешнее наблюдение. Поведение в такой же мере, как и переживание, субъективное и объективное наблюдение на одинаковых правах используются новой психологией. Самые описательные факты, добываемые самонаблюдением, только тогда могут войти в науку, когда они выдерживают объективно функциональную проверку. „Основным принципом психологического метода, — говорит Коффка, — является испытание его функциональными следствиями“.

Коффка различает в психологическом исследовании описательную или дескриптивную сторону поведения, составляющуюся на основании самонаблюдения, и функциональные понятия, создаваемые на основе внешнего наблюдения. Вот почему структурная психология принимает бихевиоризм в такой же мере, как и субъективную психологию, но отказывается от суммативной концепции поведения, свойственной некоторым бихевиористам.

Подобно тому как она отказывается видеть в психическом процессе сумму элементарных первичных переживаний, так точно в поведении она отказывается видеть простую сумму или механическую связь рефлексов.

К поведению, как и к переживанию, эта психология подходит с точки зрения структуры.

„Целое, — говорит Коффа, — вместо того чтобы слгаться из частей, в действительности определяет, чем эти части должны быть. Целое имеет собственные законы бытия, которые определяют род этого целого, устойчивого или склонного к трансформации, и направление этой трансформации“. Именно исходя из целостного понимания поведения, эти психологи отказываются раздельно изучать психику и поведение, объединяя то и другое, как субъективную и объективную, внешнюю и внутреннюю стороны. То и другое рассматривают они, как части единого целого, одной структуры.

„Психическое и физическое, — говорит Вертгеймер (Wertheimer), — в обычном понимании есть нечто совершенно гетерогенное; между психическим и физическим существует гетерогенность *toto genere*; это две области, которые, слава богу, совершенно отделены одна от другой“. С этим традиционным дуалистическим пониманием борется структурная психология.

„Представьте себе, — говорит Вертгеймер, — что человек танцует. В танце есть воодушевление, радость. Как обстоит при этом дело? Действительно ли мы имеем, с одной стороны, отдельно сумму физических движений мускулов и членов, а с другой стороны — отдельно — психические, сознательные процессы“. Физиологические процессы, составляющие основу нашего поведения, обнаруживают в своем течении или идентичные, или родственные структуры с теми, которые обнаруживаются и в психических процессах. В этом смысле внешняя и внутренняя сторона поведения представляется единой.

Поэтому вся психофизическая проблема, как на это указывает Вертгеймер, приобретает совершенно новую постановку в структурной психологии. В этой про-

блеме обнаруживается та же монистическая целостная тенденция, которая проникает и всю структурную психологию вообще.

„Эти целые, — говорит Коффа, — не являются особенностью психики. Если мы будем присматриваться, мы найдем их повсюду в природе, следовательно, мы принуждены принять существование таких целых в нервной системе, рассматривать психофизические процессы как такие целые, если только имеются основания для такого взгляда. Таких оснований много. Поэтому мы не можем отделить сознательные процессы от процессов, не сопровождающихся сознанием. Мы должны принять, что сознательные процессы являются частичными процессами больших целых и что, указывая на другие части того же целого, они свидетельствуют перед нами о том, что физиологические процессы являются такими же целыми, как и процессы психические“.

Важнейшим доказательством наличия подобных структур, в основном родственных с психическими и в нервной системе, являются исследования, произведенные Гольдштейном и Гельбом над людьми, страдающими поражениями мозга. При поражении мозга, как показывают эти исследования, структурная функция расстраивается, больной воспринимает ситуацию как простую сумму элементов, не умея объединить их даже в самую простейшую структуру.

Келлер, который держится крайних взглядов в этом направлении, идет еще дальше и в особом исследовании пытается показать, что структуры могут быть обнаружены не только в деятельности нервной системы, но и в чисто физических процессах и что, таким образом, физико-химическая основа нервной деятельности также, как и следует ожидать, должна будет обнаружить родственные структурные явления с структурами психологическими.

Поэтому Кёллер полагает, что обычное утверждение о том, что даже при самом полном знании мозговых процессов мы все же не постигнем законов психической жизни, является неверным. Трудно допустить практически такое совершенное знание мозговых процессов, но принципиально, говорит он, мы должны ожидать, что полное знание мозга даст нам ключ и ко всем структурам психических процессов.

Именно в признании структурного единства психических и физиологических процессов видят эти психологи возможность преодоления того противоречия, которое создается спором между виталистической и механистической теорией, одинаково отвергаемыми структурной психологией. Эти авторы полагают, что возникновение структурных явлений может быть объяснено естественным путем без всякого привнесения виталистических гипотез, как результат усложнения сперва физико-химических, а затем физиологических образований. Поэтому изучение условий, при которых возникает целостная структура, закономерностей и тенденций, управляющих этим целым, становится основной задачей структурной психологии.

В последней своей работе Вертгеймер указывает, что структурная психология открывает нам путь к структурному пониманию и человеческой личности в целом. Принципиально так же, как мы изучаем с новой точки зрения восприятия, действия и инстинкты, мы должны изучать и личность человека в целом. Она тоже не складывается суммативно из отдельных черт характера как из своих элементов.

Наоборот, каждое свойство и черта характера могут быть определены из структуры личности как целого. Одно и то же действие, одно и то же свойство, рассматриваемое как элемент, могут быть одинаковыми у различных людей, но взятые в целом они могут быть глубоко

различны. „Si duo idem faciunt non est idem: если двое делают одно и то же, это не одно и то же“, — говорит Вертгеймер.

В качестве примера он указывает на так называемых морально-дефективных детей, действия которых объясняют врожденной асоциальностью, имморальностью и которых рассматривали долго как неисправимых психопатов, до тех пор пока опыт не показал, что перенесенные в другую среду, включенные в другое целое, эти дети изменяли коренным образом значение и смысл всех своих отдельных свойств и реакций.

В этом утверждении структурная психология подымается до высшего требования: изучать личность человека, как единое целое, как структуру, и главное изучать ее в ее структурном соотношении со средой.

Нашей задачей является изложение основных положений структурной психологии в самом сжатом очерке. Критическое рассмотрение и оценка этих положений выходят за пределы настоящего очерка и должны были бы составить тему отдельной статьи. Но мы хотели бы в заключение остановиться на своеобразии того пути, которым идет структурная психология в разрешении основных проблем, выдвинутых психологическим кризисом, так как это может оказаться небезразличным для правильного уяснения нового направления в нашей науке.

„Весьма знаменательно, — говорит Бюллер в своей книге о кризисе в психологии, отмечая противоположность идей Шпрангера и структурной психологии, — что под именем того же структурного принципа, при помощи которого Шпрангер хочет превратить психологию в чистую науку о духе, возникает новый физикализм“.¹

¹ Коффа говорит, что принципы Gestalt-psychologie глубоко отличны от принципов Шпрангера, хотя и его направление называют иногда структурной психологией. Он пишет: „Как показывает самое

Этот упрек в физикализме бросают новому направлению многие психологи.

Если структура, как ее понимают Кёллер и др., одинаково возможна в сфере физики и физиологии, как и психологии, а вовсе не предполагает „смыслового“ или „ценностного“ момента, как своей основы, как того хочет Шпрангер, то совершенно неизбежно структурная психология порывает со всяким телеологизмом в нашей науке. Телеологическая психология на основе такого понимания структуры невозможна, и это именно вызывает основные возражения Бюллера и др.

Последний считает структурную психологию глубоко родственной Спинозизму „с его стремлением рассматривать человеческие действия и влечения точно так же, как если бы вопрос шел о линиях, поверхностях и телах“. Положение Вертгеймера: „denn was innen, das ist aussen“ Бюллер считает спинозистским. И в самом деле: поскольку вопрос идет о том, возможна ли психология, как естественная наука, мы несомненно возвращаемся к формулировке Спинозы: „большинство тех, которые писали об аффектах и образе жизни людей, говорят, повидимому, не об естественных вещах, следующих общим законам природы, но о вещах, лежащих за пределами природы“.

Тезис Шпрангера: *Psychologica psychologicae* (т. е. психологическое следует понимать психологически) и заключает в себе требование психологии, как науки „о вещах, лежащих за пределами природы“. Структурная психология, напротив, пытается постичь психологию, как

ния (*geisteswissenschaftliche Psychologie*), эти авторы разделяют душу и тело. Они рассматривают личность, как чисто психологический, духовный факт, резко отделяя друг от друга естественного и духовного человека.

Это разделение является для нас несостоятельным.

науку „о естественных вещах, следующих общим законам природы“. И в этом ее основное, объективно-положительное значение в истории психологического кризиса, которое не могут умалять субъективные уклоны того или иного представителя этого направления в сторону идеалистической психологии.

Это отнюдь не означает того, что марксистской критике не над чем поработать в структурной психологии. Напротив, основная проблема бытия и сознания не разрешена новой психологией сколько-нибудь отчетливо и последовательно. Субъективно-идеалистическое истолкование психических процессов частью окрашивает еще работы этих психологов. Самое понятие структуры как первичного, всеобщего и дальше неразложимого принципа бытия и сознания приобретает подчас метафизический характер; оно не всегда диалектично. Поэтому возникает часто опасность действительно всеобщего сведения всего к структуре, как к какому-то первоначалу. Этому понятию в новой психологии недостает собственного своего отрицания, границ, перехода в свою противоположность. Только материалистически обоснованное, только диалектически перестроенное понятие структуры может сделаться основным орудием психологического исследования.

Поэтому для нас является в высшей степени важным выяснить те тенденции, которые заложены в новом учении и которые, раньше или позже, должны стать определяющими моментами структурной психологии и решить ее историческую судьбу.

Первая тенденция, которая сама по себе уже является глубоко знаменательной, заключается в стремлении новой психологии преодолеть роковое противоречие современного естествознания — противоречие между виталистиче-

ской и механистической концепцией. Оба эти тупика современной науки кажутся представителям структурной психологии одинаково безвыходными. Витализм открыто или скрыто прибегает к чуду для объяснения естественных процессов в живой материи; механизм, отказываясь от чуда и желая оставаться на научной почве, вынужден отрицать специфическое качественное своеобразие, специфические закономерности высших форм материи и все сводить к механическому движению в последнем счете: или—или.

От этой альтернативы отказываются Кёллер, Коффка и др. психологи этого направления. Вернее, они отрицают, что существует такая альтернатива. Кёллер, в своем исследовании интеллекта обезьян, борется на два фронта, противопоставляя свои исследования, с одной стороны, попыткам стереть всякую грань между мышлением и обыкновенным двигательным навыком (бихевиоризм), а с другой—представить мышление как чисто духовный акт, не имеющий ничего общего с более элементарными формами поведения и возвращающий нас к платоновским идеям (Вюрцбургская школа). В этой борьбе на два фронта и заключается вся новизна философского подхода Кёллера к проблеме интеллекта.

Кёллер сам знает, что его могут обвинить в том, что он вступает в конфликт с естествознанием, когда отвергает теорию случайности в применении к интеллектуальным реакциям шимпанзе. Однако, этот конфликт, по его мнению, только видимый и внешний, потому что теория случайности, дающая точное научное объяснение фактов в одних случаях, оказывается в данном случае несостоятельной именно с естественно-научной точки зрения. Поэтому Кёллер со всей решительностью отграничивает свое построение и взгляды от развивавшихся прежде взглядов, сходных в чисто-отрица-

тельном отношении (отрицание случайности) с его собственными.

„У Гартманна и Бергсона, в виталистической литературе,—говорит Кёллер,—мы находим сходные взгляды и рассуждения; поэтому следует заметить, что Гартманн считает невозможным, чтобы птица чисто случайно находила дорогу к своему гнезду, и считает, что за нее делает это „бессознательное“; Бергсон считает слишком невероятным случайное упорядочение элементов глаза и заставляет свой „жизненный порыв“ (*élan vital*) произвести чудо; неовиталисты и психовиталисты также мало удовлетворены дарвиновской случайностью и находят везде в живом „целестремительные силы“ того же рода, что и человеческое мышление, которые не обнаруживают однако основного свойства мышления—быть переживанием. Ко всем этим направлениям эта книга имеет только то отношение, что здесь, как и там, отвергается теория случайности. Но считается почти обязательным, что отклонение этой теории неизбежно влечет за собой принятие одного из вышеупомянутых учений, поэтому я должен решительно подчеркнуть, что вовсе не существует альтернативы: случайность или сверхчувственные агенты“ (с. 153).

Также и Вертгеймер решительно отклоняет альтернативу: витализм или механизм, а за ним и К. Коффка. В этом смысле понятие структуры, которое помогает этим психологам преодолеть старую альтернативу, выполняет в новых исследованиях двойную функцию: с одной стороны, оно позволяет показать, как высшие формы закономерно возникают из низших, преодолеть разрыв, существующий для виталиста между живым и неживым, научить истинному единству всего существующего; с другой стороны, оно позволяет учесть все качественное своеобразие явлений на высших ступенях развития, понять

возникновение новых, специфических закономерностей в области высших явлений. В этом именно смысле мы выше назвали это понятие структуры—понятием, которое при диалектическом перестроении, при материалистическом обосновании может стать основным орудием психологического исследования.¹

¹ В этом же смысле, думается нам, называют иногда структурную психологию „стихийно-диалектической“: „В биологии медленно, но неуклонно пробивают себе дорогу, часто сбиваясь либо в идеалистическую сторону, либо в сторону вульгарного материализма, направления, которые можно назвать стихийно-диалектическими, ибо в их общей методологии, а не только в практических достижениях содержится ряд плодотворных диалектико-материалистических мыслей и программных замыслов, открывающих теоретической биологии новые перспективы. Сюда относится, например, Gestaltheorie психолога Кёллера, сознательно выдвигающего и подчеркивающего необходимость изучения качественного своеобразия организма, как целого“ („Естествознание и марксизм“, 1929 г. № 1). В этом же смысле учитывает работы структурной психологии, как симптом „вступления на диалектический путь, существенно отличающийся от механической точки зрения“, А. Деборин: „именно о них-то мы и писали, что, будь они знакомы с диалектическим материализмом, с „Диалектикой природы“ Энгельса, они бы легко разрешили ряд трудностей, которые они встретили на своем пути. Основное заблуждение их—это признание качества чем-то иррациональным, не поддающимся изучению. Но совершенно правильно, в духе Энгельса, в духе диалектического материализма надо считать их учение о том, что как и в неорганической, так и в органической природе продукты синтезов подчиняются новым закономерностям. Таким образом, эта теория синтезов и качеств, диалектически понятая, приобретает огромное принципиальное значение и для психологии. Школа Вертгеймера-Кёллера ведет под углом зрения указанных принципов чрезвычайно важную экспериментальную работу в области психологии. Кёллер в своей работе *Physische Gestalten* показал, что теория синтеза применима также и к физическим системам, к неорганическому миру“ („Диалектика и естествознание“, 1929 г., стр. 226-27). Примечательно в связи с этим, что сами представители новой психологии не говорят о синтезе как реальной основе новых качеств.

Однако это понятие в настоящее время еще далеко от того, чтобы стать настоящим орудием диалектического исследования. Правда, все время обнаруживается явственная тенденция к материалистическому пониманию структуры. Кёллер в последнем споре с Риньяно, обвинявшим структурную психологию (как это делает и Пиаже) в кантианстве, решительно отводит этот упрек, давая тем самым самое материалистическое понимание структуры. „Риньяно,—пишет он,—выражает подозрение, что мы или некоторые из нас являемся своего рода поздними кантианцами, так как мы утверждаем, что структурирование происходит, как и полагал Кант, по некоей предустановленной форме. Но он ошибается. По нашим взглядам образование структуры в поле восприятия совершается в сенсорной динамике, в зависимости от данной констелляции раздражений и внутренних условий органической среды. Под динамикой мы разумеем здесь точно такие же конкретные естественные процессы, как и те, которые происходят при динамическом образовании молекул или кристаллов. Кант решительно отверг бы, если бы кто-нибудь вздумал подобные идеи поставить в связь с его априоризмом“ („Psychologische Forschung“, В. II, 1-2. 1928, стр. 200).

Однако, при всем том, что в методологии и в экспериментальной практике структурной психологии явно замечаются в высшей степени революционные тенденции к диалектическому, монистическому, материалистическому пониманию основных проблем психологии, как уже сказано выше, печать двойственности лежит на большинстве работ. И на ряду со всеми этими тенденциями внимательный исследователь подметит легко и контр-тенденции. И только объективный учет тех и других может дать верную картину и оценку структурной психологии.

На первом месте из этих контр-тенденций, несомненно,

следует поставить метафизический характер многих построений структурной психологии, генетически связанный с немецкой натурфилософской традицией, которую сознательно принимает и сама новая школа—особенно в употреблении самого термина Gestalt: „Со времен Гёте, — пишет Кёллер, там же, — литературно-натурфилософская традиция применяет это имя к подобным природным единствам“ (стр. 189). Вот эта-то традиция, живая и в новой психологии, целиком сохранила иррациональный характер структур. Эти психологи не рассматривают часто структуру как естественный продукт синтеза, в результате которого возникают новые качества и закономерности. Очень часто понятию этому придается абсолютный смысл чего-то изначального, какого-то всеобщего свойства, лежащего в самой основе вещей, и тем самым понятие структуры сдвигается к самым границам метафизики.

В связи с этим абстрактным и абсолютным характером понятия структуры стоит и то обстоятельство, что психологи этого направления особенно охотно, отказываясь от анализа, доводят свое исследование до вскрытия структурного характера какого-либо процесса, не задаваясь вопросом о факторах, определяющих структуру данного процесса. Структура процесса отрывается от его бытия, приобретает как бы самодовлеющее и независимое существование. Это непосредственно влечет за собой совершенное игнорирование социального фактора в психологии человека. Вся структурная психология ориентирована скорее на физические, физиологические и в меньшей мере на биологические понятия, чем на социальные.

В споре объективной и субъективной психологии структурная психология занимает синтетическую позицию. Но ни самое методологическое понимание этой проблемы (и родственной ей психофизической проблемы)

ни экспериментально практическая синтетическая методика исследования не доведены в новой психологии до полной ясности. На ряду с явными монистическими тенденциями мы встречаем в структурной психологии утверждения, которые дают полное основание К. Бюллеру усомниться в том, не пошла ли структурная психология от спинозизма к психофизическому параллелизму, — так глубоко чуждому всему ее внутреннему духу. Но это—неизбежное следствие научной системы, не осознавшей себя до конца философски.

Много еще двойственных точек несовпадения можно было бы отметить при внимательной критике. Но это несколько не обесценивает для нас новое течение. Мы все не рассчитываем найти готовую систему марксистской психологии в западной науке. Было бы почти чудом, если бы она там возникла. Но не забудем, что самый факт возникновения на Западе такого течения, как Gestalt-psychologie, с несомненностью показывает, что объективные внутренние движущие силы развития психологической науки действуют в том же направлении, что и марксистская реформа психологии.

ПСИХОАНАЛИЗ

Психоанализ узаконил в психологии права психиатрической клиники, — в этом его бесспорная заслуга.

Если бихэвиорист в своем стремлении упростить человеческую личность превращает человека в автомата, то психоаналитики находят, что в автомате скрывается психически больной.

В этом смысле Фрейда можно с полным правом назвать Достоевским современной психологии.

Не потому ли психоанализ, замалчиваемый почти два десятилетия официальной наукой, покоряет теперь Европу и Америку.

До войны психоанализ, при всем его успехе в известных кругах, оставался сокровенным достоянием немногочисленной секты, сейчас он выходит на широкую дорогу, завоевывая психиатрические клиники, психологические лаборатории, философские и социологические, литературные и художественные кружки.

В течение нескольких десятков лет психоанализ сделал на редкость блестящую карьеру. Из психиатрического направления он превратился во всеобъемлющую теорию, которая стремится все проявления человеческой культуры объяснить действием законов темных глубин бессознательного.

Но по мере того как психоанализ складывался в широкое мировоззрение, его здоровая экспериментальная клиническая основа все более отступала на задний план по сравнению с огромной мистической надстройкой.

И, конечно, послевоенного буржуа интересует не Фрейд-психиатр, а Фрейд-мистик, ищущий в таинственных глубинах бессознательного золотой ключ, открывающий тайны человеческой судьбы. И если сам Фрейд, несмотря на высоко-развитой инстинкт врача-клинициста, все же очень часто (особенно в последнее время) выходит за границы психологии и психиатрии, обнаруживая этим непонимание пределов своего собственного метода, то его философствующие ученики вспоминают о психиатрической клинике лишь для того, чтобы в мистическом экстазе засадить туда весь мир.

Этот мистицизм, который в настоящее время не легко отделить от здоровой основы фрейдизма, и явился причиной, почему психоанализ так холодно был встречен у нас в СССР.

Задачи борьбы за материалистическую диалектику, за чистое и выдержанное марксистское мировоззрение властно требовали решительного отпора всяким попыткам соединения фрейдизма с марксизмом. А нельзя отрицать, что такие попытки делались. Вместо того чтобы с помощью марксистского метода объяснить факты, открытые психоанализом, некоторые марксисты старались — наоборот — приспособить марксизм к тем идеалистическим выводам, которые Фрейд и его ученики делали из найденных ими фактов.

Здесь речь уже шла о ревизии основных принципов марксизма, и поэтому нужно было сразу пресечь всякую ее возможность. Этим объясняется страстность и резкость марксистской полемики с фрейдизмом. Этим же объясняется, почему в пылу полемики сравнительно мало обращали внимания на фактическую сторону психоанализа, усиленно подчеркивая вопросы мировоззрения. Между тем нельзя отрицать, что в психоанализе можно найти в высшей степени богатый и ценный эксперимен-

тальный материал, который будет иметь большое значение для построения марксистской психологии. Признание фактов, открытых психоанализом и даже некоторых психоаналитических обобщений, не означает еще „дополнения“ марксизма фрейдизмом. Задача материалиста-диалектика не в том, чтобы начисто отрицать фрейдизм, — это было бы и слишком легко и слишком трудно. Задача в другом: показать, с точки зрения диалектического материализма, каковы условия значимости психоаналитического метода и где границы его применения.

Прежде всего необходимо объяснить, почему психоанализ имеет несомненный практический успех. Нельзя же отрицать, что во многих очень тяжелых случаях психоанализ является последней инстанцией, в которой отчаявшийся больной находит, наконец, долгожданное избавление от болезни. Отдельные моменты психоаналитического лечения стали теперь прочным достоянием любой психиатрической клиники, это признают и врачи, отнюдь не считающие себя психоаналитиками. Достаточно прочесть такую популярную, имеющую прикладной характер, работу, как книжку Кречмера¹ „Об истерии“,² чтобы убедиться, насколько современная клиническая психиатрия проникнута духом Фрейда. Это требует объяснения. Мы не можем подобно Уотсону отделаться от проблемы полушутливой фразой: когда у вас случится невроз, идите к врачу-психоаналитику, и он вас вылечит, почему — неизвестно, но вылечит. В самом деле, если так стоит вопрос, зачем идти к психоаналитику, а не к знахарю или заклинателю. Очевидно в психоанализе имеется какая-то здоровая основа, которая позволяет в некоторых по крайней мере случаях или

¹ Который не является психоаналитиком и во многом не согласен с Фрейдом.

² „Библиотека практического врача“ вып. 32. Гиз. 1928.

вскрыть действительные причины болезни, или хотя бы повлиять на них в благоприятную для здоровья пациента сторону. Мы как материалисты считаем, что каждый невроз, как и всякого рода другое психическое явление, имеет свои физиологические корни. С этой точки зрения и функциональные и психогенные заболевания являются результатом органического порока, следствием отклонений от нормального хода физиологических функций. В одних случаях можно обнаружить физиологические причины болезни, в других нет. Спрашивается, что же делать в последнем случае. Конечно не трудно построить физиологическую схему любого невроза. Почему не сказать, что здесь налицо резкое нарушение рефлекторной деятельности, один рефлекс тормозит другой и т. д. К сожалению, такие теории не объясняют самого главного, именно, какие рефлексы (в каждом данном случае) заторможены и как их физиологически растормозить. Другими словами, приведенное объяснение страдает вербализмом, ибо настоящего физиологического описания, позволяющего физиологически овладеть неврозом, оно не дает, ограничиваясь по существу подстановкой одного неизвестного под другое.

Если непосредственным физиологическим методом овладеть психической болезнью нельзя, психоаналитический же метод дает исцеление, то очевидно надо признать, что, подойдя со стороны психологической к некоторым неизвестным физиологическим процессам, можно на них так или иначе воздействовать.

Ничего таинственного в этом нет.

С точки зрения диалектического материализма, психическое есть выражение физиологического соответствующим образом организованного. Следовательно, направляя по определенному пути психический процесс, мы вместе

с тем управляем течением физиологического процесса, и наоборот.

Если это так, то психологические методы имеют определенные права на существование. Кроме того нужно признать правомерность психоаналитического опыта, поскольку он выдержал практическую проверку.

Итак, психоанализ, по существу, является попыткой воздействовать посредством своеобразного психологического метода на неизвестные физиологические процессы, вызывающие психические болезни. Отсюда следует, что психоанализ, как психиатрическая и психологическая теория, не страдает идеализмом в вопросах, касающихся психофизической проблемы. Действительный идеализм Фрейда надо искать в другом месте. Об этом ниже: Фрейд никогда и нигде не отрицал физиологических основ психических явлений, он только считал, что, пока мы не знаем этой основы, нужно воздействовать на нее с другой стороны, со стороны субъективных ее проявлений. „Созданное нами научное здание психоанализа, — пишет Фрейд, — в действительности является надстройкой, которая когда-нибудь будет стоять на своем органическом фундаменте; но мы пока не знаем этого фундамента“ (Фрейд „Лекции по введению в психоанализ“, т. II, стр. 177).

Все то, что у Фрейда называется сексуальностью и, следовательно, является решающим моментом в образовании неврозов, считается им надстройкой над мале известными нам органическими процессами. „Мы можем допустить, что из интерстициальной части зародышевой железы выделяются особые химические вещества, которые воспринимаются кровью и заражают определенную часть центральной нервной системы сексуальным напряжением, — как это нам известно относительно превращения токсического раздражения в особое раздражение

органа другими посторонними для организма ядовитыми веществами. Каким образом возникает сексуальное возбуждение благодаря раздражению эrogenных зон, при бывшем заряде центральных аппаратов, и какая смесь чисто токсических и физиологических раздражений получается при этих сексуальных процессах — в настоящее время об этом несвоевременно строить даже гипотезы. Для нас достаточно держаться, как существенного в этом взгляде на сексуальные процессы предположения, что существуют особые вещества, происходящие из сексуального обмена веществ. („К теории полового влечения“, ст. III. „Очерки по психологии сексуальности“. ГИЗ. 91 стр.)

Отсюда видно, что Фрейд определенно считает изучаемые им психические процессы проявлением неизвестных нам процессов физиологических. Так как в физиологическом опыте эти процессы для нас не существуют, то очевидно их проявления надо выражать в терминах того психологического опыта, в котором они открываются. Если признать, что психоаналитическая терапия приводит во многих случаях к излечению, то нужно согласиться с тем, что психоаналитический опыт в известной степени правильно исследует реальность. „На практике должен человек доказать истинность, т. е. действительность и силу, потусторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолированного от практики, есть чисто схоластический вопрос“ (Маркс).

Реальность эта, конечно, реальность материальная, но обладающая особым специфическим качеством, особой специфической закономерностью, иначе какой смысл имело бы говорить о психике, сознании, бессознательном, подсознательном и прочих „душевных“ явлениях. Очевидно для познания указанной специфической за-

кономерности необходимы специфические методы исследования, отличающиеся от физиологических методов, не внешне, не словесно, а по существу. Механические материалисты, сводя психику целиком к физиологии, оставляя от психики только слово, вполне последовательно отрицают самостоятельное значение психологического метода, подчиняя его физиологическим методам. По существу механический материалист признает за психологическим методом чисто словесное значение. И это, повторяем, вполне последовательно. Иное дело диалектик. Признание качественной специфичности психически обязывает к признанию специфичности методов исследования. В этом случае вполне правомерна также психологическая терминология (как бы она ни казалась иногда странной и неясной), ибо терминология должна считаться с изучаемым материалом.

Основная трудность для понимания психоанализа заключается в следующем.

Фрейд, как известно, в своих построениях исходит из больной личности; его основная предпосылка, что между больной и здоровой личностью принципиальной разницы нет. Конечно, он не отрицает разницы между ними, но разница эта не исключает общих методов исследования. С изложенной точкой зрения здоровый человек внутренне никак не может примириться, ибо в поведении здорового и больного человека при поверхностном наблюдении обнаруживается слишком много различий. У больного же, по мнению Фрейда (проверенному опытом), возникает сильная антипатия (фобия) против всякого действительного объяснения причин болезни, ибо в непонимании этих причин, в их неосознанном действии и заключается сущность самой болезни.

Вторая трудность еще менее преодолима.

Самые общие понятия психоанализа это — сознательное и бессознательное. Основная особенность бессознательного заключается в том, что все происходящее в нем можно выразить только в терминах, понятных сознанию.

Значит явления, которые происходят в бессознательном, можно выразить лишь в терминах, имеющих реальный смысл только для сознания. Это надо иметь в виду, когда речь идет о психоанализе, иначе теории его покажутся в высшей степени странными, бессмысленными и... противоестественными.

В самом деле. Вы читаете у Фрейда про нервных больных, которые бессознательно с детства были влюблены в свою мать, хотели убить из ревности отца, братьев, словом „мысленно“ творили всякие ужасы. Для нашего сознания все эти желания имеют определенный криминальный и безнравственный смысл. Невольно забывается, что в понятиях мы не можем вполне точно выразить то, что происходит в реальном бессознательном, аналогия принимается за действительность и таким образом искажается самая сущность психоаналитической теории. Между тем бессознательные процессы протекают, конечно, иначе чем сознательные, но осветить их мы можем только с помощью сознания, вкладывающего свое содержание, свой способ жизни в те объекты, которые живут по-иному.

Игнорирование этого обстоятельства естественно введет к ряду грубейших ошибок в понимании психоанализа. Как пример можно привести известную брошюру проф. Аствацатурова, в которой он дает исключительно наивную для такого крупного невропатолога критику психоанализа.

Аствацатуров обвиняет Фрейда в том, что тот обобщает отдельные психопатологические случаи, состав-

вляющие удел только некоторых на редкость несчастных людей. Допустим — может ли быть большее несчастье, чем любовь сына к матери, ненависть к отцу, доходящая до желания его убить, и т. д., а Фрейд все это возводит в общее правило (комплекс Эдипа). И действительно, ничего нельзя возразить против критики проф. Аствацатурова, если ясно себе не представлять, что указанные понятия лишь приблизительно выражают процессы, происходящие в бессознательном, являются следовательно своего рода аналогиями, необходимыми для объяснения и систематизации определенного опыта. Ведь не кажется, например, странным, что сумасшедший воображает себя стеклянным графином, китайским императором, Наполеоном, словом кем угодно. Очевидно у человека могут быть какие угодно странные фантазии, в этом смысле ничем не отличающиеся от комплекса Эдипа. Но мы привыкли слишком резкой гранью отделять „сумасшедшего“ от „среднего“ психически-больного (невротика, истерика и т. п.) и здорового. Конечно, разница тут есть, она сразу бросается в глаза. У невротика (в ослабленной степени и у „здорового“) тоже есть свои мании, свои странности в поведении; но только в этом случае сознательные переживания не находятся в таком резком конфликте с обычными человеческими представлениями, они замещают собой бессознательные фантазии, которые внушают удивление, недоверие и страх. И все же материальная основа обоих видов поведения принципиально одна и та же. Один физиологический процесс словесно¹ выражается в такой форме, что человек воображает себя, скажем, китайским императором, другой физиологический процесс выражается иначе в различных

¹ Под „словесной формой“ понимается и „неслышная“ „внутренняя“ речь.

формах странного ненормального поведения. Допустим, удастся устранить это поведение (или ослабить) в том случае, если больной сумеет выразить в словесной форме содержание какой-нибудь страшной психоаналитической фантазии применительно к своей биографии. Какой вывод надо отсюда сделать. Очевидно следующий: взятый нами для примера больной страдал от „извращенного“ физиологического процесса, который выражался в определенных формах ненормального поведения. Будучи известным образом вербализирован (т. е. доведен до сознания), этот процесс потерял (или смягчил) свою извращенность, вместе с чем ненормальное поведение стало нормальным, т. е. больной выздоровел. Отличие же сумасшедшего от невротика заключается в степени и форме объективации¹ некоторых необычных „ненормальных“ физиологических процессов. Значит, способ объективации физиологических процессов играет решающую роль в конституировании человеческой личности. Фрейд, как известно, делит всю область „душевной“ жизни на две сферы — сознание и бессознательное. Сознание, в свою очередь, разделяется Фрейдом на „предсознательное“ и собственно сознательное. Под предсознательным понимается все то, что может стать содержанием сознания, но в данный момент таковым не является. Итак, с точки зрения Фрейда предсознательное является по существу бессознательным старой эмпирической психологии. Психической жизнью управляют, по мнению Фрейда, два основных принципа — принцип удовольствия и принцип реальности. Первый принцип, по существу, ничего нового не заключает. Еще французские материалисты говорили вслед за Локком, что человек стремится к

¹ Речь, жестикуляция, мимика, тики и проч. формы внешнего поведения.

приятным ощущениям и избегает неприятных. Различие конечно имеется. Французские материалисты рационализировали человека, представляли его как непрерывно рассуждающее существо, Фрейд, наоборот, подчеркивает в человеке действенные эмоциональные моменты. Принцип удовольствия у Фрейда сводится к тому, чтобы избежать всего неприятного. Если налицо избыток нервного напряжения какого-либо рода, то возникает неудовольствие, неудовлетворенность, стремление от него отделаться. Возникает проблема, которая требует решения. Наоборот, если имеется у данного лица относительное равновесие между всеми его влечениями, то тогда он удовлетворен, испытывает удовольствие и следовательно относится к действительности более пассивно.

Значит, принцип удовольствия является пассивным началом психической жизни, „принцип неудовольствия“ (его обратная сторона) — активным. С принципом удовольствия тесно связан принцип реальности. У человека есть определенные влечения, эти влечения необходимо удовлетворить для восстановления душевного равновесия, но возможность их удовлетворения в значительной степени зависит от внешней среды, окружающей человека. Следовательно принцип удовольствия неизбежно сталкивается с принципом реальности. Динамика психической жизни и ее ненормальности объясняются тем, что принцип удовольствия, сам по себе не терпящий никаких ограничений, вынужден идти на компромисс с неумолимой противостоящей ему реальностью. Под средой Фрейд понимает социальную среду, возникшую и развивающуюся в процессе культурного развития. Этим пониманием определяются отличительные особенности психоаналитической теории и практики.

С точки зрения Фрейда, человек для создания культуры и приспособления к созданной им культурной

среде должен был пойти на известное ограничение своих естественных влечений.

Последние можно разделить на два типа: на влечения сексуальные и влечения самосохранения (влечения, связанные с добыванием пищи, одежды и т. д.) И вот, по мнению Фрейда, человеку для сохранения и развития в созданной им культурной среде надо было ограничить свои сексуальные влечения и выработать соответствующий психический (а значит, и физиологический) аппарат, который позволил бы это выполнить. Коротко говоря, культурная среда властно требовала от человека подавления некоторых сексуальных влечений для удовлетворения влечения самосохранения. Для того чтобы выжить, общественный человек подавил свои естественные сексуальные влечения и создал могучий аппарат общественного психического принуждения для их регулирования. Вот факт, с которым необходимо считаться при изучении человеческого поведения. Общественная среда с ее требованиями, правилами „морали“, традициями является жестокой реальностью, противостоящей необузданному, естественному сексуальному инстинкту, признающему только руководство принципа удовольствия. Но вполне понятно, раз реальность предъявляет такие жестокие требования к естественным сексуальным влечениям человека, то должен был выработаться психический аппарат, выражающий требования реальности и стоящий на страже ее интересов, иначе человеческий вид не мог бы успешно развиваться в тех условиях, в которых ему приходится существовать. Этот аппарат Фрейд называет „я“, противопоставляя ему „оно“, как вместилище всякого рода антисоциальных влечений, главным образом влечений сексуальных (Фрейд не отрицает, что невроз может быть следствием других влечений.) Человек, следовательно, живое противоречие: древнее естествен-

ное антисоциальное начало борется в нем с приобретенным, социальным достоянием. Задача социального „я“ воздействовать на антисоциальное „оно“. Какие же средства воздействия имеются у „я“. Ясно, во-первых, что само „я“ возникло из „оно“; во-вторых, в „я“ должно быть сосредоточено сознание; в-третьих, в организме должен быть особый психический аппарат, который оберегал бы сознание (самое важное и, так сказать, „тонкое“ качество организма) от вредных влияний. Задачей такого аппарата является не пускать в сознание все, что может вовлечь его в конфликт с реальностью. Части этого аппарата Фрейд называет цензурой и вытеснением, представляющие собой, по существу, две стороны одного и того же процесса — забвения вредного. Нужно оговориться, психика функционирует как одно динамическое целое, и мы употребляем здесь неверные, по существу, механические термины (части, особый аппарат и т. д.) только для большей наглядности.

Под „вытеснением“ понимается процесс, благодаря которому все психическое содержание, противоречащее принципу реальности, „вытесняется“ из сознания в сферу бессознательного. Что же касается цензуры, то ее задача не пропускать вытесненного в сознание (вернее в предсознательное). Таким образом, цензура и вытеснение являются, как мы уже упоминали выше, двумя сторонами одного и того же процесса, представляющего собой средства самозащиты организма против вредных антисоциальных влечений, идущих со стороны „оно“. Термин „цензура“ имеет свой особый смысл. Бессознательное является моментом психической жизни, добавим при этом, целостной психической жизни, искусственно распадаемой на части в интересах научного исследования. Отсюда вытекает, что вытесненные влечения продолжают существовать и следовательно стремятся снова про-

никнуть в сознание, чтобы иметь возможность выявить себя в действиях, дающих выход перенапряженной энергии. Так как прямым путем они проникнуть не могут (иначе понятие вытеснения не имело бы никакого смысла), то они стараются это сделать обходным путем, именно, в различных символических формах (вербальных или моторных) проникнуть в сознание. В этом смысле аппарат, называемый цензурой, действительно функционирует, как цензор, задерживая одно и пропуская то, что написано эзоповым языком и кажется поэтому приемлемым для „я“. Толкование сновидений показывает, как этот процесс происходит во сне, а анализ различных невротических заболеваний показывает, какое значение символика имеет для образования неврозов. Такого рода символическое проникновение бессознательного в сознание очень часто образует разные формы невроза, навязчивости и истерии. Сошлемся здесь для примера на вышеупомянутую книжку Э. Кречмера.

„Одна девушка, которой в настоящее время 22 года, страдающая угнетением, истерическими подергиваниями и стремлением наносить себе повреждения, начала менструировать только с 17 лет. У нее до сих пор физическое отвращение к мужчинам, и вместе с тем она страдает сильным половым возбуждением, которое, — как это бывает при раннем созревании, — находит у нее выход в фантазии и в мастурбации... Ею овладела своеобразная набожность, она изводит старого священника своим стремлением исповедывать ему подробнейшим образом и каждый раз сызнава свои мысленные грехи и рассказывать о своей слабости к мастурбации, причем она во время этой исповеди, что пастор прекрасно понимает, не только не борется со своим влечением, но скорее изживает их. Так как местный духовник недостаточно внимает ее исповедям, она бежит к другому пастору, который изго-

няет чертей, и отношения к которому вскоре принимают форму поклонения, смешанного с эротикой; под его внушающим влиянием, истерические проявления, судороги и подергивания весьма быстро принимают самую яркую форму.

Мы без труда распознаем, что все истерическое развитие личности, вплоть до подергиваний, имеет исходной точкой остановку в половом развитии, которое на долгие годы остановилось в определенной фазе ранней половой зрелости и дальше не идет. Сексуальное влечение целиком сохранило свою прежнюю структуру: оно осталось живым и настойчивым, но не развилось до нормальной сексуальной цели; другой пол отвергается, влечение изживается, с одной стороны, в фантастических мечтаниях, с другой стороны — в онанизме. Набожность в данном случае также не что иное, как окольная дорога, которую пробивает влечение, чтобы притти к конкретным формам. Постоянное исповедание заключает в себе постоянную назойливую игру мыслей о сексуальных вопросах и угрызений совести об этом, — снова весьма характерную для просыпающейся полудетскости смесь аффектов; также характерна и не распознающая самое себя в религиозном усердии полужеротика, которая влечет ее, в ее полудетском обожании, к проповеднику, обладающему даром внушения. После того как незрелое влечение забирается в этот тупик, оно все более получает характер напряженного религиозно-полужеротического подъема и в конце концов завершается, вернее — разрушается, на соответствующей высоте аффекта, судорожной истерической игрой движений" (Эрнст Кречмер. „Об истерии“, стр. 43—44).

Исследуя глубже этиологию неврозов, Фрейд приходит к заключению, что определяющей причиной невротического предрасположения является двукратное на-

чало сексуальной жизни, которое представляет собой только особенность человека и объясняет многие болезненные моменты его психики. Первый сексуальный период начинается с рождения ребенка и кончается, приблизительно, около четырех лет. В сексуальности ребенка в настоящее время не сомневается, кажется, ни один серьезный психолог, ибо она подтверждается огромным фактическим материалом. Другое дело, что понятию сексуальности Фрейд придает очень широкий смысл. Первые проявления сексуальности выражаются в стремлении ребенка получать наслаждения путем различных манипуляций в области эrogenных зон. А так как эти зоны разбросаны по всему телу, то ребенок имеет очень широкие возможности удовлетворения своих сексуальных влечений. Как сексуальное существо, он имеет, конечно, различные сексуальные объекты. Сексуальные наслаждения ребенок получает от сосания материнской груди, от различного рода телесных ласк, от поцелуев, от поглаживания частей эrogenных зон и т. д. Итак, сексуальные наслаждения ребенок получает, главным образом, от окружающих его людей — кормилицы, матери, отца, сестры и т. д. Кроме того важным сексуальным объектом является он сам (на этой почве развивается нарцизм, на котором мы не будем останавливаться). На основе первоначальных примитивных сексуальных влечений возникает в высшей степени сложный комплекс эмоций, определяющий любовные отношения ребенка к окружающим. После четырех-пяти лет начинается, так называемый, латентный период, продолжающийся до начала половой зрелости. В течение латентного периода завершается культурное развитие ребенка — превращение его из естественного в социальное существо. Уже с двух-трех лет начинается процесс энергичного вытеснения (под влиянием внешней среды — ро-

дителей, сестер, братьев ... и т. д.) всего антисоциального, процесс подавления сексуальных и некоторых других влечений (связанных, например, с деятельностью выделительных желез). Завершается он в латентном периоде, так что в период половой зрелости человек вступает культурным существом, в котором все непозволительные влечения вытеснены в „оно“, в бессознательное. В это время и начинается половая жизнь, неизбежно сопровождаемая большими или меньшими психическими конфликтами, ибо новые объекты, на которые обращается либидо юноши, должны производить мир, окружающий его в детстве — кормилицу, отца, сестру, словом старые объекты влечения ребенка, бывшие до латентного периода.

По обычной терминологии это естественный результат памяти, по теории Фрейда тут налицо действие вытесненных в бессознательное, но не умерших, не исчезнувших антисоциальных сил примитивных сексуальных влечений.

В своей теории Фрейд в полном согласии с новейшими психологическими исследованиями, расширяет и углубляет понятие памяти, придавая ей динамическое значение и показывая, что она играет роль в развитии содержания человеческой психики. Настоящее образовано прошлым; во взрослом живет ребенок; человек начинает формироваться с детства, вот выводы, к которым пришла сейчас современная психология. По Фрейду, память является основой важнейших психических конфликтов, представляющих по существу конфликт между новой и старой, привычной ситуацией. Жизнь ребенка охвачена потоком сексуальных влечений к окружающим его людям. Эти влечения не забываются, не исчезают бесследно, от них остаются „энграммы“, по терминологии Самона. Культурное развитие ребенка в латентный период приводит, понятно, к накоплению нового запаса энграмм,

ного противоположного содержания. Когда юноша встречается с новыми сексуальными объектами, то в нем в силу закона „энфоры“ должны пробудиться все энграммы, связанные как с сексуальными влечениями раннего детства, так и с сексуальными запретами латентного периода. Неудивительно, что налицо психический конфликт, сила и глубина которого зависят от деятельности аппарата вытеснения, или лучше сказать от всего того психического „механизма“, который регулирует (вернее определяет) отношения между „я“ и „оно“, между естественными влечениями и культурными запретами. При определенной силе и глубине этого конфликта развивается невроз, т. е. резкое нарушение психической деятельности, вызванное недостаточным, неполным вытеснением запретных сексуальных влечений или гипертрофией „я“, о чем речь будет ниже.

В случае невроза „я“ фактически подчиняется „оно“ выпитывая в себя его содержание в чуждой, непонятной для сознания символической форме. Таким образом „я“ — вынуждается пожертвовать в известной степени реальностью „уйти от нее в болезнь“. „Я“ — это орган социального общения и захват его (хотя бы частичный) анти-социальным „оно“ означает уход индивидуума в себя, выключение его из сферы социального воздействия.

Психоанализ по мысли Фрейда является средством, помогающим „я“ от болезни уйти обратно в реальность путем осознания вытесненных, но остающихся активными запретных влечений. Вспомнить их — значит иметь возможность оценить эти влечения с другой (взрослой) точки зрения, преодолевая этим цензуру и подчиняя бессознательное сознанию.

Основной моделью невроза является у Фрейда так называемый комплекс Эдипа, наиболее, кажется, критичный момент психоанализа. По мнению Фрейда,

большая часть людей переживает в детском возрасте сильное сексуальное влечение к отцу или к матери¹ (в зависимости от пола) и желает уничтожить представителя противоположного пола, чтобы безраздельно пользоваться объектом своего влечения.

Впоследствии в связи с приобретением социальных навыков, в латентный период, комплекс Эдипа распадается, гибнет, вытесняется, но не всегда одинаково радикально. В случае дефекта психического аппарата и неполного вытеснения Эдипова комплекса развивается тяжелый психический конфликт, являющийся следствием внутренней бессознательной борьбы противоположных влечений. У больного любовь к одному из родителей сочетается с ненавистью к нему, с желанием его убить, чтобы наслаждаться запретной любовью с другим родителем. В мифе о царе Эдипе, убившем по неведению своего отца и женившемся на матери, за что его постигла мечь разгневанных богов, человечество, по мнению фрейдистов, увековечило трагическую ситуацию каждого мужчины, осужденного быть в детстве маленьким Эдипом, и не всегда способного впоследствии это преодолеть. В пользу теории Фрейда, при всей ее странности, можно привести очень много соображений. По существу критиковать „комплекс Эдипа“ нельзя, не отрицая детской сексуальности. А ее признавать необходимо, если только мало-мальски считаться с фактами. А тогда вполне естественно, что основными сексуальными объектами ребенка являются отец и мать, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Правда, случаи детской ревности отмечаются не часто компетентными исследователями детского поведения (см. например Уотсон), но надо иметь в виду, что процесс социального воздействия начинается очень рано, задолго до латентного периода, и кроме того дети,

¹ Мать часто идентифицируется с кормилицей.

как правило испытывают известный страх перед родителями (особенно перед отцом), а это обстоятельство несомненно задерживает резкие реакции ревности, вытесняя относящиеся сюда эмоции большей частью в самом раннем детстве. Здесь необходимо отметить еще один момент, крайне осложняющий концепцию комплекса Эдипа, именно бисексуальность ребенка, благодаря которой влечение его направлено и на отца и на мать. В связи с этим возникает более полный комплекс Эдипа. Ребенок одновременно любит и ненавидит и отца и мать. Колебания в ту или другую сторону зависят от пола. Процесс изживания полного комплекса Эдипа вносит большую сложность в психику ребенка. Решающее значение в данном случае имеет так называемое „отождествление“. Ребенок отождествляет, идентифицирует себя с родителем своего пола, чтобы заменить его собой. В дальнейшем это первоначально простое отношение крайне осложняется. „При разрушении комплекса Эдипа необходимо отказаться от объективной привязанности к матери, — пишет Фрейд, — вместо нее могут появиться две вещи: либо отождествление с матерью, либо усиление отождествления с отцом. Последнее мы обыкновенно рассматриваем как более нормальное, оно позволяет сохранить в известной мере нежное отношение к матери. Благодаря исчезновению комплекса Эдипа, мужественность характера мальчика таким образом укрепились бы. И совершенно аналогичным образом и „эдиповская установка“ маленькой девочки может вылиться в усиление ее отождествления с матерью (или в появление такового), упрочивающего женственный характер ребенка („Я“ и „оно“, стр. 30). В области полного комплекса Эдипа (а значит, и в области комплекса Эдипа вообще) очень много неясного, ибо бисексуальность спутывает все карты, тем более что у девочки могут быть сильнее мужские черты,

а у мальчика женские, причем процесс отождествления, абстрактно рассуждая, способен совершенно произвольно усилить и те и другие. Здесь, понятно, самый уязвимый пункт теории Фрейда. Факты указывают на несомненное наличие как частного, так и полного комплекса Эдипа, но установить законы развития того и другого психоанализ пока не в состоянии.¹ Только экспериментальное искусство позволяет при анализе конкретных случаев выяснить конкретную форму Эдипова комплекса, лежащего в основе невроза. Возможность более глубокого и общего охвата всех явлений, обнимаемых термином „комплекс Эдипа“, зависит, очевидно, от изучения бисексуальности отождествления. Фрейд, чуждающийся, в отличие от Уотсона, всяких упрощений и рассматривающий человека во всей его сложности и многогранности, не скрывает трудностей, возникающих при исследовании указанных проблем. „Это вторжение бисексуальности,— пишет Фрейд,— очень осложняет анализ отношений между первичными избраниями объекта и отождествлениями и делает чрезвычайно затруднительным понятное их описание. Возможно, что установленная в отношении к родителям амбивалентность должна быть целиком отнесена на счет бисексуальности, а не возникает, как я утверждал это выше, из отождествления вследствие соперничества“ („Я“ и „оно“, стр. 31).

Во всяком случае типичная детская ситуация (сексуальность ребенка и окружающие — отец, мать и т. д.) делает весьма вероятным вывод Фрейда по этому вопросу, сделанный им в цитированной выше книге „Я“ и „оно“.

„Я полагаю,— говорит он (на стр. 31),— что мы не ошибемся, если допустим существование полного Эдипова

¹ Новейшие работы Фрейда („Гибель эдипова комплекса“, „Некоторые психические следствия анатомического различия полов“), Абрагама и др. полной ясности в этот запутанный вопрос не внесли.

комплекса у всех вообще людей, а у невротиков в особенности. Аналитический опыт обнаруживает затем, что в известных случаях та или другая составная часть этого комплекса исчезает, оставляя лишь едва заметный след, так что создается ряд, на одном конце которого стоит нормальный, положительный, на другом конце обратный, отрицательный комплекс, в то время как средние звенья изображают полные формы с неодинаковым участием обоих компонентов. При исчезновении Эдипова комплекса четыре содержащихся в нем влечения сочетаются таким образом, что из них получаются одно отождествление с отцом и одно с матерью, причем отождествление с отцом удерживает материнский объект положительного комплекса и одновременно заменяет отцовский объект обратного комплекса; аналогичные явления имеют место при отождествлении с матерью. В различной силе выражения обоих отождествлений отразится неравенство обоих половых задатков“.

Полный комплекс Эдипа при перевесе привязанности к объекту определенного пола переходит в частный Эдипов комплекс. Этим объясняется всеобщая распространенность последнего, особенно у невротиков. Весьма вероятно, что в развитии комплекса Эдипа (частного) можно различать две стадии, первая — когда влечение ребенка ярко враждебно к одному из родителей, вторая — смягчение этой враждебности, вследствие влияния амбивалентности чувств, и отождествление. У Фрейда по указанному вопросу ясности нет. Возможно, что тут большую роль играет раннее влияние социального воздействия (о чем упоминалось выше), способствующее ускоренному вытеснению активных враждебных влечений и к созданию соответствующей психической компенсации (определенное направление отождествления). Для изживания комплекса Эдипа необходимо, чтобы ребенок идентифи-

цировал себя с одним из родителей и перестал ненавидеть другого. Тот родитель, с которым он себя идентифицирует, становится для него образцом. Ребенок вбирает в себя „я“ отца или матери, которое становится, по выражению Фрейда, „сверх я“ или „идеал я“. Большею частью, по мнению Фрейда, характер идеального „я“ определяется отцом, ибо мальчик отождествляет себя с ним для изживания ненависти, а девочка для удовлетворения своего нежного чувства. „Идеальное я“ становится источником новых „душевных“ конфликтов, так как оно является воплощением всех моральных запретов. Если „оно“ аморально или даже антиморально, „я“ — морально в силу требований реальности, то „идеальное я“ — это гипертрофия моральности. „Идеальное я“ облегчило возможность усвоения тяжелых культурных запретов, создав образ их идеального выразителя — отца, но за это пришлось заплатить очень дорогой ценой. Моральный запрет „овеществившись“ в „сверх я“, становится самостоятельной силой, противостоящей „я“. „Идеальное я“, вместе с тем чтобы служить принципу реальности, делается ему враждебным и в процессе подавления „оно“ начинает подавлять „я“. В этом — корень ряда психических конфликтов, ряда неврозов. „Я“, по выражению Фрейда, вынуждено служить трем господам: реальности, „оно“ и „сверх я“. Это постоянное балансирование между тремя одинаково могучими силами грозит всегда неудачей, и поэтому психическая система нередко выходит из равновесия. Так как центром психических конфликтов являются, большею частью, сексуальные влечения, то большое значение для психической жизни имеет необыкновенная пластичность сексуальной страсти — либидо. Либидо обладает замечательной способностью заменять одни объекты другими. Сексуальная энергия, выражением которой оно является, легко переходит в другие формы энергии. Та-

ким образом, либидо и сексуальная энергия становятся основной причиной всей творческой деятельности человека. Фрейд называет процесс творческой трансформации сексуальной энергии возгонкой или сублимацией. Неудовлетворенное половое влечение может найти удовлетворение в какой-либо форме творчества (например в искусстве). Фактически в каждом человеке непрерывно происходит переключение избыточной сексуальной энергии, направление ее по другим руслам к другим целям.

Творчество, как и невроз, — трансформация либидо, переключение сексуальной энергии. Один находит желанное удовлетворение в неврозе, другой в сублимации. Сублимация придает крайне динамический характер психической жизни человека, которая с точки зрения Фрейда представляет непрерывный процесс трансформации сексуальной энергии. Сублимирование есть один из способов регулирования равновесия психики. Вместе с тем, по Фрейду, сублимирование — основа культуры. Переключая свою сексуальную энергию, человек создает культурные ценности. Здесь мы подходим к основной ошибке Фрейда. Основой ее является механическая концепция общества, согласно которой общество рассматривается как сумма людей. Исходным пунктом при этом понимании является, конечно, поведение, психика отдельного человека. Отсюда совершенно естественно — притязания на психоаналитическую социологию. Нет совершенно никакого смысла в настоящей статье останавливаться на ее содержании, тем более что в нашей литературе все ее нелепости вскрыты с достаточной полнотой. Важно указать основную ошибку, общую с бихевиоризмом, рефлексологией и т. д. Совершенно безразлично, что признавать определяющим моментом развития общества: реакцию, рефлекс или невроз. И то и другое должно привести к бессмыслицам, которыми в одинаковой степени

изобилуют и коллективная рефлексология Бехтерева, и социология психоанализа, обладающего даже собственным социологическим журналом „Imago“.

Социологическая концепция психоанализа ставит в весьма двусмысленное положение его психологические теории.

Раз культурная среда — результат игры психических сил человека, то следовательно развитие психики и психического аппарата по существу автономно. И „я“ и „реальность“ принадлежат к одной и той же сфере, именно к психической области. Отсюда вытекает, что „я“ необходимо отождествить с реальностью, и следовательно само „я“ противостоит „оно“ уже не как представитель интересов реальности, а как самодовлеющее начало, неизвестно откуда возникшее. Поэтому и комплекс Эдипа, по существу представляющий социальный продукт, превращается у Фрейда и фрейдистов в мистический фактор общественного развития.

По этой же причине Фрейд придает слишком крупное значение сексуальности, игнорируя ряд сексуальных моментов, играющих огромную роль в динамике человеческой психики (особенности социальной среды, классовая принадлежность, характер классовых традиций, социальные конфликты). Психоанализ открыл законы развития эмоциональной жизни, неразрывно связанной со всеми сторонами деятельности человека. Не в том дело, что ребенок „насквозь“ сексуален — это несомненное увеличение со стороны Фрейда — важно другое — ребенок насквозь эмоционален, причем его эмоциональность настолько непосредственна и сильна, что взрослому ее трудно понять. Воспитание подавляет непосредственность эмоциональной жизни, загоняет ее в подполье, заставляет ее подчиняться требованиям социальной реальности — прочно отстоявшемуся сгустку человеческой истории, но тем не менее эмоции находят путь (кривой и извилистый)

для своего выражения. С эмоциональной жизнью связана, следовательно, эмоциональная память, особенности которой блестяще показаны Фрейдом.

Сексуальные эмоции играют такую роль только благодаря тому, что либидо обладает исключительной пластичностью.

Как психиатрический метод, психоанализ является способом лишения подавленной, но не уничтоженной эмоции ее предметности (что связано, конечно, с преодолением самой эмоции).

Осознание бессознательных эмоциональных переживаний равносильно утверждению их беспредметности, иллюзорности, ничтожности. Социологическая концепция Фрейда — результат расширения им психоаналитического метода за пределы возможного его применения, имеет своим следствием превращение экспериментальных, рациональных категорий, определяемых реальностью, в метафизические, иррациональные, мистические сущности, живущие своей самодовлеющей жизнью. Именно здесь, в социологии, Фрейд становится обеими ногами на идеалистическую почву. К его психологии мы должны относиться как к известному научному направлению, интерпретируя его и критикуя с точки зрения диалектического материализма; социологии же и философии психоанализа (по существу представляющей продолжение социологии) мы должны объявить беспощадную борьбу. С этой реакционной антинаучной мистикой марксизму не по дороге. Иное дело научные моменты психоанализа. Вместе с бихевиоризмом и рефлексологией они несомненно составят основу будущего здания марксистской психологии.

Психоанализ ценен и тем, что он фактически является вполне объективным методом познания субъективных переживаний.

Психоаналитический метод нельзя отождествлять с методом самонаблюдения, принятым в эмпирической психологии.

— Все высказывания больного являются для врача-психоаналитика только сырым материалом, который обрабатывается согласно известным принципам, взятым из опыта и проверяемым на опыте. Основываясь на этих принципах, врач расшифровывает символический (подцензурный) язык больного и узнает его бессознательные переживания. Успех лечения зависит от того, насколько такое знание доступно самому больному (т. е. насколько содержание бессознательного способно в данном случае проникнуть в сознание непосредственно, не обманывая цензуры; лечение психоанализом — это преодоление цензуры).

Итак, метод познания субъективных переживаний психоанализом основан на вполне объективном факте — символическом языке, жестов и других видов внешнего поведения.

Отличие психоанализа от бихевиоризма (и рефлексологии) заключается в том, что бихевиоризм рассматривает внешнее поведение, как самодовлеющий факт, а психоанализ, как символ субъективных переживаний.

Совпадение взглядов больного и врача (при успехе лечения) является в каждом данном случае подтверждением правильности психоаналитической расшифровки символики внешнего поведения.

Психоанализ дает нам ряд ценнейших указаний по вопросу о том, как надо изучать внутреннюю сторону человеческого поведения, бихевиоризм и рефлексология — исследуют его внешнюю сторону. Диалектический материализм призван к тому, чтобы синтетически связать в одно целое различные методы изучения человеческой личности и построить единую науку о поведении человека.

М. А. ШИРВИНДТ

„БИХЭВИОРИЗМ“ УОТСОНА

Нет кажется ни одного современного психолога, который не начинал бы своей статьи или монографии двумя-тремя меланхолическими замечаниями о кризисе в психологии.

В психологической литературе последних лет такого рода жалобы стали почти общим местом. Можно сказать, что современный психолог чувствует себя приблизительно так же, как современный физик.

За несколько последних десятилетий физики открыли столько новых фактов, что рамки старых теорий стали слишком тесными. Новых же теорий больше чем нужно для объяснения всех фактов.

Говоря о сходстве, нельзя забывать о различиях.

Физик уже в XIX веке не считал для себя нужным знание философии, психолог же только в XX столетии освободился от обязанностей философа.

Но диалектика развития имеет свои законы. Как раз в тот момент, когда психологи почувствовали себя, наконец, свободными от философской опеки, оказалось, что без нее нельзя обойтись.

Действительно, кризис в современной психологии носит ярко выраженный методологический характер.

В процессе развития психологического опыта стало совершенно ясно, что традиционные методы исследования психических фактов не соответствуют многогранности психической действительности.

Психологические методы оказались слишком бедными, чтобы постигнуть богатство своего предмета. Поэтому психологи опустошили предмет, заменив объяснение терминологическим описанием фактов (часто к тому же мнимых).

Новые методы явились, по существу, выражением протеста содержания против навязанной извне формы, — результатом открытия новых сторон в предмете. Но, открывши их, психологи потеряли единство предмета. Единый целостный предмет был разъят на части, отдельные стороны выхвачены из общей связи и каждая сторона объявлена особым объектом.

Сейчас нет единой психологии, ее содержание захвачено рефлексологией, бихэвиоризмом, психоанализом, эмпирической психологией и т. д.; причем каждое течение претендует на все и не соглашается на меньшее. Каждое течение универсализирует свой метод, найденный на основе исследования только части психической действительности и не пригодный поэтому для объяснения фактов, принадлежащих к другим областям психической жизни. Отсюда вытекает как неизбежное зло — вербализм, являющийся чрезвычайно характерной чертой современной психологии. Термины, обозначающие понятия, имеющие смысл только для определенных областей опыта, переносятся не критически, по аналогии в другие области, где нет адекватного им предмета, где они следовательно становятся простыми словами, лишенными значения и смысла.

Правда, вербализм большей частью объясняется вполне законным желанием свести сложное к простому, понять сложные психические явления, представив их, как сумму простых. В этом случае, однако, получается только мнимое объяснение; понятие ускользает, оставляя лишь свою следную тень — звучное слово.

Всякий научный кризис заставляет некоторых исследователей идти по линии наименьшего сопротивления, искать у более старой и зрелой науки метод для новой. В истории науки не раз повторялись попытки такого „плагиата“.

Механика и физика когда-то конструировали свои понятия по образу геометрии, биология по образу механики, физики, потом физико-химии. Неудивительно, что теперь появляются психологи, которые сводят психологию к биологии, исторически более молодой науке, чем психология, но теоретически более зрелой. Если в начале XVIII века Ла-Меттри смотрел на человека как на машину, то в начале XX века некоторые психологи представляют его тоже как особый вид физико-химической машины.

Ла-Меттри, как известно, применил к человеку концепцию Декарта, относящуюся к животным. Любопытно, что тем же путем шли и современные бихэвиористы. В качестве „зоопсихологов“ они автоматизировали животных, в качестве „психологов“ превратили в машину человека.

Опыты Морган и Торндайка позволили исключить из зоопсихологии понятие сознания¹ и подставить вместо него привычку.

Это навело на мысль таким же образом шаблонизировать человека и вместо психики изучать поведение, как самодовлеющее целое, включающее систему привычных (и не привычных) действий.

Станным образом, — исключение из зоопсихологии антропоморфических моментов привело к тому, что на человека стали смотреть, как на животное.

¹ Морган и Торндайк собственно не отрицали наличие некоторых сознательных моментов у животных, но такое отрицание вытекало из их опытов.

Стремление к максимальной упрощенности совершенно естественно сближает часть современных психологов с французскими материалистами XVIII столетия.

Прочтите у Уотсона защиту того положения, что от рождения все люди абсолютно равны и все различия обусловлены исключительно воспитанием и воздействием внешней среды. Как ни вспомнить здесь Локка и его французских учеников Гельвеция и Гольбаха. Несомненно, в бихэвиоризме мы имеем известное возрождение некоторых руководящих идей французских материалистов, правда — иначе обоснованных, иначе оформленных. Даже их антирелигиозная позиция находит очень яркое отражение у Уотсона. По его мнению, традиционная эмпирическая психология, изучая так называемые явления сознания, по существу ничем не отличается от старой психологии, бывшей наукой о душе. Сознание, с точки зрения Уотсона, только перефразировка термина души. В этом смысле современная эмпирическая психология, как правильно отмечает Уотсон, насквозь пронизана религиозными представлениями. Очистить от них психологию означает освободиться от понятия сознания как главного психологического предмета. Вместе с этим субъективный метод — интроспекция, теряет значение главного психологического метода.

Что же должен изучать психолог? По мнению Уотсона, — поведение человека, т. е. способы, какими человек реагирует на внешнюю среду или внутренние изменения в органических процессах своего тела. Значит, сознание — это тоже вид человеческого поведения, наблюдаемый объективными методами, ибо оно выражается в речи или жестикуляции, т. е. тождественно с определенными реакциями на внешние или внутренние стимулы. Задача психолога-бихэвиориста собрать касающиеся по-

ведения факты, проверить свои данные и подчинить их логике и математике (орудиям познания всякого ученого).

Вот краткий перечень вопросов, интересующих бихэвиориста: Какие реакции прирождены человеку? Какую реакцию (и с какого времени) вызывает данный стимул? При каких условиях известный стимул вызовет реакцию иного типа? Какими способами можно изменить реакции в желательном направлении?

Изучение психических явлений, которое производится по такой программе, показывает, что человек вначале обладает очень незначительным числом самых простых инстинктивных и эмоциональных реакций, но на их основе, благодаря усложнению стимулов и благодаря механизму условных рефлексов, вырастает вся та сложная психическая жизнь, которая характерна для взрослого человека. Бихэвиоризм принципиально отказывается от метода самонаблюдения. Вместо того чтобы наблюдать себя, нужно наблюдать других.

Итак, по мнению бихэвиористов, психология — это естественная наука, которая ближе всего стоит к физиологии. Уотсон считает, что психология, собственно говоря, почти совпадает с физиологией, различие между этими двумя науками — в точке зрения, а в группировке фактов. Физиология изучает функции отдельных частей животного, бихэвиористическая психология хотя в этом тоже заинтересована, но главным образом изучает поведение всего животного в целом, другими словами — исследует целостную реакцию организма на раздражение различных стимулов.

Следовательно, если эмпирическая психология объектом своих исследований считает явления сознания и различные внутренние переживания, то психология поведения в качестве своего объекта имеет реакции организма на раздражающие его стимулы. Уотсон классифици-

рует реакции по следующим признакам: А) внешние реакции, выражающиеся во внешнем поведении, В) внутренние реакции, выражающиеся в движении мускулов и желез. Приведем пример, характеризующий внутренние реакции. При голоде человек может стоять неподвижно и ничем не выражать, что он голоден, но мускулы его живота в это время сокращаются, слюнные железы работают и т. д. Кроме того, необходимо различать реакции прирожденные или незаученные от приобретенных, заученных реакций.

В общем задачу, стоящую перед бихевиоризмом, можно формулировать так: по данному стимулу предсказать реакцию или по данной реакции узнать вызвавший ее стимул.

Новый метод, открытый бихевиористами для изучения поведения человека, выходит по их мнению далеко за пределы психологии. Все науки, касающиеся человека, должны быть переработаны с бихевиористической точки зрения.

Этика должна стать экспериментальной наукой, основанной на методе бихевиоризма, социальная психология становится бихевиористической наукой, задача которой заключается в том, чтобы исследовать, как социальные группы образуют в индивидууме известные навыки, позволяющие контролировать его в течение всей жизни. Само собой разумеется, что социология растворяется в бихевиористической социалистической психологии и экономике. Даже для религии находится замена — для образованных людей ее заменяет экспериментальная этика. Наконец, психоанализ заменяется бихевиористическим изучением ребенка. Уотсон не щадит также и философию, которая по его мнению должна постепенно исчезнуть и перейти в историю науки.

Таким образом, мы видим, что, изучая реакции чело-

веческого организма, бихевиористы находят, как они полагают, ключ к познанию общественного человека. Бихевиористический метод рассматривается ими как универсальная отмычка, позволяющая открыть не только тайну поведения индивидуума, но и всего общества.

В основе этого взгляда лежит старое метафизическое представление, присущее в особенности мыслителям XVII и XVIII века, что общество представляет собой простую механическую сумму взаимодействующих людей. Отсюда вытекает, что понять поведение индивидуума это значит понять поведение общества. Специфическая общественная закономерность при таком взгляде полностью растворяется в закономерности психологической. Не только человек, но и общество представляются как сложный комплекс реакций.

Теперь, ознакомившись с основными принципами бихевиоризма, нам необходимо остановиться на методах исследования реакций.

Основной метод, применяемый бихевиористами при исследовании поведения человека — это метод условных рефлексов, хорошо известный по работам Павлова и Бехтерева.

Бихевиоризм — течение рефлексологического типа. Его основные моменты должны быть а priori известны всем, знающим рефлексологию, главным образом, бехтеревского направления. Возьмем, например, главу о методах психологии в книге Уотсона: „Психология как наука о поведении“. Уотсон намечает следующие методы изучения человеческого поведения: I. Наблюдение с инструментальным контролем и без него. II. Методы условных рефлексов: а) методы, применяемые для получения условных секреторных рефлексов, б) методы, применяемые для получения условных двигательных рефлексов. III. Метод словесного отчета. IV. Метод испытания (тестов).

Сравним этот перечень с перечнем методов, описанных Бехтеревым в его книге „Общие основы рефлексологии человека“. Мы увидим, по существу, почти полное совпадение. Конечно, совпадение не исключает различия. Рефлексология Бехтерева теснее связана с физиологией. Сам Бехтерев уделял значительное внимание связи поведения с мозгом и с центральной нервной системой; у некоторых же его учеников исследование мозговой деятельности приобрело, до известной степени, самодовлеющее значение. Уотсон этим интересуется значительно меньше. Для него физиологические исследования имеют значение подсобное; на первый план Уотсон выдвигает психологические проблемы, проблемы поведения человека.

Необходимо еще отметить, что метод словесного отчета у Уотсона и Бехтерева назван больше для красоты слова. Фактически его не применяют ни тот ни другой. Это объясняется, конечно, „бессловесным“ объектом их исследований.

Раз сознание исключено, какой же смысл изучать неразрывно связанное с ним слово.

В книге „Психология как наука о поведении“ Уотсон придает некоторое значение методу словесного отчета. В своей же последней работе (не переведенной пока на русский язык) „Бихэвиоризм“ Уотсон совершенно игнорирует этот метод. И действительно, в так называемой объективной психологии (рефлексология и психология поведения) метод словесного отчета — единственный субъективный остаток — почти не применяется или применяется в такой ничтожной степени, что о нем не приходится и говорить. Другое дело реактология Корнилова, здесь этому методу придается видное значение. Есть еще одна общая черта между бихэвиоризмом и рефлексологией, — это способ решения психо-

логических проблем. Он заключается, как мы уже упоминали выше, в их максимальном упрощении, прежде всего в элиминировании субъективных моментов, т. е. именно тех, которые образуют специфическую закономерность, характерную для материальных процессов, образующих основу психики и сознания.

Итак, не будет преувеличением сказать, что с точки зрения бихэвиоризма, как и с точки зрения рефлексологии, человек — это физиологический автомат. Он отличается от человека-машины Ла-Меттри несколько большей органичностью. Ла-Меттри как последовательный механист представлял человека в виде механической системы, рефлексологи и бихэвиористы признают целостный характер человека. Для них человек — биологическая тотальность..., но только лишенная сознания и благодаря этому фактически теряющая свою цельность. Для бихэвиористов и рефлексологов человек в конечном счете физиологический автомат, ибо они полностью устраняют сознание, психику, т. е. те моменты, которые отличают человека от автомата. Эти моменты сводятся ими в той или иной форме к биологическим процессам. Чем же определяется физиологический автомат-человек в своих действиях? Здесь опять-таки мы находим сходство между рефлексологией и бихэвиоризмом. И с той и другой точки зрения человеческое поведение определяется частью физиологической структурой, частью внешней социальной средой. Они являются стимулами, которые своими действиями на организм определяют его ответную реакцию. Значит, в качестве простейшего понятия, лежащего в основе всех понятий бихэвиоризма и заменяющего психологические термины, фигурирует термин-стимул или лучше сказать комплекс стимулов, иначе называемый ситуацией. Ситуация в свою очередь определяет реакцию. Итак, все поведение человека описывается

в терминах стимула (ситуации) и реакций. Реакции разделяются на врожденные (наследственные) или безусловные и приобретенные — условные. Термин „реакция“ по существу совпадает с термином „рефлекс“ в том смысле, в каком его употребляет Бехтерев. Разница очень не существенная. Конечно, термин „рефлекс“ имеет определенное физиологическое значение. Но если остановиться на понятии рефлекса в бехтеревском смысле, несколько отличном от понятия рефлекса у Павлова, то большой ошибки не будет назвать реакцию рефлексом.

Наследственными реакциями Уотсон считает инстинкты и эмоции. Наследственных реакций довольно много, но их можно свести к некоторому ограниченному количеству реакций, что позволяет их более или менее легко описать. В отношении инстинктов это трудней сделать, в отношении эмоций — легче.

Под инстинктом Уотсон понимает комплекс тех незаученных реакций, посредством которых человек реагирует на различного рода стимулы, начиная с первых дней рождения. К этим реакциям относятся рефлекторные инстинкты, связанные с получением пищи, различными движениями тела, рук, ног, далее — чихание, кашляние, рефлекс Бабинского (до года) и т. д.

Уотсон резко критикует всякий субъективный взгляд на инстинкт. Главным образом он критически исследует концепцию Джемса. Джемс определяет инстинкт как тенденцию действовать таким образом, чтобы иметь возможность достигнуть некоторых целей без их предвидения. По мнению Уотсона, понятие цели и предвидения в данном случае неясно, бессмысленно и ничего не выражает.

С его точки зрения инстинкт является только результатом действия особого рода структуры, присущей человеку. Человек рождается с определенной физиологической структурой, следовательно он должен определенным об-

разом действовать при известных стимулах. Первоначальные, незаученные реакции, которые представляют собой проявление своеобразной физиологической структуры человека, являются инстинктами. Каждое понятие, как известно, много выигрывает в наглядности и убедительности, если можно для него построить модель. Поэтому психолог, развивающий какую-нибудь теорию, всегда имеет в виду некоторую построенную им основную модель. Уотсон тоже построил свою модель для инстинкта, именно — бумеранг. Бумеранг имеет свойство, которое отличает его от всякого другого куска дерева: если его бросить, то он возвращается к тому лицу, которое его бросило. Является ли это свойством дерева? И да и нет, потому, что не всякий кусок дерева возвращается обратно. Указанная особенность является, значит, свойством куска дерева, известным образом сделанного. Точно также организм человека представляет собой физиологический материал, известным образом сделанный, что детерминирует определенные действия, реакции на внешнюю среду.

Остановимся еще на одном моменте, который сблизжает Уотсона с французскими материалистами. Уотсон считает, что тот комплекс инстинктов, которые человек получил при своем рождении, является более или менее постоянным комплексом, т. е. между различными людьми не имеется большой разницы в количестве и качестве незаученных реакций, которые они приобрели при рождении. Поэтому по его мнению бессмысленно говорить о таких вещах, как о наследственности физической или духовной структуры и т. д. — так как все это является исключительно результатом уже приобретенных условных реакций, т. е. другими словами, представляет результат воздействия внешней среды. Естественно, что раз Уотсон игнорирует всякого рода духовные моменты и концепции инстинктов и вообще игнорирует сознание, то он

должен придумать какой-то другой термин, который мог бы заменить традиционный термин эмпирической психологии. Не надо ведь забывать, что Уотсон полемизирует в своих работах, главным образом, с эмпирической психологией и психоанализом. Термин Джемса „поток сознания“, отмечающий психическую активность человеческого организма, Уотсон заменяет термином „поток активности“, характеризующим человеческое поведение.

Перейдем теперь к другому типу незаученного поведения, именно, к эмоции. Уотсон насчитывает три основных вида эмоций: страх, ярость и любовь. Под любовью Уотсон понимает, по его собственному разъяснению, нечто весьма похожее на сексуальность в понимании Фрейда. Те явления, которые Фрейд называет сексуальными, Уотсон считает эмоциональными любовными реакциями. Названные три эмоции появляются уже с первых дней рождения человека. Стимулом эмоций страха (о реакции не стоит упоминать, так как она хорошо известна) по Уотсону является, главным образом, громкий звук. опыты показали, что из нескольких сот детей только у одного громкий звук не вызывал реакции страха. Стимул ярости — стеснение телесных движений. Реакция на этот стимул имеет особенно яркий характер через 10—15 дней после рождения. И наконец, реакция любви получается при поглаживании различных частей тела, главным образом, эrogenных зон, что вполне подтверждает некоторые выводы, сделанные Фрейдом. Конкретной моделью для изучения явлений, связанных с эмоциями, Уотсону служат маленькие дети в возрасте от 2 до 3 лет. В качестве типичных опытов можно взять опыт с мальчиком Альбертом Б., 11 месяцев (описан в книге „Психология как наука о поведении“), и опыт с мальчиком Петром, трех лет („Бихэвнизм“), на которых я останавлиюсь. опыты сводятся к тому, чтобы привить

известные желательные условные реакции и потом их погасить. Альберту Б. привили условную реакцию на все предметы, напоминающие в той или иной степени крысу. Сделали это таким образом: ему показали крысу и придвинули ее к нему; когда Альберт хотел к ней прикоснуться, внезапно за его спиной сильно ударили по стальному бруску. У мальчика, благодаря громкому звуку, сейчас же появилась типичная реакция страха. Эта реакция связалась с рядом предметов, напоминающих крысу. В результате у Альберта появилась реакция страха на крысу, кролика, собаку, шубу, вату и т. д.

Остановимся теперь на другом опыте, имеющем целью погашение развившихся условных рефлексов (реакций). В качестве объекта был взят мальчик Петр, 3 лет, у которого были многочисленные страхи — фобии. Он боялся крыс, кроликов, собак, ваты, шубы; кроме того боялся лягушек, рыб, механических игрушек. Все эти фобии ему не были привиты искусственно, а возникли в силу нездоровой домашней обстановки. Погашение указанных условных реакций производилось следующим образом. Во время еды на значительном расстоянии от Петра, в конце стола, поставили клетку с крысой и стали наблюдать, что мальчик будет делать. Он не обратил никакого внимания на крысу и спокойно продолжал свою еду. На другой день клетку придвинули ближе. В конце концов постепенно удалось достигнуть того, что Петр не прерывал своей еды, когда клетку ставили рядом. Даже когда крысу вынули из клетки и дали ему в руки, он не обнаружил никакого страха. Условная реакция страха была уничтожена и благодаря этому он перестал бояться и всех остальных объектов своих прежних фобий. На основании собранного опытного материала, Уотсон делает вывод, что лучшим средством погашения вредных условных реакций является метод их прямого уничто-

жения, такой метод, который первоначальные объекты, создающие условные реакции отрицательного типа, превращает в объекты условных реакций положительного типа, как это имело место в опыте с мальчиком Петром.

Что касается других методов, например, метода словесного отчета, то Уотсон не придает им большого значения, ибо опыты не дали определенных результатов. Известное значение имеет только метод введения социального фактора, смысла которого в том, чтобы путем действия подражания уничтожить создавшиеся условные рефлексы. Некоторые опыты здесь оказались удачными, другие нет. Так, весьма удачно прошел опыт с одним мальчиком 30 месяцев отроду, который очень боялся кроликов. Ему показали кролика в присутствии двух девочек. Последние обнаружили живое любопытство, подбежали и стали его ласкать. Когда наш мальчуган увидел, что девочки не боятся, у него пропала реакция страха и он благодаря влиянию подражания сам начал играть с кроликом. Часто в силу действия подражания могут появиться условные реакции страха. Так, один ребенок, который не боялся кроликов, стал бояться их, после того как в его присутствии какой-то мальчик обнаружил бурную реакцию страха. Все эти опыты позволили Уотсону создать общую схему развития психической жизни. Схема эта сводится к следующему: на основе ограниченного количества реакций безусловных создается бесконечное количество реакций условных. Так как обусловить реакцию может любой предмет, то количество условных реакций непрерывно увеличивается на всем протяжении жизненного пути человека.

Здесь возникает серьезный вопрос. Развитие психической жизни понимается Уотсоном как развитие условных реакций из безусловных. Но для поведения человека (да и животных) характерно не возникновение

тех или других условных реакций, но превращение известных условных реакций в шаблонные, автоматические реакции, благодаря чему создаются известные навыки. Спрашивается, почему навыки закрепляются и удерживаются? Тут в качестве модели Уотсону служит вообразимый опыт с мальчиком, который, для того чтобы открыть ящик со сладостями, должен найти секрет замка. Задача этой модели объяснить, почему запоминается, или вернее удерживается, тот акт, который ведет к цели, между тем как все другие акты забываются. Уотсон рассуждает так: предположим, что мальчику, для того чтобы открыть ящик с загадкой, требуется произвести 50 каких-нибудь актов, из которых 49 являются актами ненужными, а последний 50-й ведет к цели. Предположим, что ему нужно 20 опытов, для того чтобы сразу прийти к акту, ведущему к цели. Если пронумеровать все эти акты и произвести сложение, то окажется, что во всех 20 опытах одни акты будут присутствовать, а другие нет. В одном опыте будут налицо акты: 2, 3, 9, 31 и т. д., в другом — 5, 8, 12, 14, 16 и т. д. Таким образом, во всех 20 опытах каждый акт, кроме 50-го, будет встречаться не всегда. 50-й же акт будет присутствовать каждый раз и кроме того он запомнится, потому что дает определенный эффект. Таким образом, частота определенного акта и тот непосредственный эффект, который он дает, определяют причину его лучшего запоминания (или, выражаясь терминами Уотсона, шансы закрепления ведущей к цели условной реакции).

Аналогичный действительный опыт был проделан с крысой. Крысу помещали в лабиринт, по которому она должна была проникнуть в то место, где находилась пища. Тридцать опытов над 8 крысами показали, что крыса достает пищу в первом опыте в 16 минут, во втором в 7 минут, в третьем в три минуты, и, наконец,

в последнем тридцатом опыте она достает пищу через 20 секунд. Объяснение здесь вполне аналогично тому, которое приводилось раньше.¹ Цель Уотсона доказать, что понятие памяти — понятие не нужное, бессмысленное для психологии, и что память сводится к механическому закреплению шаблонизированных условных реакций. Таким образом Уотсон последовательно лишает всякого субъективного психического содержания понятия — инстинкта, эмоции, навыка и памяти. Память им сведена к привычке. Чем чаще повторяются известные действия, тем более привычными и, значит, шаблонными — они становятся.

Теперь Уотсону остается самое трудное — лишить субъективности мысль и сознание. Модель здесь уже не находится по вполне понятным причинам. Невозможно произвести опыты, которые позволили бы построить соответствующую модель. Поэтому место модели занимает схема. Уотсон, следовательно, избирает обычный путь научного рассуждения: где нельзя сконструировать модель, изобретается схема. Схема Уотсона чрезвычайно бездоказательна и представляет собой блестящий пример пустого вербализма. Уотсон считает, что мышление является внутренней речью без слов, речью с самим собой. Таким образом мыслительная деятельность и ее внешнее проявление сводится к деятельности речевого аппарата. Но только в случае мышления, т. е. внутренней неслышной речи, этой деятельности заметить нельзя. Уотсон сам ссылается на опыты,² доказавшие этот факт; большого значения он им все-таки не придает и считает, что принципиально такая деятельность должна существовать.

¹ Опыты Келлера (см. ст. А. С. Выготского, в настоящем сборнике) показывают с достаточной убедительностью, что поведение животных далеко не так шаблонно, как думает Уотсон.

² См. „Behaviorism“, ст. 192.

Безусловными стимулами звуковых реакций (из которых потом развиваются речевые реакции) являются стимулы внутриорганического порядка. По мере того как ребенок растет, они заменяются различными условными стимулами. В качестве последних может фигурировать любой предмет, который почему-либо привлекает к себе внимание. Например, ребенку хочется есть, он видит бутылку с молоком; бутылка является условным стимулом для словесной реакции. Мышление с точки зрения Уотсона, как мы уже упоминали выше, беззвучный разговор с самим собой (речь минус звук). Мускульные навыки, выученные в процессе открытой речи, определяют скрытую (внутреннюю) речь (мысль). Точно также каждое телесное движение, каждый жест может быть заменой слова. В доказательство своего положения Уотсон приводит следующие факты: ребенок, когда учится говорить, сначала непрерывно громко разговаривает сам с собой. Скоро общество останавливает его. Ему все время указывают на взрослых и приказывают молчать. В результате ребенок приучается говорить молча, про себя, т. е. думать. Другой интересный факт тот, что глухонемые, когда думают, вместо слов пользуются различного рода жестами (движения рук заменяют им слова). Это доказывает, что к одной деятельности речевого аппарата свести мышление все же нельзя. Поэтому Уотсон принужден ввести дополнительные моменты, а именно он должен признать, что мышление связано деятельностью нашего двигательного аппарата, выражаясь в форме всякого рода жестов. Кроме того мышление обусловлено также с деятельностью нашего внутреннего аппарата, т. е. с деятельностью гладких мышц внутренней секреции. Значит, мышление определяется внутренней секреторной и мышечной деятельностью, внешней мускульной деятельностью и речевым аппаратом. В связи с этим Уотсон насчитывает не-

сколько типов мышления: первый тип, когда вовлечены в действие речевой аппарат, внешние мускульные реакции и внутренние секреторные реакции; другой тип мышления, когда только один из видов реакции находится в действии. Следовательно может быть мышление без слов, которое выражается только в жестикуляции и, наконец, может быть мышление, связанное исключительно с внутренними реакциями (деятельность секреции и гладких мускулов). Здесь интересно остановиться на следующем. Критикуя Фрейда, Уотсон в своей книге „Behaviorism“ утверждает, что его понятие бессознательного не имеет никакого смысла и может быть очень легко описано в физиологических терминах.

Под бессознательным сам Уотсон понимает все то поведение, которое никогда не сопровождается речевыми реакциями, т. е. никогда не вербализуется.

Значит, с точки зрения Уотсона, у ребенка двух — двух с половиной лет все поведение является бессознательным, потому что оно не сопровождается речевыми реакциями, т. е. не вербализуется. Кроме того у ребенка, как и у взрослого, имеется ряд реакций внутренних, тесно связанных с реакциями гладких мускулов и секреторными реакциями, которые никогда не могут быть связаны с деятельностью речевого аппарата.

Здесь Уотсон впадает в противоречие. Он не отличает мышления от сознания. Между тем оказывается, что существует бессознательное мышление. Ведь, по мнению Уотсона, мышление не обязательно связано с речевыми или двигательными реакциями, оно может быть также выражением не поддающихся вербализации, т. е. не сопровождаемых сознанием внутренних секреторных реакций. Итак, бессознательное может проникнуть в сознание, а мышление присутствует и в бессознательном. Для Уотсона этот вывод означает крах основной и

важнейшей части его теории. Проблема сознания оставляется им без ответа.

Нельзя, однако, отрицать достоинств бихевиоризма. Прежде всего учение Уотсона отличается резко выраженным материалистическим и атеистическим характером. Это надо приветствовать, особенно теперь, когда идеалистические и мистические философские теории пользуются таким успехом в буржуазной науке. Весьма положительным моментом бихевиоризма нужно также считать биографический метод исследования человеческой личности. С точки зрения Уотсона личность человека должна изучаться как нечто цельное. Нельзя понять личности человека, если не знать, как он приобрел свои условные реакции. Но, для того чтобы это знать, надо изучить его биографию, т. е. изучить особенности внешней среды и воспитания, которые определили личность данного человека.

Основным недостатком бихевиоризма является крайняя механистичность его основных концепций. Уотсон фактически совершенно игнорирует психику, абсолютно не признает субъективного момента, без чего нельзя понять особенности поведения человека и основные черты человеческого сознания и мышления, т. е. именно то, что мы требуем от психологической науки.

Общая механистическая установка бихевиоризма определяет также ряд других ошибок. Уотсон обнаруживает полное непонимание природы памяти — этой важнейшей психической функции. Память им сведена к привычке. Правда, в дальнейшем он указывает на важность речевого аппарата. Запоминается то, что вербализуется. На этом основана амнезия всех детских переживаний, бывших у ребенка до трех лет. Но даже вербализация понимается Уотсоном как привычка, как речевой навык. Функции памяти исчерпываются по Уот-

сон у тем, что человек мог бы при определенных ситуациях, которые встречаются в его жизни, реагировать на них шаблонным образом. Между тем современные исследования памяти показывают, что ее главной отличной характеристикой является творческая тенденция — по части реакции воспроизвести всю реакцию, — эта тенденция никогда не осуществляется полностью, но всегда существует. Эта особенность памяти хорошо описана немецким психологом Сэмсоном,¹ который является одним из наиболее фундаментальных исследователей явлений памяти. Сэмсон берет в качестве двух основных понятий, определяющих природу памяти, понятие энграммы и понятие экфоры. Первое понятие выражает способность удерживать известный комплекс переживаний, которые когда-либо случились. Сэмсон считает, что эта способность имеет в своей основе физиологический характер. Но в физиологических терминах невозможно выразить основные ее черты, почему и необходимо специальное психологическое исследование. Качество энграммы заключается в следующем: если в дальнейшем появляется какой-нибудь один момент бывшего переживания, то возникает тенденция воспроизвести все другие моменты. Это Сэмсон называет экфорой. Следовательно характерная особенность памяти состоит именно в том, что она, создавая возможность шаблонной реакции, вместе с тем препятствует этой шаблонности, так как благодаря экфоре при всякой реакции может возникнуть ряд реакций, непосредственно из нее не вытекающих, но связанных с какими-нибудь пережитыми моментами. Уотсон для подтверждения своего понимания памяти приводит следующий пример. Человек учился играть в гольф; приобрел навыки игры, пять лет не играл, потом снова начал играть.

¹ R. S e m o n. „Die Mneme“ и в особенности „Die mnemischen Empfindungen“.

Сразу наш игрок в гольф не может воспроизвести полностью навыки, но он воспроизводит 75% того, чем он располагал. Таким образом шаблон повторяется. Все это верно, но Уотсон забывает одно весьма существенное обстоятельство, что игра в гольф может вызвать у игрока ряд переживаний, совершенно не связанных с данной партией гольфа. Он может вспомнить всю ту ситуацию, которая сопровождала его первый урок, и переживания, связанные с другими случаями игры в гольф, и т. д. Для Уотсона это будет лишь субъективный усложняющий факт, от которого можно и надо отвлекаться. Действительно, для игры в гольф мало значения имеют различные посторонние переживания. Иное дело другие психологические случаи, где шаблон либо играет меньшую роль (научное или художественное творчество, эмоциональная жизнь) либо грубо нарушен (невроз).

Решение проблемы мышления, данное Уотсоном, вполне последовательно заключает систему бихэвиористической психологии. Уотсон превращает человека в машину, особым образом устроенную, способную к приобретению известных нужных для общества навыков. Эта концепция — только результат стремления к максимальной простоте. До известной степени она, несомненно, навеяна механизмирующими тенденциями капиталистической деятельности. Это указание Мак Догалла¹ — совершенно правильно. В капиталистическом обществе очень мало интересуются человеком как человеком. Человек там никому не нужен. Капиталу необходимы рабочие с определенными двигательными навыками, инженеры, юристы и т. д. с известными речевыми навыками и т. д. Когда капиталист нанимает рабочего, шофера, машинистку, секретаря, инженера, юриста и

¹ Статья W. M. C. D o u g o l l, Men or Robots в сб. Psychologies of 1925.

т. д., он интересуется, какие навыки (ручные, речевые, эмоциональные) он имеет. Автоматическая природа человека на первом месте в современном капиталистическом обществе, индивидуальная человеческая природа всячески должна ей подчиняться.

Как это ни странно, но в современном человеке Уотсон обнаруживает индивидуума только тогда, когда человек заболевает психическим расстройством. С внешней стороны кажется, что метод Уотсона по всей сущности является индивидуализирующим. На самом деле это не так. Он вынужден индивидуализировать людей для того, чтобы найти отклонения от нормы, но самая мысль сконструировать человека, как физиологического автомата, мешает понять индивидуальность. Неудивительно, что проблема больной личности, очень интересующая Уотсона, остается для него дверью за семью печатями. В качестве модели он может предложить только психопатологическую собаку, которую путем прививки известных условных рефлексов сделали типичным невротиком. Она не ела мяса, пугалась маленьких животных и т. д. Затем посредством погашения привитых условных рефлексов ее вылечили „без всякого психоанализа“. Эта беспомощная модель является для Уотсона моделью поведения больного человека, невротика. Беда в одном, что привитые условные рефлексы не трудно погасить. А вот как быть, когда рефлексы создаются благодаря влиянию внешней социальной среды, когда непосредственно нельзя догадаться, как они произошли, а ведь без этого нельзя их погасить. Знание же путей ненормального развития реактологической деятельности требует исследования связи между внутренними и внешними реакциями. Эта задача в свою очередь выдвигает проблему, которую Уотсон, как мы указывали выше, не в состоянии разрешить.

Характерно, что, критикуя на всем протяжении своей новой книги („Бихевиоризм“) Фрейда, Уотсон в конце концов оказывается вынужденным дать самому себе свидетельство о бедности. „Изменение личности больного индивидуума-психопата,—пишет Уотсон,—это дело врача. Как бы скверно он ни выполнял сейчас своего дела, все же мы должны идти к нему, когда случается какое-нибудь грубое нарушение навыков. Если я дошел до того, что не могу поднять нож или вилаку, или моя рука становится парализованной, или я не в состоянии зрительным путем реагировать на присутствие моей жены и детей, и врачебное исследование при этом покажет, что у меня нет никакого органического порока, то нужно поспешить к моим психоаналитическим друзьям и сказать: „пожалуйста, помогите мне, несмотря на все скверные вещи, которые я о вас сказал, выбраться из беды“.¹ Непонимание психоанализа объясняется исключительно механической концепцией Уотсона,—концепцией, которая по существу ведет его к позитивизму. Уотсон интересуется только явлениями, которые можно, так сказать, ощупать. То, что индивидуум переживает, для Уотсона не факт. Сознание, дух, мышление Уотсоном отрицаются и сводятся к внешнему поведению. Мак Дауголл вполне прав, утверждая, что Уотсона очень мало интересует вопрос, существует ли сознание. Уотсон довольствуется тем, что все человеческое поведение механически определяется условными рефлексами, поэтому психология и должна изучать исключительно условные рефлексы. Между прочим, в положениях самой же бихевиористической психологии Уотсона имеется момент, который должен был бы требовать более глубокого исследования вопроса. Уотсон, как мы знаем, указывает,

¹ „Behaviorism“, стр. 246.

что внутренние органические процессы не находят своего выражения в словах. Значит ли это, что нам навсегда закрыта возможность все-таки каким-нибудь образом выразить их в словах? Не в этом ли заключается метод психоанализа? Найти слово для невыразимого и затаенного и таким образом овладеть им. Для диалектического материалиста ничего таинственного тут нет. Сознание — это качество определенным образом организованной материи. Значит, вместе с возникновением психики возникает новая закономерность, обусловленная прежними закономерностями, но на ряду с этим обладающая своими особенностями, своей специфичностью и подлежащая, следовательно, особому изучению. Конечно, психический процесс это тот же физиологический процесс, но взятый не с его физиологической, а с особой качественно отличной стороны.

Учение Уотсона, как мы уже отмечали, ценно своими материалистическими моментами. Особенно ценно что Уотсон генетически исследует поведение человека. Правда, он рассматривает его как машину, но как машину, не сделанную раз навсегда, а находящуюся в процессе формирования. Здесь мы можем найти и сходство и различия между Уотсоном и Фрейдом. И тот и другой одинаково рассматривают человека, как продукт воспитания, как продукт воздействия внешней среды; их метод исследования — в основном биографический метод. Только Уотсон рассматривает внешнее поведение человека, как единственно фактическое поведение; для Фрейда же важно найти внутренние мотивы этого поведения. Уотсон отвлекается от сознания, мышления, словом всего того, что для своего изучения требует в большей или меньшей степени интроспекция. Наоборот, для Фрейда внешнее поведение лишь исходный пункт, конечная же задача — своеобразное самонаблюдение ис-

следуемого больного. Уотсон категорически отвергает интроспекцию. Фрейд фактически опирается на „интроспекцию“, поставив ее, правда, так, что она приобретает вполне объективное значение.

Задача диалектического материализма заключается в том, чтобы показать психологам, что их предмет один, но исследовать его надо с разных сторон: и с объективной и с субъективной. Марксистская психология, основанная на применении методов материалистической диалектики к психической действительности будет синтезом различных современных психологических направлений в том смысле, что она свяжет открытые ими факты единством подлинно научного метода, изучающего предмет во всей его многогранности.

ЭЙДЕТИКА

Если охватить общим взглядом все важнейшие современные психологические направления, можно заметить, что несмотря на огромную разницу, существующую между ними, несмотря на далеко отстоящие друг от друга области, в которых ведутся исследования, несмотря на разнородность, иногда прямую непримиримость теоретических взглядов и идей, развиваемых психологами того или иного направления, — несмотря на все это, существует нечто общее, присущее всем этим течениям, что их объединяет и указывает на их общее происхождение из эпохи современного психологического кризиса. Эта общая историческая черта, объединяющая различные направления, состоит в том, что каждое из этих направлений проходит формально через одни и те же этапы в своем развитии. Не касаясь сколько-нибудь подробно этих этапов, можно указать на два существенных момента, которые определяют то, что мы имеем сейчас в виду.

Обычно всякое новое психологическое направление начинается с некоторого частного фактического открытия в какой-нибудь области психологии, — открытия, которое серьезно расширяет круг наших представлений о данном предмете, которое в новом свете представляет относящиеся к нему явления. Этот исходный пункт всякого нового направления коренится в области добывания новых фактов, нового материала и попытки осмыслить и теоретически осознать этот материал. Благодаря усло-

виям психологического кризиса, приведшим к тому, что психология не представляет собой единой стройной научной системы, это частное фактическое открытие, с одной стороны, вынуждено, так сказать, прожить за свой собственный счет; с другой — оно должно из себя создать свою теорию, выработать основной круг методологических понятий, установить отношение данной области явлений к другим областям исследования, связать новое со старым, — и таким образом возникает новая психологическая система.

Частные закономерности, открытые в какой-нибудь области явлений, видоизменяясь и перестраиваясь, расширяясь и обобщаясь, часто без всякого основания превращаются в принципиальные положения, которые стремятся охватить всю область психологического знания. Частные законы распространяются, иногда чисто спекулятивным путем, на новые и новые области, частная истина растягивается до пределов всеобщей.

Было бы ошибочно думать, что в таком положении дела повинны личные ошибки и притязания тех или иных ученых. Нет, само историческое состояние нашей науки таково, что, говоря языком Брентано, „существует много психологий, но не существует единой психологии“. Мы могли бы сказать, что именно потому и возникает много психологий, что нет общей единой психологии. Это значит, что отсутствие единой научной системы, которая охватывала бы и объединяла все современное психологическое знание, приводит к тому, что каждое новое фактическое открытие, выходящее просто за пределы накопления деталей, вынуждено создавать свою собственную систему для объяснения и понимания вновь найденных фактов и зависимостей.

Эти два момента позволяют легче подойти к правильной оценке того или иного психологического направления. Очень часто бесспорной заслугой каждого нового

направления является его новое завоевание в области фактов, и большей частью чрезвычайно шаткой оказывается построенная на этих фактах теория, несоразмерно больше развившаяся, чем это позволяет ее фактическое основание. Поэтому так скоро отмирают на наших глазах, не оставляя наследников, целые психологические школы, теории, направления и так быстро нарождаются новые. Вот почему разбор всякого нового психологического направления всегда является делом в высшей степени трудным. Потому что критика должна вскрыть оба эти момента в их сложном переплетении, и на деле критика всегда их вскрывает. Она неизбежно оказывается неправой, если начинает прямо с несовершенства теоретической конструкции, минуя центральное фактическое ядро, лежащее в ее основе.

Но не меньшей ошибкой была бы с ее стороны попытка ограничиться одним рассмотрением фактов без учета того теоретического оформления, которое часто в искажающей перспективе представляет эти самые факты.

Поэтому настоящая критика всех современных психологических направлений возможна только как историческая критика, изучающая то или иное направление во всей сложности его исторического происхождения, обстановки, в которой оно появилось, его корней и заложенных в нем тенденций; это — критика творческая, которая будет проведена в будущей единой системе научной психологии, которая подойдет ко всем отдельным направлениям и ко всем теориям вооруженная собственным методологическим оружием и сумеет разобраться в том сложном сплетении, которое образуют оба указанные момента.

Все сказанное нами вполне приложимо к тому направлению современной психологии, которое мы сейчас

собираемся рассмотреть — к эйдетике. И здесь мы можем ясно различить те два момента, о которых мы говорили: фактическую основу и теоретическую конструкцию.

В настоящем очерке мы и попытаемся кратко представить то и другое, критически подойти и оценить сильные и слабые стороны нового учения, не претендуя на сколько-нибудь полный и исчерпывающий его анализ. Начнем с фактической основы нового учения.

Эйдетикой называют психологи нового направления учение о субъективных наглядных образах, наблюдающихся у детей и подростков в определенной фазе их развития, а также сохраняющихся иногда, большей частью в виде исключения, и у взрослых. Самый факт наличия подобных субъективных наглядных образов описал в 1907 году Урбанчич. Однако, он не сумел разглядеть широкого теоретического значения этого факта, не смог даже сколько-нибудь полно и основательно изучить его.

Это было сделано школой Эрих Иенша в Марбурге, главным образом, в последние двенадцать лет. Здесь сложилось и оформилось самое это психологическое учение, которое сейчас широко распространилось по всему миру, порождая повсюду исследования эйдетических феноменов, проверку фактических данных Иенша и его школы, обсуждение его теоретических построений и объяснений. Эйдетиками (от греческого слова эйдон — вижу или эйдос — образ, картина, идея) называют психологи нового направления людей, обладающих способностью вызывать эти наглядные образы. Сущность этого основного эйдетического феномена или эйдетизма заключается в том, что человек, обнаруживающий его, обладает способностью видеть в буквальном смысле этого слова на пустом экране отсутствующую картину или предмет, который перед тем находился перед его глазами. До сих пор психологии были

известны две основные формы образов памяти. Это, во-первых, так называемые, последовательные образы, хорошо изученные в психо-физиологии и доступные наблюдению всякого, так как они представляют всеобщее явление, которое у всякого может быть вызвано. Если фиксировать глазом какую-нибудь цветную фигуру, например крест, квадрат и т. п., и затем перевести взгляд на белую или серую поверхность, мы увидим ту же самую фигуру только в дополнительном цвете. Так, если основная фигура была красного цвета, то ее последовательный образ будет зеленым и т. д.

Рис. 1.

С другой стороны, психологи хорошо знали образы представления, которые и являются основой нашей памяти в обычном и самом популярном смысле этого слова. Когда мы говорим, что мы представляем в уме тот или иной предмет, мы имеем в виду не то, что перед нашими глазами, в буквальном смысле этого

слова встает образ этого предмета, так что мы можем пальцем указать, где он находится, каковы его очертания и т. д. Это — следовые раздражения, которые то более ярко, то более смутно возобновляются в нашем мозгу, но которые существенно отличаются от последовательных образов.

Между этими двумя формами образов памяти вдвигаются, благодаря новым открытиям, эйдетические образы, или наглядные образы. Они занимают как бы среднее место между последовательными образами и между образами представлений, приближаясь у отдельных лиц то к

одним, то к другим. Открытие этой промежуточной формы памяти и составляет фактическую основу нового учения.

Для того чтобы читатель мог себе ясно представить, в чем заключается само явление, мы приводим стенограмму одного из типических эйдетических опытов, которую мы заимствуем у Рикеля.

Десятилетнему ребенку показывают в течение 9 секунд совершенно неизвестную ему до того картину (см. рис. 1). Затем картина убирается, перед ребенком остается гладкий серый экран, но ребенок продолжает видеть отсутствующую картину и видеть ее так, как каждый из нас видит последовательное изображение, после того как цветная фигура убрана из поля нашего зрения. Как видно из приводимого протокола, ребенок видит отсутствующую картину во всех деталях, описывает ее, читает текст на картине и т. д.

СТЕНОГРАММА

Вопрос: Сколько людей нарисовано на картине?

Ответ: Шесть, четверо мужчин и две женщины.

Один поливает улицу, трое остальных идут на работу.

Вопрос: В каком направлении идут эти трое мужчин?

Ответ: Туда вглубь (показывает рукой направление).

Вопрос: Что видишь ты у второго человека?

Ответ: Он курит длинную трубку.

Вопрос: Видишь ты еще что-нибудь из подобных признаков?

Ответ: Да, шапку, которая по виду похожа на шар.

Вопрос: Что несет этот человек на плече?

Ответ: Большую кирку.

Вопрос: Что несет на плече человек, идущий впереди?

Ответ: Лопату.

Вопрос: А тот, что идет саади?

Ответ: Продолговатую лопату.

Вопрос: Люди эти идут по тротуару или по середине улицы?

Ответ: По тротуару.

Вопрос: Сколько окон в том доме, мимо которого проходят эти люди?

Ответ: Шесть, пять справа и одно спереди.

Вопрос: Чем отличается это окно спереди дома от пяти окон справа?

Ответ: Переднее окно закрыто зелеными ставнями.

Вопрос: Сколько кувшинов с молоком стоят на тележке?

Ответ: Пять.

Вопрос: Видишь ты ручку на дышле тележки?

Ответ: Да.

Вопрос: Как она поставлена?

Ответ: Горизонтально.

Вопрос: Видишь вывеску над дверью, возле которой стоит женщина?

Ответ: Да, там нарисовано животное.¹

Вопрос: Я имел в виду не эту вывеску, но...

Ответ: (восклицание испытуемого) Да, здесь есть еще одна вывеска, как раз над самой дверью.

Вопрос: Что на ней обозначено?

Ответ: Трудно прочесть... все же (читает медленно): „Номер, затем идет цифра 3 и потом 8 или 9“.

Вопрос: Как написан номер?

Ответ: Большое *N* и маленькое *o* с двумя черточками под ним.

¹ Ребенок, видимо, спутал немецкое слово *Tür* (дверь) и *Tier* (животное).

Вопрос: А теперь прочти вторую вывеску.

Ответ: Kathi Pantscher, Milchhandlung. А потом нарисована корова.

Вопрос: Kathi Pantscher написано тем же шрифтом, что и Milchhandlung?

Ответ: Нет. Верхняя строчка написана печатным шрифтом.

Вопрос: А нижняя?

Ответ: Латинским.¹

Вопрос: В каком направлении смотрит корова?

Ответ: Влево.

Вопрос: Какого цвета это животное?

Ответ: Желтого и белого.

Вопрос: Как написано Kathi?

Ответ: (читая по буквам) К - А - Т - Н - I.

Вопрос: Над дверью, у которой стоит женщина, есть стекла; сколько их ты видишь?

Ответ: Три.

Вопрос: Откуда достает воду тот, кто поливает улицу?

Ответ: Из четырехугольного отверстия.

Вопрос: Что ты видишь на рукаве?

Ответ: Три кружка.

Вопрос: Сколько филенок у двери, которая видна наполовину? Я имею в виду дверь возле окна с зелеными ставнями.

Ребенок молчит. (Оказывается, он не понимает, что такое „филенка“.) После разъяснения, он всматривается и говорит:

Ответ: Три. Две больших сверху и снизу, и поменьше — по середине.

¹ Ребенок обозначает словами: печатный и латинский — два немецких шрифта — так называемые готический и латинский.

Вопрос: Сколько филенок у двери, возле которой стоит женщина?

Ответ: Две.

Вопрос: Что за поза у женщины, стоящей возле двери?

Ответ: Она манит пальцем.

Вопрос: Чем покрыта улица?

Нет ответа.

Вопрос: Она замощена?

Ответ: Да.

Вопрос: Как? Опиши подробнее.

Ответ: Четырехугольными кусками булыжника.

Вопрос: Всюду такие же куски?

Ответ: Нет. Только там, где стоят тележка с мо-
локом и торговка.

(Продолжительность опыта 5½ минут.)

Не показывая ребенку рисунка в промежутке, его спрашивают через полчаса, может ли он снова видеть на экране. Ответ утвердительный. Задаются снова подобные же вопросы, на которые ребенок дает правильные ответы. Еще через час на 25% всех вопросов ребенок отвечает: „Я больше этого точно не вижу“, или: „это стало неясно“, или даже: „это уже исчезло“. Для того чтобы убедиться, что здесь речь идет об эйдетическом запоминании мальчика-эйдетика, т. е. о действительном видении образа, стоит только повторить тот же эксперимент с ребенком, не обладающим эйдетической способностью (время предъявления картины, конечно, должно быть столь же коротким, как и в данном случае).

Вот это в буквальном смысле слова видение отсутствующего предмета или картины и составляет основу эйдетизма. Первоначально, когда это явление было открыто, психологи к нему отнеслись скорее как к курьезу

или как к редкому исключению, но не как к общему правилу. Между тем, исследования Марбургской школы приводят авторов к выводу, что эйдетизм является совершенно закономерной и необходимой фазой в развитии памяти, — фазой, через которую непременно проходят все дети. Ниже мы приводим статистические результаты эйдетических исследований, показывающие, как велик процент ясно выраженных эйдетиков среди детей различного возраста. Правда, у различных авторов, в различных местностях, в различных детских группах этот процент не является постоянным.

С одной стороны, это надо отнести за счет новизны самих исследований, различий в методах и оценках. Надо сказать, что этот феномен встречается не у всех детей в совершенно одинаковой форме. Он обнаруживает различные ступени своего развития и различные степени яркости. Э. Иенш различает 5 таких ступеней развития эйдетизма. С одной стороны оказывается, что процент детей-эйдетиков колеблется в зависимости от того — включаются ли в число этих случаев и дети с менее яркой степенью этого явления. С другой стороны, как это мы увидим ниже, самый этот феномен обнаруживает прямую зависимость от внутренней секреции, которая не только варьирует в зависимости от конституции, от индивидуальности, от возраста, расы, но и обнаруживает вариацию в зависимости от местности, от географических условий.

Кроу нашел, что число ясно-выраженных эйдетиков для детей в Марбурге составляет 40%. Он склонен принять эту цифру за более или менее верный показатель для всей Средней Европы.

Как мы увидим ниже, многие критики, как Кизов и др., до сих пор не склонны считать это явление всеобщим и смотрят на него скорее как на исключение,

чем как на правило. Однако, если включить в число детей-эйдетики и детей с так называемой латентной или скрытой эйдетической формой, тогда процент детей-эидетиков в различных возрастах действительно оказывается почти равным 100.

Под латентным эйдетизмом Иенш подразумевает наличие этой самой формы памяти, но только в скрытом не обнаруживаемом виде. Наличие такого латентного эйдетизма устанавливается косвенным путем. Так как эйдетические образы занимают среднее место между последовательными образами и представлениями, то они оказывают часто влияние на эти другие формы памяти. Так, латентный эйдетизм обнаруживается в том, что дети, обладающие этой формой, показывают отклонения последовательных образов от нормы, в частности от закона Эммерта.

Закон Эммерта гласит, что последовательные образы увеличиваются в своих линейных размерах в строго геометрической пропорции по мере удаления экрана от глаз. Так, если удалить экран в два раза дальше, чем он стоял раньше, то последовательное изображение возрастает ровно в два раза. Дети, обладающие латентным эйдетизмом, обнаруживают, что у них последовательные изображения не подчиняются закону Эммерта. Если принять во внимание, что эйдетические образы вообще уклоняются от этого закона, станет ясно, почему этот признак (уклонение от закона Эммерта) принимается исследователями за симптом латентного эйдетизма.

Готхейль показал, что если ребенок фиксирует квадрат, его последовательный образ подчиняется закону Эммерта; если он не фиксирует этот же квадрат, образ подчиняется другой закономерности, — закономерности, установленной для эйдетических образов.

Таким образом, обнаруживая латентный эйдетизм, эти

исследователи получают возможность говорить об эйдетизме, как о всеобщей ступени в развитии памяти. Близость эйдетического образа к представлению или последовательному изображению оказывается различной у детей различной конституции.

Вальтер Иенш развил на основе этого учения свою теорию конституциональных типов. Он различает среди эидетиков, как и среди всех людей, два основных типа. Первый он называет базедовидом или *В*-типом. Это психо-физиологическая конституция, крайнее выражение которой находим мы в картине базедовой болезни, и обратно — в нормальных вариантах этой конституции мы различаем как бы ослабленные симптомы того же самого функционального склада личности и строения организма. Этот тип характеризуется симптомами, наблюдаемыми обычно при повышенной функции щитовидной железы. Он отличается психо-вегетативной возбудимостью, изменчивостью пульса, вазомоторными явлениями; даже с внешнего вида можно отличить его по блестящим глазам, общей легкой возбудимости и другим признакам.

Другой тип — тетаноид или *Т*-тип. Его патологическим выражением является тетания. В нормальных вариантах конституции он отличается возбудимостью сенсорных нервов, реакцией на электрические и механические раздражения. В отношении психологическом оба эти типа тоже существенно отличаются друг от друга. *В*-тип стоит ближе к организму, его эйдетические образы стоят ближе к представлениям, они тесно связаны с воображением и обще-психологической жизнью. Ребенок этого типа рассматривает их как часть своего „я“, как способность, которой он дорожит, как богатством; эйдетические образы вызываются у него без фиксации и обнаруживают зависимость от психологических факторов, т. е. интереса, настроения и т. д.

Картины сложные, интересные и осмысленные в естественной обстановке вызывают у него гораздо легче эйдетические образы, чем менее интересные, простые и т. д. Выбор рисунка у детей этого типа оказывается очень важным. Так, у детей этого типа рисунки зверей вызывают лучшие эйдетические образы, чем дома; старые, потерявшие интерес рисунки, хуже, чем новые. Проще говоря, у этого типа детей эйдетические образы обнаруживают зависимость от эмоциональной жизни и воображения, и сами стоят ближе к центральным образам или представлениям.

Иначе обстоит дело у детей второго типа. Они являются скорее машинообразными, чем органическими эйдетиками. Часто эти образы становятся для них навязчивыми и тягостными. Их эйдетизм стоит ближе к последовательным образам. Он обнаруживает малую связь с психологической жизнью, с воображением и эмоциональностью. Самые образы воспринимаются как нечто чуждое и навязчивое и обнаруживают большую зависимость от физиологических и чувственных, чем от психологических факторов, т. е. от яркости самого рисунка, от длительности фиксации, освещения и т. д.

Многие исследования показали, что явления эйдетизма находятся в прямой зависимости от химических воздействий на организм. Так, *T*-тип при приеме кальция обнаруживает ухудшение эйдетизма, *B*-тип, наоборот, не обнаруживает изменений вследствие действия кальция.

Чистые типы, как и при всякой классификации, встречаются довольно редко, это — только абстрактные схемы, к которым на деле более или менее близко подходит каждый отдельный ребенок.

Таким образом, эйдетическое исследование, которое привело авторов к учению о конституциях, вводит генетическую точку зрения в самое это учение. Любо-

пытно отметить, что эйдетические явления, сколько можно предполагать на основе того, что нам известно о памяти примитивных народов, оказываются очень распространенными и среди них.

Иенш, который проанализировал то, что нам известно о процессах репродукции у примитивных народов, нашел, что эти явления в основных чертах совпадают с теми особенностями, которые установлены для эйдетиков. В частности, примитивное искусство, примитивная мифология и особенности примитивного языка находят свое предположительное психологическое объяснение в эйдетизме.

Таким образом, эйдетизм превращается в сложное генетическое и типологическое учение о памяти, а затем благодаря соединению одного и другого момента, как это мы ниже постараемся показать, и в общее учение о психологическом развитии и о психологических типах.

Буссе, исследовавшая эйдетические феномены, приходит к основному выводу, наиболее важному из того, что дает новое учение в области памяти. Все новые исследования согласно показывают, что память не есть гомогенная и цельная функция, что мы должны отрицать структурное единство памяти, что исследование расщепляет память на функционально различные роды памяти, и что эти различные формы оказываются в генетическом родстве друг с другом. Эта исследовательница установила и основной закон, указывающий на направление, в котором идет развитие различных видов памяти.

Этот закон можно назвать законом инварианты и выразить следующим образом: инварианта растет вместе со степенями памяти. Буссе, исследуя влияние поворота головы на последовательные образы, эйдетические образы и представления, могла обнаружить следующие явления: чем ниже стоит каждый образ на одной из этих трех

ступеней памяти, тем более он варьирует в зависимости от поворота головы, от малейшего движения самого испытуемого и тем более оказывается неустойчивым сам образ. Наиболее неустойчивым и наиболее варьирующим является последовательный образ, который, как мы указывали, растет строго пропорционально расстоянию, движется в зависимости от легчайшего поворота головы.

Большую устойчивость обнаруживает эйдетический образ, который увеличивается в своих размерах медленнее, чем растет расстояние. Наконец, наибольшую устойчивость обнаруживает представление, эта третья ступень в развитии памяти.

Очень легко понять огромное биологическое значение, которое имеет этот закон инварианты.

Легко представить себе, в какой степени затруднено было бы приспособление животных и человека к миру, если бы картина мира носила столь неустойчивый характер, как в последовательных образах, т. е. если бы предметы уменьшались строго пропорционально расстоянию, сдвигались бы от малейшего поворота головы. Устойчивая картина мира была бы тогда невозможна. Животное, отбежавшее от хищника на 100 шагов, должно было бы при этом увидеть его уменьшившимся в 100 раз.

Здесь мы подходим вплотную к следующему чрезвычайно важному вопросу в области этого учения. Именно к вопросу о том, какую роль эйдетические образы играют в нашем восприятии.

Можно сказать, что с психологической и биологической стороны это — важнейшая из функций, которую выполняют эйдетические образы, и важнейшее следствие всего нового учения заключается в перестройке традиционного представления о восприятии. Эксперименты обнаружили два основных факта.

Первый состоит в том, что эйдетические образы мо-

гут смешиваться с реальным восприятием. Второй заключается в том, что препятствия, затруднения при видении эйдетических образов приводят к тому, что эйдетический образ превращается в последовательное изображение или в представление.

Первый факт приводит нас к учению о восприятии; второй — к учению о развитии.

Фрейлинг экспериментально показал, что эйдетический образ может влиять на зрительную величину действительных предметов, что он может смешиваться с реальным восприятием и благодаря этому обусловить постоянство цвета при разном освещении или постоянство величины при удалении предмета.

Опыт производится следующим образом: испытуемому показывают цветной квадрат, который потом убирается, испытуемый видит на экране эйдетический образ. Если потом незаметно для него вновь повесить квадрат и удалить этот квадрат от его глаз, испытуемый видит, как квадрат становится больше (в этом мы можем убедиться при измерениях циркулем границ по показаниям испытуемого), чем он был в самом начале.

В связи с этим возникает еще один чрезвычайно интересный вопрос. Мы знаем, что изображение предмета на сетчатке нашего глаза уменьшается пропорционально удалению предмета от глаза. Эйдетический образ, напротив, растет по мере удаления от глаз, но не пропорционально расстоянию.

Таким образом, воспринимаемая нами величина действительного предмета является как бы средней величиной, которая получается в результате совместного действия реально уменьшающего раздражения и увеличивающегося эйдетического образа.

Этот вопрос ставил еще Гельмгольц. Он задавался вопросом, почему предметы при удалении от глаз

сохраняют относительно свою постоянную величину? Гельмгольц объяснял это бессознательным умозаключением или действием памяти, которая присоединяется к реальному восприятию. Исследование всецело подтвердило предположение Гельмгольца и показало, что наше восприятие есть сложное явление, которое возникает в результате сложения реальных раздражений и эйдетических образов, и что весь мир наших восприятий строится на присоединении эйдетических образов к реальным раздражениям.

Опыты показали, что все три ступени в развитии памяти обнаруживают различную способность смешиваемости с реальными восприятиями.

Так например, если вызвать последовательный образ от цветного квадрата, то он при наложении на цветной фон смешивается с цветом фона по закону смешения. Эйдетический образ только покрывает его, а представление совершенно с ним не сливается. Если отодвигать, вращать, перемещать экран, мы заметим все ту же последовательность трех ступеней: самые большие изменения у первой формы, срединная изменчивость у второй и относительная неизменяемость (инварианта) у третьей. То же самое в отношении фона: образы первой ступени сливаются с фоном, 2-й ступени отступают от него и 3-й ступени оказываются независимыми от него.

На основе этого Иенш делает вывод, что развитие памяти шло в следующем виде: первоначальной стадией в ее развитии является стадия эйдетического образа или недифференцированного единства, которое путем дифференциации, как это показано на рис. 2, превращается с одной стороны в восприятие, с другой — в представление.

Развитие, таким образом, является для Иенша не простым количественным нарастанием памяти, а вклю-

чает в себе момент инволюции или обратного развития (так как эйдетические явления с возрастом проходят и момент метаморфоза, т. е. процесс качественного превращения одной формы памяти в другую).

Опыты действительно подтверждают, что замена гомогенного (однородного) фона не гомогенным или введение какого-нибудь препятствия во время опыта — мешают эйдетическому образу слиться с восприятием и поднимают его на высшую ступень, превращая в представление.

Таким образом судьба эйдетических образов заключается в том, что одни сливаются с восприятием, другие с представлениями.

Обычно у детей это достигается естественным путем вместе с возрастом, но у *T*-типа, как указано, прием кальция в течение нескольких недель или дней производит тот же самый эффект, что и возраст, т. е. приводит к исчезновению эйдетических явлений и к развитию дифференцированного восприятия и представления.

Если мы постараемся установить отличие эйдетического образа от последовательного, мы заметим, что эти отличия сводятся к трем основным моментам: первый дает изображение, во-первых, в положительном цвете, т. е. в этом смысле совпадает с восприятием, затем дают 3-мерный образ и, наконец, самое важное, эйдетический образ дает буквально видение, которое подтверждается, с одной стороны, тем, что испытуемый читает текст,

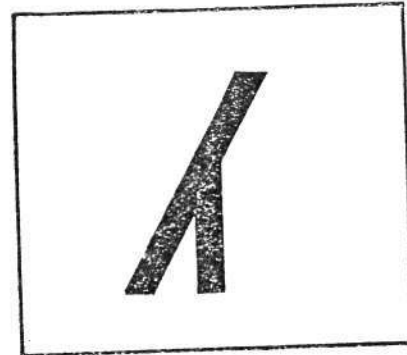

Рис. 2.

видит малейшие детали, как это показано в нашей стенограмме, а, с другой стороны, эйдетический образ подчиняется всем законам восприятия. Исследователям удалось, таким образом, осуществить в высшей степени сложную задачу: экспериментально создать восприятие и тем самым разложить его на части.

Эйдетические исследования охватили, таким образом, не только область памяти, восприятия, типологии, а через все это — различные структуры личности. Они приводят к исследованиям в более сложных областях психологической жизни. Мы приводим в качестве последнего примера исследование при помощи эйдетического метода процессов образования понятий и мышления.

Иенш ставил опыты для выяснения тех явлений, которые установлены Кёллером в отношении обезьян. Он предлагал четырнадцать ясно выраженным эйдетикам, сидя на полу, смотреть на какую-нибудь цель, находящуюся вне пределов досягаемости (яблоко, камень, кусок шоколада, мяч и т. п.), и несколько в стороне от этого показывал палку с загнутой ручкой, конец которой был обращен к наблюдателю. Затем оба предмета убираются, испытуемый видит эйдетический образ их и получает инструкцию „отдаться желанию овладеть целью“. Ему говорят: „посмотри внимательно на яблоко и на палку и постарайся живо захотеть завладеть яблоком. Думай все время так: „Если бы я мог завладеть этим яблоком“. У 10 из 14 испытуемых эйдетический образ давал решение этой задачи, как показано на рис. 3: или палка приближалась к цели, или цель к палке.

Точно также при опытах, когда эйдетикам давали мяч и веревку, устанавливалась оптическая связь между обоими предметами, как это показано на следующем рис. 4. Важно отметить, что эффект достигался только в том случае, если оба объекта в эйдетическом образе

или восприятию одновременно попадали в центр внимания и охватывались единым актом внимания. Если давалась инструкция обратить внимание только на яблоко, то начинавшие уже сближаться предметы опять расходились и оставались на прежнем месте.

Эти опыты проливают много света на исследования Кёллера и раньше всего подтверждают мнение самого исследователя, что сближение орудия и цели происходит

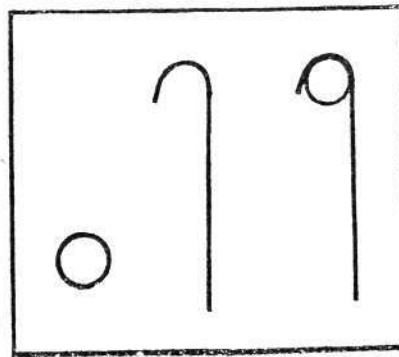

Рис. 3.

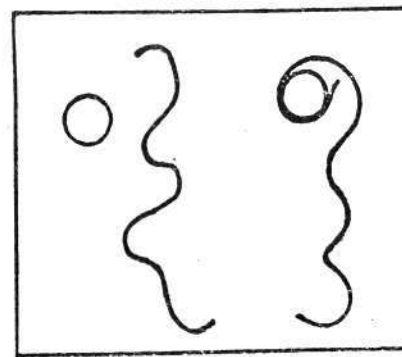

Рис. 4.

у животного в сенсорном поле и является чисто оптическим разрешением задачи, а не в области представлений, как это предполагал К. Бюллер.

Эта оптическая связь, устанавливаемая между двумя предметами, является истинной основой всех „разумных“ действий шимпанзе. Иенш полагает, что эти опыты позволяют разрешить спор о разуме шимпанзе. Кёллер и сам отмечает, что все действия животных происходят под прямым воздействием и руководством оптического поля и что решения наступают не слепо, а в зависимости от оптической структуры поля.

Иенш склонен понимать выражение Кёллера о разумных операциях шимпанзе „неслепое действие“ в бук-

вальном смысле этого слова, но он предостерегает от того, чтобы всякое „неслепое действие“, к которому относится иллюзия, эстетическая форма и простой акт внимания, перемещающий предметы и сдвигающий их в зрительном поле, принимать за мышление в настоящем смысле этого слова.

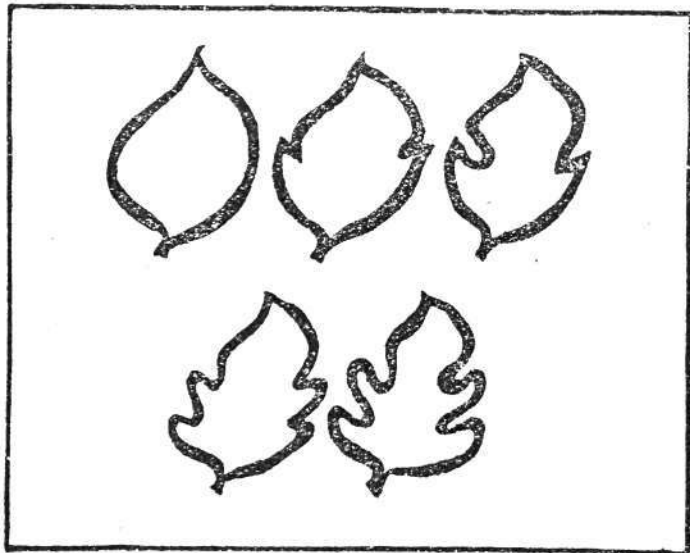

Рис. 5.

К интересным выводам приводят эйдети́ческие исследования и в области образования понятий. Испытуемому предлагается ряд объектов одного и того же рода, например листьев, как это изображено на нашем рисунке (рис. 5), затем он должен вызвать эйдети́ческий образ этих листьев.

Исследования показывают, что у эйдети́ка „понятие“ образуется не из простого смешения отдельных образов и отбора общих черт, что понятие образуется не так, как в гальтоновской коллективной фотографии, но что

у испытуемого возникает динамическая схема, динамический образ.

Это как бы наглядное образование понятия, при котором все индивиды сохранены в эйдети́ческом синтезе. Эту форму образования понятий Иенш называет флюксийей. Испытуемый видит первый лист, который дается ему в начале опыта, затем этот лист меняет свое очертание, превращаясь во второй, третий и т. д. по порядку, затем снова возвращается к началу и т. д.

Другую форму образования понятий, которую наблюдал Иенш, он называет осмысленной композицией. Она состоит в том, что при образовании нового образа из ряда прежних происходит выбор черт не по частоте их повторения, а по значению. Отбираются из двух образов такие черты, которые вместе дают возможность новой осмысленной образной конструкции.

Так, например, испытуемому, который видит эйдети́ческий образ таксы, на том же экране показывают световое изображение осла. Испытуемый видит охотничью собаку. Эту форму образования понятий Иенш называет осмысленной композицией.

Мы не станем останавливаться дольше на экспериментальных исследованиях новой психологической школы. Попытаемся подытожить то, что намечено выше, и в самых сжатых чертах рассмотреть и критически оценить методологические основы нового психологического учения.

Известный физиолог Геринг первый высказал ту мысль, что память — это общее свойство организованной материи. Память психологическую он предложил рассматривать, как частный случай некоторых общих свойств органической материи, именно, пластичности ее, т. е. способности изменяться под влиянием внешних воздействий, сохранять следы этих воздействий и тем самым создавать

предрасположение к повторению этих же самых изменений в будущем.

В эйдетизме и проявляются в наиболее чистом виде органические основы нашей памяти. Ведь, в основе эйдетических явлений лежит, несомненно, инерция нервного возбуждения: нервное возбуждение длится и после того как непосредственно воздействующий на глаз раздражитель удален. Эта инерция нервного возбуждения, лежащая, несомненно, в основе всех процессов памяти, т. е. следовых раздражений, проявляется при эйдетизме в наиболее чистом виде. Отсюда теснейшая зависимость эйдетизма от психофизиологической конституции, от химизма тела и других чисто биологических факторов.

Первый вопрос, который надо разрешить при критической оценке этого нового учения, заключается в следующем: каков объем нового понятия, как велика сфера психологических явлений, охватываемых эйдетизмом? Современные экспериментальные исследования — не только Иенша и его сотрудников, но и его критиков — позволяют ответить на этот вопрос в том смысле, что сфера эта очень велика и очень значительна.

Под влиянием новых исследований перестраивается традиционное учение о памяти, о восприятии, о конкретном типе мышления, воспоминания, воображения и образования понятий в школьном возрасте. Но эйдетика не хочет ограничиться просто анализом субъективных наглядных образов, с чего она начала. В силу указанных в начале нашего очерка общих моментов психологического кризиса новое учение перерастает далеко за рамки частного психологического исследования, превращаясь в целую систему взглядов в целую методологию, в психологическое мировоззрение.

Субъективный наглядный образ, который изучает

эйдетика, для нового учения есть только уловимый симптом, стигма структуры личности ребенка и подростка (также и взрослого человека), ключ к их внутреннему миру, доступный вход, чтоб проникнуть в ту фазу развития, где создается мир восприятий и представлений, т. е. ключ к генетическому и типологическому изучению того, как складывается у человека картина воспринимаемого и представляемого мира.

Свое учение Иенш называет психонатурализмом и противопоставляет его, с одной стороны, структурной психологии (которую он упрекает за то, что вся она построена на физиологической гипотезе и ориентируется на естественные науки — в частности, на физику, что, по его мнению, является возрождением физикализма в психологии), с другой стороны эйдетика или психонатурализм противопоставляет себя психовитализму, так как по этому воззрению не отдельные силы, данные сверх и помимо материальных, как полагают виталисты, но все натуральное — психологично.

Иенш называет свое мировоззрение реалистическим идеализмом, противопоставляя его кантовскому трансцендентальному идеализму. Кантовы категории получают, полагает он, в новых исследованиях свое эмпирическое обоснование. Иенш в согласии со всей той психологической традицией, с которой он связан, предпочтительно подчеркивает моменты селективного, избирательного характера нашей душевной жизни, даже самых элементарных ее функций, активный характер психики, строящей мир восприятий, создающей видимый мир. Ценностный момент, проникающий, по его мнению, всю психическую жизнь; инварианта, создающая относительно устойчивую и независимую от внешних изменений картину мира; феноменология, распространенная книзу — вот что доминирует в его учении.

Он находится под прямым и сильным воздействием Дильтея и его школы и всей вообще „психологии, как науки о духе“, противопоставляющей себя естественно-научной психологии. Из двух основных направлений, существовавших в сплетенном виде на всем протяжении исторического развития нашей науки, осознавших свою несовместимость в самые последние десятилетия, из двух полюсов, вокруг которых на наших глазах поляризуется вся психологическая наука, Иенш и его школа явно обращены к полюсу крайнего идеализма.

Правда, в этом факте есть некоторое внутреннее противоречие, состоящее в том, что ни одно, пожалуй, из современных немецких направлений не подошло в своих психологических исследованиях так близко к физиологической и даже биохимической обусловленности психических явлений, как эйдетика. Вспомним только опыт с искусственным изменением эйдетических феноменов при введении в организм кальция. Казалось бы, в том фактическом основании, на котором строится новое учение, нет ни ноты чего-либо неразрешимого или загадочного с точки зрения психофизиологии, что дало бы повод для такого толкования в духе психонатурализма.

Сам Иенш снисходительно готов признать, что в этой области материализм может оказаться по его выражению плодотворным заблуждением. Но для него, как для представителя реалистического идеализма, самое бытие оказывается в зависимости от сознания. Психологическая формула, говорит он, позволяет глубже проникнуть в мир, в причинность, чем естественно-научная.

В области психологии это приводит Иенша к отказу от психологии без души, к глубоко реакционным тенденциям и стремлению повернуть развитие психологической науки вспять,

Едва ли есть надобность дольше останавливаться на философских воззрениях Иенша. Они ясны. Но так же ясен и основной вывод, который мы хотели бы сделать из всего сказанного здесь, вывод, который гласит, что существует непримиримое, зияющее противоречие между системой фактов, добытых новыми исследованиями и обнаруживающих полнейшую обусловленность психических явлений органическими, и между системой идей, которую развивает на этой основе новое учение, стремящееся построить феноменологию снизу, пронизать психофизиологию точками зрения психологии, как науки о духе, и утвердить тем самым реалистический идеализм.

Нельзя сомневаться в том, что тем легче произойдет в процессе ассимиляции новых фактов и данных общей психологии, разъединение этой основы и надстройки в эйдетике. Фактическая основа и идеалистическая надстройка связаны между собой не органически, но механически, и уже на наших глазах эйдетика породила огромное число проверочных исследований, которые выделают фактически достоверное ядро нового учения.

В заключение мы хотели бы остановиться в самых коротких словах на педагогическом значении эйдетических исследований. И в этой области мы можем констатировать ту же двойственность, что и в области философского обоснования нового учения. С одной стороны, возражения против педагогического интеллектуализма, строившего все обучение на процессе логического усвоения знаний; протест против односторонне рационалистического воспитания; требование считаться с возрастными особенностями, учитывать эйдетически-образный характер памяти, мышления и воображения ребенка; ука-

знание на необходимость возвращать, давать возможности развития и другим, не интеллектуальным функциям, — все это делает эйдетику глубоко прогрессивным педагогическим течением, приходящим к прямому признанию преимуществ трудовой школы (конечно, в ее буржуазном понимании и осуществлении).

Самым важным из всего этого является учение, развиваемое психологами этого направления, о пластичности всех решительно психологических функций, даже самых элементарных, считавшихся до сих пор абсолютно непластическими, а потому и невоспитуемыми. Даже восприятие, о котором традиционное психологическое учение говорит, как о функции, с самого начала покоящейся на врожденных основах, почти неразвивающейся, непластичной и потому невоспитуемой, становится объектом воспитания. Область воспитания тем самым широко раздвигается. Мир, воспринимаемый и представляемый, его картина и структура, составляющие основу всякого опыта и всех высших процессов, в первую очередь должны быть объектом педагогической работы.

Но общая идеалистическая установка, реакционное воззрение на культуру и технику, как на факторы, препятствующие детскому развитию, идеализация примитивных ступеней развития, требование романтического подхода к ребенку, романтическое представление о юности, как поре рыцарства, — все это приводит Иенша к колоссальной недооценке культурного развития, к своеобразному „руссоизму“, к требованию возвращения к природе и закрепления эйдетического типа, являющегося согласно данным самого же Иенша примитивной ступенью и в историческом развитии психики, и в ее органическом развитии. Недаром, как показали исследования, у примитивных народов, у детей младшего воз-

раста, у умственно отсталых детей эйдетизм встречается чаще и выражен резче и ярче, чем у представителей высших ступеней культурного развития. „Надо воспитывать в ребенке не логика, но художника“, — формулирует Иенш.

Но эта двойственность в педагогической теории есть только неизбежное логическое следствие основной двойственности эйдетики, этого естественно-научного учения, утверждаемого на фундаменте реалистического идеализма.

С. ГЕЛЛЕРШТЕЙН

ПСИХОТЕХНИКА

ЧТО ТАКОЕ ПСИХОТЕХНИКА

§ 1. *Определение основных понятий.* Самым кратким и вместе с тем самым правильным определением психотехники является определение ее, как практической психологии. По признаку целенаправленности психология подразделяется обычно на теоретическую и прикладную. Однако, еще Мюнстерберг и Штерн (независимо друг от друга) предлагали проводить различие между прикладной и практической психологией. Вполне соглашаясь с подразделением всей области психологии на теоретическую и прикладную, они склонны были понимать последнюю, как психологию, направленную на решение самых разнообразных — не всегда только практических — задач культуры. Они предлагали поэтому проводить дальнейшую дифференциацию прикладной психологии, выделив в ней двоякого рода задачи.

Сообразно характеру этих задач прикладной психологии Мюнстерберг (6) и предложил подразделить ее на психологию культуры и психотехнику. Говоря о психологии культуры, Мюнстерберг имел в виду применение психологических знаний для разрешения или истолкования некоторых проблем, возникающих в других областях знания. Эта ветвь прикладной психологии характеризуется тем, что, во первых, она обращена к фактам, уже добытым в свое время различными науками — историческими, языковедческими, экономическими и др.,

во вторых, она призвана эти факты познать и объяснить с психологической точки зрения. Поэтому ее можно называть объяснительной прикладной психологией или психогностикой. Именно об этой психологии писал в свое время Марбе (7) в своей работе „Научное и практическое значение психологии“, содержащей такие главы, как „Значение психологии для естественных наук“, „Значение психологии для медицины“, „Значение психологии для истории“, „Значение психологии для философии“, „Значение психологии для теории литературы“ и т. п.

Психотехника отличается от объяснительной прикладной психологии (или психогностики) тем, что ее задачи не ограничиваются только объяснением. Психотехника ставит перед собой чисто практические цели. Мюнстерберг поэтому называет ее также воздейственной психологией, так как она призвана непосредственно повлиять на те или иные стороны практической жизни. Психотехника должна всегда осуществить какое-нибудь реальное изменение в той области, которую она изучает. Все науки, ставящее себе подобные задачи, относятся Мюнстербергом к категории технических (он понимает этот последний термин в самом широком его значении). Отсюда и название „психотехника“, кажущееся часто непонятным, вследствие обычно односторонне-узкого смысла, придаваемого понятию „техника“. Название „психотехника“, являясь сочетанием двух понятий, должно быть истолковано как осуществление технических (т. е. практических) целей психологическими средствами. Первая часть составного понятия относится, таким образом, к средствам выполнения, вторая часть к целям.

Из данного определения понятия „психотехника“ со всей очевидностью вытекает и то, что область приложения психотехники почти необъятна. Если за психологической наукой признать реальную значимость (как из-

вестно далеко не всеми это положение разделяется), если считать психологию способной вскрыть механизмы сложных форм человеческого поведения, единого и целостного в своей основе, но могущего быть рассматриваемым и изучаемым с точки зрения так называемого „субъективного фактора“, то совершенно правомерным нужно считать стремление использовать также и знание законов человеческого поведения, добываемых психологической наукой, для целесообразного на него (поведения) воздействия и для регулирования его. Это и составляет задачу психотехники, которую при таком понимании без преувеличения можно рассматривать, как оправдание существования самой психологии. Ибо, в конечном счете, психологическая наука не может не стремиться к тому, чтоб вооружить нас, подобно всем без исключения другим наукам, средствами для преобразования жизни в нужном нам направлении.

Излишне сейчас вдаваться в вопрос о том, имеет ли реальное значение психотехника как практическая ветвь психологии, или не имеет. Сама жизнь дала уже утвердительный ответ на этот вопрос тем, что в целом ряде стран психотехника давно уже вошла в круг прикладных наук и завоевала там прочное место.

Для нас гораздо более важным является сейчас вопрос о путях развития психотехники, об основных принципах ее работы, ее проблематике и методологии. Ответ на эти вопросы мог бы помочь нам в свою очередь разобратся и в взаимоотношениях современной психологии и психотехники, в частности и в том, какое место занимает психотехника в строящейся у нас системе диалектико-материалистической психологии. Этот последний вопрос вполне созрел для постановки и, как кажется, было бы вполне своевременно попытаться осветить его в особой специальной статье. Данная же статья должна

рассматриваться, как самое общее и популярное введение в круг основных проблем и методов современной психотехники, ибо она ставит вопрос скорее в плане информационном и повествовательном, чем в плане теоретико-конструктивном.

§ 2. *Краткий исторический очерк психотехники.*
 Всякому, кто хотел бы наилучшим образом уяснить себе сущность психотехники, окажет весьма ценную услугу знакомство с историей вопроса. Мы позволим себе в самых кратких чертах дать исторический очерк развития психотехники.

Многие думают, что переход психологической науки на практические пути осуществился внезапно, неожиданно. Это неверно. Потребность в использовании психологических знаний для решения целого ряда практических жизненных вопросов возникла раньше, чем начала существовать психология, как наука. Острее всего эта потребность ощущалась в педагогике, что совершенно понятно, потому что смысл педагогического процесса и общие задачи воспитания неизбежно побуждают педагога к познанию объекта его воздействия. Однако стихийная тяга к психологическому познанию человека для наилучшего на него воздействия присуща была не одной только педагогике, но и медицине (гипноз, внушение, психотерапия), и политике (учет „психологии масс“, „социальных инстинктов“ и пр.), и искусству (например, создание различных архитектурных форм с учетом характера их психологического воздействия на зрителя), и ряду других областей. К сожалению, история донучной психотехники, уходящей корнями в далекое прошлое, еще никем не написана. Без сомнения, вся история человеческой культуры может дать нам немало крайне поучительных фактов, могущих служить свидетельством постоянно присущего людям стремления дать практи-

ческий выход даже тем скудным знаниям психологических гипотез и законов, которые накоплены были психологией за весь ее прошлый, насыщенный чисто спекулятивными методами, доэкспериментальный период. В своей „Теории психотехники“ Гизе (21) пытается извлечь из исторического материала наиболее интересные, с его точки зрения, факты, свидетельствующие о давнишних устремлениях к постановке проблем практической психологии. В частности, он ссылается и на работы сравнительно недалекого прошлого: на Гетевское учение о цветах (Farbenlehre), на физиономические изыскания Лафатера, френологию Галля, характерологию Каруса, на некоторые работы Фехнера (например на малоизвестное его сочинение: „Почему колбасу нарезают косо“), как на переходный этап к научной психотехнике. Во всех этих исследованиях Гизе видит предвестников будущей практической психологии.

Нас, однако, должен интересовать не столько период донаучной психотехники, сколько та полоса в ее развитии, когда она определилась, как научная система, и стала активно завоевывать все наиболее важные участки практической жизни. Началом этого периода можно считать тот момент, когда психология вплотную подошла к проблеме человеческого труда.

Для того чтобы понять, почему настоящая история психотехники начинается именно с того момента, когда в орбиту психологии были включены проблемы труда, точнее, проблемы хозяйственной жизни, и необходимо очертить основные проблемы психотехники.

Самая общая цель психотехники заключается в рационализации человеческого труда путем использования знания законов психологии и притом с помощью психологических методов. Поэтому исторически правильно было бы рассматривать психотехнику в связи с движе-

нием в области научной организации труда. Это движение получило особенно сильное развитие в конце прошлого столетия в Америке благодаря работам Тэйлора. Вначале внимание Тэйлора и его последователей было сосредоточено на объективных факторах трудового процесса, но мало-по-малу пришлось взять в поле зрения и „человеческий фактор“ труда. Я говорю „пришлось“, потому что все усилия добиться высокой производительности труда через изменение системы заработной платы, через чисто техническую реорганизацию и т. д. — постоянно упирались в вопросы подбора работников, борьбы с их утомляемостью и т. д. Отсюда и получила свое развитие новая ветвь в научной организации труда — психо-физиология труда. Психотехника же явилась одной из существенных глав психо-физиологии труда.

С другой стороны, психотехника, как наука, с присущей ей специфической системой понятий, с своими методами, вырастает из психологии. Возможность отвечать на запросы жизни была подготовлена в психологии развитием экспериментальных методов. Таким образом, почвой, на которой выросла психотехника, являются, с одной стороны, запросы научной организации труда, продиктовавшей психотехнике основные цели, и рост методов экспериментальной психологии, снабдившей психотехнику основными средствами. Цели шли от жизни, средства и основные понятия были почерпнуты из психологической науки. Более подробно я останавливаюсь на этом вопросе в своей популярной книжке „Психотехника“ (2), куда и отсылаю читателя.

Каковы же были основные запросы научной организации труда? Прежде всего — правильный подбор рабочих, сообразно их психо-физиологическим особенностям. На ряду с профподбором перед психотехникой встал и

целый ряд других задач, вытекавших из изучения роли „человеческого фактора“ в труде.

Многие еще и сейчас склонны отождествлять психотехнику с наукой о профессиональном подборе. Это, конечно, неправильно. Такое отождествление является понятным обстоятельством. Оно отчасти находит свое объяснение также и в том, что оформление или, лучше сказать, самоопределение психотехники, которому способствовал более всех психолог Гуго Мюнстерберг, совпало с опытами последнего по исследованию профессиональной пригодности вагоновожатых. Об этом сам Мюнстерберг пишет достаточно подробно и ярко (5). Следует поэтому напомнить, что Мюнстерберг очень настойчиво и неоднократно предостерегал от слишком узкой трактовки проблем психотехники. В своих „Основах психотехники“ он делает попытку очертить все многообразные области психотехнического исследования и наметить внутри каждой из них как круг наиболее актуальных проблем, так и пути их разрешения. При этом Мюнстерберг целиком опирается на свой опыт психолога-экспериментатора и повсюду проводит самую тесную связь между психологией и психотехникой. Картина, набросанная Мюнстербергом, сделана была слишком широкими мазками, но она верна, и в ней заключалась по существу программа будущей психотехники на многие десятки лет.

В перспективном плане развития психотехники, как его мыслил Мюнстерберг, должны были содержаться следующие главы: 1. Психотехника хозяйственной жизни с подразделением на ряд специальных задач (профессиональный подбор, рационализация торговли, трудовая педагогика, борьба с промышленным утомлением и др.), 2. Психотехника и право, 3. Психотехника и медицина, 4. Психотехника и воспитание, 5. Психотехника и искусство, 6. Психотехника и наука.

Мюнстерберг стремился показать, как от лабораторных психологических экспериментов, не имеющих казалось бы отношения к реальной жизни, возможно осуществить переход к тем или иным практическим задачам.

Сейчас, когда мы в состоянии уже рассмотреть эту программу под углом зрения чуть ли не двадцатилетнего опыта психотехники, нам не трудно привести все слишком абстрактно намеченные Мюнстербергом проблемы психотехники в более стройную систему. Теперь уже совершенно ясно, что не все области психотехники развились за этот двадцатилетний период одинаковым темпом. В процессе реального осуществления ряда практических задач психотехнике пришлось в силу целого ряда объективных причин сосредоточиться больше на одних и пренебречь на-время другими. История этого периода развития психотехники далеко еще не закончена и не легко поэтому именно теперь, на ходу что ли, закрепить ее нынешний уровень и оценить его. Некоторые исследователи попытались все же это сделать. На взглядах одного из них Ф. Гизе (21, 23) следует коротко остановиться.

§ 3. „Психотехника субъекта“ и „психотехника объекта“. Гизе подразделяет всю область психотехники на две части: *Subjektpsychotechnik*, т. е. психотехнику субъекта (некоторые неправильно переводят этот термин, как субъективную психотехнику) и *Objektpsychotechnik*, или психотехнику объекта (неправильный перевод — объективная психотехника). Смысл этого разделения становится ясным, если исходить из того, что самая общая цель психотехники заключается в том, чтобы психологическими средствами добиться наилучшего приспособления организма к окружающей его среде.¹ Если эту задачу рас-

¹ Само собой понятно, что эту задачу ставит себе не одна психотехника, и не следует думать, что здесь проявляется тенденции к пере-

шифровать иначе, то она сведется к созданию наиболее целесообразной или гармонической связи между субъектом и объектом, между человеком и внешним миром. Эту задачу возможно осуществить двумя путями, если не считать третьего, когда оба пути сочетаются вместе. Один заключается в изменении объективных факторов в целях наибольшего их соответствия психике людей, иначе говоря — это изменение среды в направлении, отвечающем психо-физиологическим особенностям тех людей, которые работают в окружении данной среды.

Так, например, если конструктор создает или видоизменяет машину с таким расчетом, чтобы темп ее движений максимально соответствовал психо-физиологически обусловленному ритму трудовых движений работника, — тем самым он осуществляет непосредственное изменение одного из объективных факторов труда. Решая эту практическую задачу, психотехника пользуется при этом психологическими средствами. К этой же категории задач относится психотехника торговой рекламы, психотехническая рационализация режима труда, изменение внешних условий труда и т. д. Это и есть область Objektpsychotechnik.

Однако, существуют практические задачи, для разрешения которых нужен иной путь. Так, например, подбор наиболее подходящих людей на определенную профессию осуществляется в первую очередь путем мероприятий, направленных на изменение „субъекта“ труда. В самом деле, путем применения психологических средств психотехника стремится здесь к внесению изменений в способ комплектования человеческого материала, обеспечивая ему

оценке роли психологической науки и недооценке социологии, экономики и др. Психология — в пределах принадлежащей ей компетенции — имеет свою сферу воздействия на жизнь и, именно, психотехника должна послужить орудием этого воздействия.

наилучшее приспособление к определенным условиям жизни, в данном случае — к объективным требованиям профессий. Отбирая на ту или иную профессию наиболее подходящих людей, психотехника тем самым воздействует на „субъективный фактор“ не в смысле изменения психофизиологической структуры отдельного человека, а в смысле влияния на рабочий коллектив в целом. Это область Subjektpsychotechnik.

Таким образом, центр тяжести различия Objektpsychotechnik и Subjektpsychotechnik в том, изменяем ли мы в первую очередь среду или человека. Это ни в малой степени не исключает того, что целый ряд практических задач требует для своего осуществления одновременных изменений как по линии „субъекта труда“, так и по линии его „объекта“. Все же в методологических целях желательно сохранить предложенное Гизе разделение, не забывая при этом того, что конечную задачу всякого психотехнического исследования можно рассматривать как стремление изменить в определенную сторону, (какую именно — это диктуется конкретным заданием) самое отношение „субъект—объект“.

Чтобы понять смысл психотехнической работы необходимо поэтому разобраться в понятии „изменение“. Уже из сказанного должно быть ясно, что психотехника имеет дело с человеком и средой, т. е. с факторами вариативными, изменяющимися. Меняется человек, так как возраст, упражнение, приобщение к культуре и среда в целом постоянно воздействуют на его психо-физиологическую структуру. Меняются также ситуации, в окружении которых человеку приходится работать. Наконец, меняется структура коллектива, в который входят различные люди со всеми их индивидуальными особенностями.

Чрезвычайно важно установить те показатели струк-

туры¹ коллектива и ее изменчивости, которые для психотехнического исследования играют центральную роль. Этими показателями являются так называемые интервариативная (или междуиндивидуальная) изменчивость и интравариативная (или внутрииндивидуальная) изменчивость. Если, например, какую-нибудь деятельность выполняет определенный коллектив, то размах индивидуальных различий внутри этого коллектива по тому или иному признаку в определенный момент является показателем его интервариативности. Коллектив, как целое, мы в состоянии структурировать или конструировать так, чтобы размах индивидуальных различий становился то большим, то меньшим. Задача профессионального отбора состоит как раз в том, чтобы стихийно сконструированный рабочий коллектив, в котором переплетаются многообразные количественные и качественные вариации индивидуальных по целому ряду признаков (нас должны интересовать в первую очередь те признаки, сочетания которых определяют принадлежность к определенному уровню и типу одаренности) так переконструировать, чтобы каждый член нового коллектива явился бы в наиболее полной степени носителем качеств, соответствующих объективным требованиям, т. е. в данном случае требованиям профессии. Стремясь наилучшим образом сгруппировать людей для определенных практических целей, психотехника воздействует не на каждого данного человека путем изменения, например, его психо-физиологической структуры (такое изменение относится уже к интравариативности и его осуществляет другая ветвь психотехники —

¹ Структуру в данном случае не следует отождествлять с понятием психологической структуры, имеющим уже закрепленный смысл. Здесь понятие структура можно заменить понятием конструкция, так как в данном случае коллектив определяется ранговым соотношением входящих в него частей.

педагогическая), а влияет на интервариативную структуру всего коллектива, т. е. на соотношение индивидуальных различий внутри коллектива.

К области *Subjektspsychotechnik* относится не только отбор (профессиональный или школьный), но и психотехника педагогического процесса, поскольку процесс этот изучается и реорганизуется психологическими средствами. Например, та форма трудовой педагогики, которая практикуется в Германии инженером и психотехником Фридрихом (8), имеющим дело с подростками одного из крупных металлообрабатывающих предприятий, целиком относится к этой области психотехники. Сначала Фридрих отбирает с помощью психотехнических методов подростков — (по признаку их общей и специальной одаренности) — для будущей их работы в качестве слесарей. Здесь он как бы создает требующийся для данной работы интервариативный показатель, т. е. конструирует нужный ему коллектив, в котором нет заметных отклонений от установленной нормы по определенным признакам. Затем он стремится уточнить этот показатель путем индивидуального воздействия на каждого ученика в направлении поднятия и усовершенствования тех из его способностей, которые оказываются не на той высоте, какая требуется данной профессией, пользуясь при этом опять-таки психотехнической методикой: специальными аппаратами для упражнения глазомера, координации движений, точности движений и т. д. Эта работа направлена уже непосредственно на изменение профессиональной структуры каждого подростка в нужном для профессии направлении. Самый характер постепенных изменений, происходящих в отдельных психо-физических функциях подростка и в сочетании этих функций, по мере их упражнения данной системой трудовой педагогики, служит показателем интравариативной изменчивости. Интравариация есть, таким

образом, изменение признака или сочетания признаков во времени. Интервариация — изменение в „пространстве“, если позволено будет так выразиться. Любую задачу психотехники можно определить, охарактеризовав те признаки, которые надо изучить, и те изменения в этих признаках, которых надо достигнуть. Вот почему учение о вариативности играет такую большую роль в психотехнике и, особенно, как мы потом увидим, в дифференциальной психологии, на которую психотехника целиком опирается.

Заранее внесу два ограничения. Первое: я коснусь в этой статье только одного русла работ психотехники — именно хозяйственного или профессионального русла. Вопросы судебной психотехники, медицинской психотехники и др. будут вне поля зрения. Второе: я также в интересах экономии места не затрону проблем, относящихся к области Objektpsychotechnik. Отмечу лишь, что в системе задач промышленной психотехники к этому разделу должно быть отнесено все, что касается психотехнической рационализации условий труда или производственной среды в самом широком значении этого слова. Сюда входят, следовательно, такие вопросы, как рационализация режима труда (установление норм нагрузки, введение целесообразных перерывов и т. д.), рационализация рабочего места, оборудования, освещения, температуры и пр. Сюда же относится и выработка целесообразной системы оплаты труда, создание наиболее эффективных инструкций и плакатов по безопасности труда. Эти последние вопросы составляют часть более общего и необычайно важного вопроса о стимуляции труда вообще. Каждая из этих задач слишком широка, чтоб она могла быть поглощена одной только компетенцией психотехники; участие психотехники в разрешении этих задач определяется мерой значения пси-

хологического фактора в вопросах трудовой среды. В последнее время значение это все более и более осознается, и психотехника самым дружным образом работает в контакте с физиологией труда, биомеханикой, техникой безопасности, профессиональной гигиеной и патологией, т. е. с охраной и организацией труда — в целом.

В настоящее время центральной научной проблемой, вытекающей из перечисленных задач, является проблема изучения влияния различных внешних факторов на психофизические функции работника. Отсюда возникают уже отдельные проблемы, как изучение влияния ночного труда, температуры и освещения, монотонной работы, 7-часового рабочего дня, конвейера и т. д.

§ 4. Проблема профессионального подбора. Перейдем теперь к краткой характеристике основных задач Subjektpsychotechnik. В целях отображения действительного хода эволюции психотехники будем исходить сначала из практических задач, выдвинутых жизнью, а потом уж установим круг научных проблем, из этих задач вытекающих.

Центральными задачами психотехники (в дальнейшем я так буду называть Subjektpsychotechnik) являются, как мы уже выше упоминали, профессиональный подбор и профессиональное обучение. Эти две задачи в сущности нельзя рассматривать изолированно потому, что их объединяет общая цель — создание полноценных кадров работников. Мы в праве считать, что профессиональный подбор является начальной стадией организации профессионального обучения (как у упомянутого выше Фридриха в Германии, и как частично в ЦИТе и в системе школ ФЗУ — у нас).

Наименее разработана в психотехнике глава об обучении труду. Мы в состоянии сейчас лишь ощупью ориентироваться в том, какой психологический смысл имеет

та или иная система трудовой педагогики. Как ни важен этот вопрос, в особенности в связи с задачами политехнизма, приходится признать, что он почти с психотехнической точки зрения не разработан ни за границей, ни у нас.

Что касается профессионального подбора, то опыт, накопленный психотехникой, здесь очень велик. С того времени, как Мюнстерберг поставил первое испытание профессиональной пригодности вожатых, изменилось очень многое в смысле охвата профподбором огромного количества профессий и создания новых методов испытания профессионально-важных признаков. Но способ постановки проблемы и основные пути ее разрешения изменились незначительно. Поэтому лучше всего и остановиться на самых первых этапах психотехнического профподбора.

Уже в первых исследованиях по профессиональному подбору выделились две специфические задачи, каждая из которых строилась на особых теоретических предпосылках и требовала собственных методов. Речь идет об отрицательном и положительном подборе, или, как принято их определять, о профессиональном отборе и о профессиональной консультации. Во всех популярных работах по психотехнике эти два понятия расшифровываются с достаточной полнотой и ясностью и останавливаться на них здесь не приходится¹. Отмечу только, что различие между отбором и консультацией заключается не столько в общих целях (потому что в конечном счете цель эта одна — правильное распределение людей по профессиям), — сколько в самом способе постановки и разрешения проблемы. За двадцатилетний период развития

¹ В двух словах напомним, что профотбор это — выбор подходящих людей на какую-нибудь определенную профессию, а профконсультация это — выбор подходящих профессий для человека.

науки о профессиональном подборе оба указанных направления претерпели далеко не одинаковую эволюцию. Наука о профессиональном отборе заметно выросла и прогрессировала как с количественной, так и с качественной стороны. Она закрепила за собой к настоящему времени целый ряд завоеванных ею методологических позиций. Профессиональная консультация тем временем мало по сути дела сдвинулась с той точки, на которой она находилась во времена Мюнстерберга. Правда, сеть учреждений, осуществляющих профессиональную консультацию, сильно умножилась, но основные принципы профконсультационной работы до сих пор еще крайне шатки. Не трудно понять, почему это произошло и в чем причина этого неравномерного роста двух, казалось бы, родственных научных проблем, сливающихся в своей общей конечной цели.

Профессиональный отбор требует: 1) знания психофизиологических особенностей той профессии, в отношении которой отбор ставится; 2) умения экспериментальным путем измерять и оценивать профессионально важные качества; 3) разработанной системы количественных критериев, могущих апробировать методику психотехнических испытаний профессиональной пригодности.

Каждая из этих трех задач (третью можно рассматривать, как часть второй), в свою очередь связана с решением ряда более частных проблем, вливающих в две почти самостоятельные научные области. Одна из них — это психофизиология профессий, называемая иначе профессиографией. Другая — психодиагностика профессионально важных признаков, называемая некоторыми тестологией (по той причине, что основным методом психотехнических испытаний является тест). При решении той или иной конкретной задачи из области профес-

сионального отбора приходится в первую очередь составлять психо-физиологическую характеристику соответствующей профессии и затем уже подбирать или заново конструировать такие методы, с помощью которых можно было бы „взвешивать“ признаки, входящие в составленную характеристику (характеристика эта носит обычно название профессиограммы или психограммы). Обе эти задачи оказываются посильными для современной психотехники в пределах так называемых средних профессий.

В первых работах Мюнстерберга по испытанию водителей, телефонисток и др., мы уже находим поставленной и осуществленной и ту, и другую задачу. Те изменения, которые произошли с тех пор, касаются главным образом уточнения способов профессиографирования, с одной стороны, и усовершенствования методики испытаний различных профессионально-важных признаков с другой. Во времена Мюнстерберга профессиографические проблемы не были еще поставлены во всей их полноте. Даже позднее, когда в орбиту профессионального отбора включено было множество разнообразных профессий, психотехники считали возможным ограничиваться одним лишь опросом и наблюдением за работой профессионала, считая эти приемы достаточными для распознавания психо-физиологических особенностей профессии. В результате за весь истекший период развития науки о психологии профессий накопилось огромное множество профессиографических данных, добытых в конечном счете не полноценными методами, выраженных подчас в крайне смутных психологических терминах и в редких случаях поэтому позволяющих составить действительное представление о психологической структуре профессий. Чаще всего профессиограммы представляют собой перечень различных „способностей“, отно-

сящихся к сенсорно-моторному и интеллектуальному аппарату. На протяжении ряда лет, а в особенности в военный период психотехники, когда вообще рассуждать было некогда, а надо было действовать, установился известный шаблон в деле психологического анализа профессий. Поэтому на протяжении долгого времени мы наблюдаем крайнее обеднение этой области новыми идеями и новыми методами. Во второй главе я попытаюсь дать краткую характеристику современного состояния профессиографии, а сейчас отмечу лишь, что несмотря на весьма скромный рост профессиографии, практическая сторона проблемы профессионального отбора сильно продвинулась вперед. Накопленный к настоящему времени профессиографический материал позволяет исследователям ориентироваться в важнейших профессионально-важных функциях достаточно, чтобы быть в состоянии строить более или менее симптоматичные методы испытания этих функций.

Переходя ко второй и третьей из названных мной задач профессионального отбора — тестологии, следует подчеркнуть, что со времени Мюнстерберга психотехника оплодотворилась целым рядом новых и интересных методов распознавания различных „способностей“. Первоначально психотехника во многих случаях использовала обычные приемы экспериментальной психологии, предполагая, что различные функции (внимание, память, двигательные реакции и др.), характерные для той или другой профессии, психологически адекватны тем же функциям, изученным в психологических лабораториях. Еще и сейчас среди психотехников имеются тенденции к непосредственному перенесению лабораторного эксперимента в практику профессионального отбора без каких бы то ни было поправок. Но очень скоро пришлось убедиться в глубокой ошибочности этого пути. Между

поведением человека в обстановке трудовой, производственной и поведением его в лаборатории имеются существенные различия. Эти различия выражаются, во-первых, в том, что в трудовой деятельности человека мы обнаруживаем множество таких специфических и новых психологических черт, которые не были еще объектом лабораторного эксперимента. Во-вторых, самое сочетание отдельных психологических функций в процессе труда нисколько не походило на те формы искусственных деятельностей, которые изучались в психологических лабораториях. В-третьих, психотехнике пришлось решительно перейти от общепсихологической точки зрения на точку зрения дифференциально-психологическую. Эти три обстоятельства уже на первых порах развития психотехники способствовали тому, что применительно к отдельным видам труда психотехникам пришлось приступить к конструированию новых форм психологического эксперимента, не похожих на традиционный „классический“ эксперимент, но близких к реальным жизненным ситуациям и охватывающих не столько отдельные изолированные свойства, сколько их сочетания или комплексы.

Так возник специфический для профессионального отбора тип экспериментального испытания, носящий название комплексного теста, и в своей крайней и, надо сказать, ошибочной форме целиком ставший на путь имитации производственных реакций и ситуаций (модель-тест). Кроме того, методика психотехнических испытаний заметно отошла в сторону от обычного лабораторного эксперимента еще и в том отношении, что испытания пришлось проводить на новом объекте, значительно более широком и многообразном по своим социально-трудовым установкам, нежели обычный объект лаборатории психологического опыта. Способ постановки психотехниче-

ского эксперимента приобрел специфические черты, а обработка и интерпретация получаемых результатов характерным образом изменились благодаря тому, что психотехнический профессиональный отбор целиком требовал дифференциально-психологической постановки вопроса, в то время как психологические методы исследования вырастали из проблем общей психологии, не только никогда не изучавшей индивидуальных различий между людьми, но, наоборот, стремившейся всячески эти различия устранить там, где они проявлялись, потому что они нарушали чистоту устанавливаемых психологией общих закономерностей.

Все эти изменения, как в области психологического изучения профессий, так и в области экспериментального диагностирования различных психических функций, способствовали большому прогрессу психотехнического профессионального отбора.

Чем же объяснить то, что профессиональная консультация мало прогрессировала на протяжении долгого периода времени? Если расшифровать смысл профессиональной консультации, ответ сам по себе станет ясным. Дело в том, что по существу проблема профконсультации — это типологическая проблема. Для дачи подростку совета о наилучшей для него профессии — в смысле психо-физиологического соответствия ей — необходимо не только обладать профессиографическими сведениями и не только уметь испытывать отдельные способности. Этого всего недостаточно. Нужно знать, как группировать профессии по психо-физиологическим признакам, с одной стороны, нужно уметь устанавливать принадлежность подростка к определенному профессиональному типу — с другой. Следовательно, для осуществления задачи профконсультации должна быть разработана типология личностей и типология профессий.

Как ни много написано по этим вопросам книг, их все же трудно использовать для практических целей. Поэтому практика профконсультации, минуя самые трудные вопросы, осуществляется паллиативами. Разумеется, та эффективность, которую даже и в таком состоянии она способна дать, достаточно оправдывает затрачиваемые на нее усилия, но теоретическая сторона от этого сильнее не становится.

В свете теории задача профподбора, особенно профконсультация, рисуются как система проблем, относящихся к дифференциальной психофизиологии. Самая основная из них — это проблема предпосылок профессиональной пригодности, профессиональных склонностей и одаренности. В эту почти необъятную проблему составными частями входят: проблема одаренности — интеллектуальной и специальной, проблема конвергенции (по терминологии Штерна), т. е. взаимодействие организма и среды, проблема типов, т. е. вопрос о сочетании различных индивидуальных предрасположений или диспозиций, вопрос об их удельном весе и доминировании одних над другими, наконец, проблема структуры личности и ее изменчивости. Отсюда же вырастает и ряд методологических проблем. Из них главная — способ обнаружения и оценки индивидуальных предрасположений.

До сих пор психотехника опирается здесь на слабо еще разработанное учение о симптомах, которое изложено в „Дифференциальной психологии“ Штерна (26) и отчасти передано в моей статье в сб. „Тесты“ № 1 (17а). Но следует признать, что до сих пор в психотехнике довольно смутны еще представления о тех признаках, которые ею измеряются, и симптоматология их весьма еще условна.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПСИХОТЕХНИКИ

§ 5. *Несколько предварительных замечаний.* Охарактеризовать современное состояние психотехники лучше всего путем пристального рассмотрения тех психотехнических проблем, которые для данного момента являются наиболее актуальными и вокруг разрешения которых центрируются усилия целого ряда исследователей. Казалось бы, легче всего дать представление об уровне развития психо-технических знаний путем одного только перечисления успехов и достижений психотехники за последние годы. Однако, я не убежден в том, что этот путь наилучший. Мне думается, что обрисовать современное состояние психотехники — значит, в первую очередь вскрыть трудные проблемы, которые в ней возникают, и показать те пути, которыми идет психотехническая наука для разрешения этих проблем.

В этой второй главе статьи я лишен возможности охватить все многообразные области приложения психотехники. Мне думается, что в соответствии с содержанием первой главы целесообразно остановиться на одной из важнейших ее областей — на профессиональном подборе.

Из первой главы мы знаем, что осуществление научно-практических задач, стоящих перед профессиональным подбором, может мыслиться лишь при условии предварительной теоретической разработки целого ряда отдельных проблем. Напомню о четырех, по крайней мере, предпосылках успешной работы в этой области:¹

1. Наличие научно-полноценных биографических данных, добытых путем психофизиологического анализа профессий.
2. Наличие психофизиологической классификации профессий.

¹ См. „Руководство по психотехническому профподбору“ (15).

3. Наличие симптоматичных методов диагностики интеллектуальной и специальной одаренности и многообразных профессионально-важных признаков. Сюда же относится вопрос о статистических и психологических критериях установления симптоматичности применяемых в психотехнике методов и весь вообще круг проблем, объединяемых понятием „тестология“ (включая и принципы вариационно-статистического изучения тестов).

4. Знание законов изменчивости психо-физических функций и профессиональных структур, лежащих в основе профессиональной пригодности и одаренности. В частности, знание интравариативной изменчивости этих функций в связи с влиянием социальной среды, образования, упражнения, утомления, интереса, стимуляции и т. д.; или — что одно и то же — знание пределов константности профессионально-важных признаков.

При оценке нынешнего уровня развития психотехнической науки я воспользуюсь главным образом материалами психотехнических конференций. В частности, работа двух последних международных психотехнических конференций послужит исходным пунктом для характеристики тех проблем, которые в настоящий момент приковывают внимание большинства исследователей.

Используя в этой главе преимущественно материалы IV и V Международной психотехнической конференции в Париже (октябрь 1927 г.) и в Утрехте¹ (сентябрь 1928 г.) и строя на основе анализа этих материалов свои выводы, я не могу не отдавать себе отчета в возможной неправомочности некоторых из делаемых мной обобщений. Само собой разумеется, в представляемой здесь оценке нынешнего состояния психотехники находят свое отражение и личный мой опыт работы в данной

¹ См. тезисы докладов этой конференции (31а).

области, и относительное знакомство с литературой вопроса, и установившийся у меня угол зрения. Быть может, в свете иного опыта и иного угла зрения картина получилась бы другая. В этом смысле я готов признать даваемое мной освещение современного состояния психотехники „тенденциозным“. Я думаю, впрочем, что вряд ли вообще возможен какой-нибудь иной способ освещения того, что еще не отошло в область прошлого и участником чего сам являешься.

§ 6. Проблема психологического анализа профессий (профессиография). Сравнительно долгое время профессиография, как научная проблема, оставалась вне поля зрения психотехники, и значение ее явно недооценивалось. Только в самое последнее время становится общепризнанным взгляд на профессиографию, как на основную предпосылку профессионального подбора. Минувя все этапы, через которые прошла профессиография в процессе дифференциации и эволюции психотехнической науки, остановимся на освещении нынешнего состояния этого важнейшего участка психотехники.

Выше было отмечено, что мысль о необходимости психо-физиологического изучения тех видов труда, в отношении которых ставится работа по профессиональному подбору, является сейчас уже вполне общепризнанной. Не будет преувеличением, если мы скажем, что наиболее полно эта мысль оформилась и реализовалась у нас в психотехнических лабораториях СССР.¹

Правда, мы имеем целый ряд профессиографических исследований и за границей, но большая часть их грешит методологической неопределенностью, нечеткостью

¹ Большая заслуга принадлежит здесь И. Н. Шпильрейну, способствовавшему тому, что в его лаборатории развернулись многочисленные профессиографические исследования, были уточнены, а частью впервые введены новые методы изучения профессий (см. 15, 16).

постановки проблемы и недостаточной глубиной анализа. Было бы излишним оптимизмом думать, что у нас дело обстоит благополучно и что область психологического анализа трудовых процессов близка у нас к завершению. Приходится признать, что исследовательский темп сейчас заметно угасает в области профессиографии. Причина этого в том, что психотехника упирается здесь в целый ряд еще непреодоленных трудностей. Сколько-нибудь сложные трудовые процессы не поддаются в должной мере психологическому анализу и интерпретации. Отсутствие четких методологических путей в деле психологического изучения сложных форм трудового поведения, наряду с неформальностью самих психологических понятий, которыми обычно характеризуется это поведение, — являются весьма ощутимыми тормозами на пути развития профессиографической науки. Изучение накопленных отдельными лабораториями профессиографических данных оставляет впечатление количественной неполноты и качественного несовершенства большинства составленных до сих пор психологических характеристик отдельных профессий. В особенности бросаются в глаза недостатки профессиографии в области так называемых высших профессий. Охарактеризовать в четких психологических терминах дифференциальные особенности таких профессий, как профессии инженера, биолога, врача, журналиста, судьи, агронома, педагога и т. д. — задача, почти непосильная для современной психотехники. Такой же непосильной задачей является переход от аналитических профессиограмм к синтетическим. Мне кажется, что одной из причин такого состояния профессиографической науки является и то, что оторванность от теоретической психологии здесь больше, чем где бы то ни было в других областях психотехники. Самая проблема поставлена была впервые психотехникой тогда,

когда психология оказалась для нее совершенно не подготовленной и весь предшествующий опыт психологических лабораторий здесь мог быть использован меньше всего.

Выше я пытался подчеркнуть ту мысль, что психотехническую науку следует рассматривать, как ветвь психологии. Даже если признать специфичность множества психотехнических проблем и невозможность в ряде случаев разрешать их путем прямого использования разработанных уже в психологии методов, все же приходится совершенно категорически утверждать, что в психотехнике нет в основном иного оружия, чем то, которое ей дает или может дать психология.

С этой точки зрения далеко не все участки психотехнической работы находятся в одинаковом по отношению к психологии положении. Так, например, такая необычайно важная и за последнее время все шире и шире разрабатываемая глава *Objektpsychotechnik*, как психотехника воздействия (сюда относится психология рекламы, плаката, агитпропработы, политпросветработы и т. д.) почти целиком черпает свою методику из арсенала психологических экспериментов в их „чистой“ форме. В особенности это относится к области изучения возмоздействия плаката или рекламы. Здесь с весьма незначительными изменениями повторяются опыты с восприятием формы, цвета, с установлением объема внимания, точности запоминания и т. д. Мы в праве усматривать здесь почти полную преемственную связь психотехнических путей и психологических. Психотехника представляет собой в данном случае экспериментальную психологию, непосредственно переключенную на решение некоторых практических задач.

Очень показательно при этом, что именно эта глава психотехники (речь идет о психотехнике воздействия) разрабатывается до сих пор не в дифференциально-пси-

хологическом аспекте, а в общепсихологическом. Это обстоятельство и облегчило возможность для психотехники прямого использования психологической методики. Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что трудность переключения психологии на рельсы психотехники сильнее всего ощущается там, где психотехника заостряет дифференциально-психологическую сторону проблемы. Психология оказывается наиболее подготовленной к решению общих проблем психотехники и наиболее беспомощна она в области, которая касается изучения индивидуальных различий между людьми, т. е. проблем дифференциальных. Но уже сейчас ощущается острейшая потребность в перенесении дифференциально-психологических точек зрения и на область воздействующей психотехники, и здесь-то опять должны будут обнаруживаться слабости обще-психологической методики.

Вот почему все эти главы психотехники, в которых трактуются проблемы интервариативной изменчивости, меньше всего могут черпать материал, пути и методы из общей психологии. Проблемы одаренности, профессиональной пригодности, профессиональной утомляемости и изнашиваемости (в свете индивидуальных различий) и многие другие, — все они прорабатывались и прорабатываются в психотехнике без сколько-нибудь ощутимого влияния общей психологии¹ и без большой преемственности ее методов.

¹ Говоря об общей психологии, я имею в виду классическую экспериментальную психологию, выросшую в основном из Вундтовской школы. Новые течения в психологии еще реально слабо повлияли на пути и методы психотехники. У нас лишь сейчас начинает строиться психотехника на базе диалектического материализма. За рубежом отдельные психотехники пытаются внести в свои исследования то принципы Gestalt-Psychologie (R u p p), то принципы психоанализа (Giese), то бихевиоризма и т. д. О некоторых типичных изменениях будет сообщено несколько дальше.

Очень важно подчеркнуть, что и психология, как таковая, не могла остаться без влияния психотехники. Психотехника послужила для психологии тем толчком, который побудил ее перебраться на новый объект, заняться более пристально изучением проблемы труда и трудового поведения человека и перейти к изучению дифференциально-психологических вопросов. Это влияние надо расценивать, как очень положительное явление, так как оно заставило психологов поставить целый ряд новых интересных проблем и обогатило их новыми точками зрения на старые проблемы.

Профессиография, как сказано было, принадлежит к числу тех психотехнических проблем, разрешение которых меньше всего могло быть оплодотворено прежними достижениями общей психологии. Задача психологического изучения сложных форм трудовой деятельности оказалась для психологии очень трудной. Именно здесь психология не сдала экзамена на практическую зрелость, предъявленную ей требованиями жизни. В распоряжении психологии не оказалось ни разработанных методов анализа трудового поведения человека, ни точной системы психологических понятий, способных наилучшим образом это поведение охарактеризовать. Психотехнике пришлось, идя от метода опроса и наблюдения к методам трудовому и экспериментальному, самой проделать весь тот далеко еще не завершённый путь анализа профессий, о котором я сообщил в первой части этой статьи.

Вместе с тем область эта оказалась почти неисчерпаемой. Несмотря на то, что в настоящее время мы имеем колоссальную литературу по вопросам психологической характеристики отдельных профессий,¹ этот участок

¹ См. составленный Хмельницкой библиографический указатель, систематизированный по отдельным профессиям, в журнале „Психология труда и психотехника“, т. I, вып. 2, 3-4, 1923 г.

психотехники является и сейчас одним из наименее разработанных.

Многообразие видов человеческого труда, своеобразие психологических комплексов, которыми каждая профессия определяется, одновременно формирующее и деформирующее влияние отдельных профессий на структуру личности работника, все это обуславливает появление все новых и новых вопросов в области психологического изучения профессий. Этому в значительной степени способствует и происходящая на наших глазах техническая реконструкция многих видов производства, влекущая за собой неизбежно коренную ломку многих из установившихся профессиональных деятельностей и возникновение новых профессиональных структур.

Сейчас, например, перед психотехникой стоит весьма актуальная задача психологического изучения профессий, работа в которых протекает по принципу непрерывного потока. Заостреннее всего этот тип профессий представлен в конвейерной работе. Ряд исследований, произведенных в направлении изучения этих профессий, выявил новые психологические факторы в трудовом поведении человека и перевел внимание психотехников на такие вопросы, как роль коллективного ритма в труде, влияние принудительного темпа, влияние соседа по работе и т. д. Здесь особенно наглядно можно было наблюдать, как изменение техники работы тотчас же отражается на создаваемой работой психологической ситуации и на структуре трудового поведения работника. С другой стороны, в связи с деформирующим влиянием отдельных профессий возникает ряд психологических вопросов, удачно объединенных одним автором в название „Arbeitspathologie“ (19).

§ 6-а. Психология „травматогенных профессий“.
В области психологического изучения профессий все

большее внимание приковывается в последнее время к „опасным“ профессиям, точнее, к вопросу о психологической обусловленности несчастных случаев в различных профессиях. На Парижской конференции 1927 г. вопросу этому не было уделено должного внимания, но в резолюции конференции имеется решение сделать этот вопрос предметом специального обсуждения на следующей конференции в Утрехте в 1928 г. Марбе (Marbe), посвятивший проблеме несчастных случаев специальное исследование (25), согласился взять на себя основной доклад на эту тему.

Работы Марбе и его учеников [особенно Шорн (M. Schorn)] выдвинули ряд интересных и новых точек зрения на психологическую природу несчастных случаев.

Марбе связывает несчастные случаи с явлением переключения или переустановки (Umstellung). На основании экспериментального исследования лиц и повторными несчастными случаями Марбе выдвинул мысль о существовании особого типа людей, подверженного несчастным случаям (так называемые Unfälle). Отличительной особенностью этих людей являются, по мнению Марбе, недостаточная способность к быстрым сменам установок. Например, весьма часто неспособность быстро перейти от выжидательно-пассивной установки к моторной активности или от одного типа движений к другому служит причиной катастрофы. Подтверждение этой гипотезы специальными экспериментами над представителями тех профессий, которые сопряжены с увечьями, столкновениями и т. п., могло бы пролить свет на крайне своеобразный принцип типологии профессий и дало бы толчок в выработке особых диагностических методов для распознавания лиц, предрасположенных к травматизму.

Такие методы уже и сейчас применяются в некоторых психотехнических лабораториях за границей и у нас, но они недостаточно еще дифференцированы. Применительно к „движенцам“ (шоферам, вагоновожатым, машинистам и др.) эти методы носят чаще всего комплексный характер и составляют одну из вариаций исследования двигательных реакций в связи со сложными ситуациями, насыщенными преимущественно зрительными и слуховыми раздражителями. Так, в психотехнической лаборатории Института охраны труда в Москве специально устроенный для исследования шоферов аппарат, исследующий двигательные реакции, предусматривает в самой системе подачи раздражителей возможность возникновения таких ситуаций, которые вызывают необходимость в реакциях типа переключения. Можно сказать, что всякое сколько-нибудь сложное испытание реакции с выбором может при известной инструкции включать в себя элементы переключения.

Идя по этому пути, одновременно пополняя статистический материал о повторных несчастных случаях, а также анализируя отдельные случаи промышленного травматизма, ряд психотехников имел возможность частично проверить теорию Марбе и в основном ее подтвердить.

Из числа наиболее интересных исследований, посвященных вопросам психологии промышленного травматизма, отметим, кроме упомянутой книги Марбе, серию работ, выпущенных английской комиссией по изучению промышленного утомления (32, 33)¹ и работу Липмана.

В выпуске четвертом упомянутой английской комиссии (32) авторы излагают свою попытку наметить несколько возможных гипотез о психологической обусловленности

¹ Из четырех работ этой комиссии привожу две основных.

несчастных случаев (вернее, о связи несчастных случаев „личным фактором“) и сообщают результаты проверки этих гипотез путем статистического анализа конкретного материала распределения несчастных случаев на десяти промышленных предприятиях. Гипотезы были следующие: 1) либо несчастные случаи распределяются между различными работниками по законам чистой случайности; 2) либо степень подверженности травматизму зависит от имевших место в прошлом несчастных случаев; 3) либо подверженность несчастным случаям у разных людей неодинакова и в основном обуславливается индивидуальной предрасположенностью к травматизму, в свою очередь зависящей от психо-физической структуры личности.

Автор данной работы приходит к выводу о наибольшей вероятности последней гипотезы, причем вывод этот строится в основном на вычислении коэффициента корреляции между количеством несчастных случаев у одних и тех же лиц за несколько промежутков времени. Этим коэффициентом устанавливается в данном случае факт закономерной повторяемости несчастных случаев и наличие стойких индивидуальных различий по отношению к травматизму.

В одной из дальнейших работ той же комиссии (33) вопрос о психологической обусловленности несчастных случаев поставлен на экспериментальную почву. Авторы поставили своей задачей провести психотехнические испытания над травматиками и нетравматиками с целью сравнения степени совершенства у тех и других различных психо-физических функций. Они применили восемь тестов на материале, превышающем 600 испытуемых, и обнаружили по целому ряду признаков заметные различия между травматиками и нетравматиками. Различия эти особенно сказались на скорости простой двигательной

реакции, на динамическом косоглазии, отчасти на феномене психо-гальванического рефлекса¹ и на некоторых двигательных функциях.

В упомянутой работе Липмана дан обстоятельный критический обзор накопленного другими исследователями материала и сделана попытка построить психологическую классификацию признаков, могущих обусловить возникновение травматизма.

Если не считать ряда специальных работ, трактующих проблему травматизма у „движенцев“ (летчиков, вагоновожатых, шоферов, ж.-д. машинистов), а также работ, посвященных не столько психологическому анализу „травматических“ профессий, сколько отысканию психологических мер предупреждения несчастных случаев, то этим почти исчерпывается тот материал, который был в распоряжении психотехники к моменту созыва Утрехтской психотехнической конференции.

На Утрехтской конференции, поставившей этот вопрос одним из стержневых в повестке своей работы, было заслушано четыре специальных доклада о психологии несчастных случаев.

Основным докладчиком был Марбе. Его доклад (Bericht zur Einleitung der Diskussion über die Psychologie der Unfälle), послужил, как это видно из названия, введением в дискуссию, и содержание его сводилось в основ-

¹ Феномен психо-гальванического рефлекса, уже давно являющийся предметом изучения целого ряда исследователей (еще в прошлом столетии — Дюбуа-Раймон, Ферэ (Fèrè) и др., у нас Тарханов; в последнее время Денниг (Dennig), Гильдемейстер (Gildemeister) и др., у нас — З. И. Чучмарев), заключается в том, что электрические токи, вызываемые в организме физико-химическими и психо-физиологическими процессами, или пропускаемые через организм извне, дают отклонение стрелки гальванометра при присоединении электродов его к разным участкам тела (чаще всего присоединяют их к рукам).

ном к повторению уже знакомой нам теории о связи несчастных случаев с некоторыми психологическими свойствами, присущими людям определенной структуры. Не умаляя значения экзогенных факторов в возникновении и росте травматизма, Марбе все же утверждает, что „большая или меньшая склонность человека к несчастным случаям (Unfallneigung) составляет без сомнения важную часть его личности в целом“ (seiner gesamten Persönlichkeit). „Как существуют врожденные музыканты, так существуют бесспорно и врожденные „несчастники“ (Unfälle).¹

Большое значение Марбе придает изучению факторов, определяющих структуру личности в каждый данный момент (momentane Persönlichkeit). К числу этих факторов он относит утомление, возбуждение или депрессию, голод и др. Особенно большое значение он придает здесь возрасту.

Содоклад к докладу Марбе сделала его сотрудница М. Шорн (Maria Schorn), представившая психологический анализ материалов ста железнодорожных происшествий. Она различает общие и специальные психологические свойства, создающие предрасположение к несчастным случаям. К числу общих свойств относятся в первую очередь те, которые связаны с установкой и переустановкой работника (Einstellung und Umstellung). Шорн насчитывает 28 психологических признаков², имеющих

¹ См. материалы Утрехтской конференции Symposia - Accidents, стр. 2 и дальше, а также данные по этому вопросу, опубликовываемые в данный момент психотехнической лабораторией Московского ин-та охраны труда в сборнике трудов этого ин-та под названием „Техника безопасности“, издат. „Вопросы труда“. 1929 г. Более подробный отчет об этой конференции дан мною в журнале „Психофизиология труда и психотехника“, т. I, вып. 3-4, стр. 194—205.

² Вот важнейшие из них в порядке убывающей значимости: 1) распределительное внимание, 2) осмотрительность, 3) концентрированное

отношение к несчастным случаям на железных дорогах. Она их пытается прорангировать по их соотносительной „травматогенной“ роли и в числе первых перечисляет различные формы функции внимания (на самом первом месте умение распределять внимание, очевидно, тесно связанное с способностью к переключению).

Этому же вопросу посвящены были на Утрехтской конференции доклады Лаи (Lahy) („Le facteur humain dans les accidents du travail“) и Вителес (Viteles) „The clinical viewpoint in accident prevention“. Лай привел целый ряд статистических данных о повторяемости несчастных случаев у одних и тех же лиц. Ряд продемонстрированных им диаграмм иллюстрировал связь травматизма с стажем и квалификацией работника, с часом дня, днем недели и др., Лай призывал психотехников к более интенсивному изучению этих вопросов, говоря, что „несчастные случаи в промышленности являются таким же бедствием, как туберкулез, сифилис и рак“, и что бороться с ними надо в первую очередь мерами профилактики. В системе этих профилактических мероприятий психотехнике суждено, по его мнению, сыграть самую крупную роль.

Вителес (Филадельфия) рассказал в своем докладе о месте психотехники в борьбе с промышленным травматизмом в Америке и указывал на особенную ценность клинического метода в деле изучения психологических причин несчастных случаев. Кроме того, он отметил, что в Америке необычайно широко поставлена работа по психотехнике воздействия (создание специальных плакатов по безопасности), оказавшаяся чрезвы-

чрезвычайно, 4) установка в отношении служебных обязанностей, 5) рассудительность, 6) наблюдательность, 7) соображение, 8) организационные способности, 9) память, 10) присутствие духа, 11) предусмотрительность и т. д.

чайно эффективной в борьбе с несчастными случаями.¹

В развернувшихся по всем этим докладам прениях некоторыми (напр., Липманом) оспаривалось основное утверждение Марбе о существовании единого „травматогенного“ психологического фактора. Однако самый факт частой повторяемости несчастных случаев у одних и тех же лиц и наличие связи несчастных случаев с некоторыми еще не изученными свойствами структуры личности (не обязательно Umstellung) были подтверждены всеми выступавшими.

Весьма показательно, что на примере „травматогенных“ профессий психотехнике пришлось вплотную столкнуться с вопросом о типологических различиях между людьми и об их роли в профессиональном подборе. Этот вопрос приобретает исключительное значение для работы в области профконсультации. Он целиком упирается в проблему психологической классификации профессий.

§ 7. Проблема психологической классификации профессий. Вопрос о психологической классификации профессий уже в течение ряда лет застыл на одном уровне. На Миланской международной психотехнической конференции (1922 г.) этому вопросу было уделено много внимания, был выдвинут целый ряд гипотез о возможных принципах и критериях этой классификации,² но с тех пор литература не отразила сколько-нибудь существенных изменений в этом вопросе. На международном психотехническом съезде в Париже, точно так же, как и на съезде в Утрехте эта проблема вовсе и не ставится.

¹ Отмечу кстати, что работа в этом последнем направлении проводится и у нас в психотехнической лаборатории Московского ин-та охраны труда и в психотехнической лаборатории М. К. Х.

² См. изложение этих принципов в „Руководстве по психотехническому подбору“ (15) и в моей книжке „Психотехника“ (2).

А между тем вся работа в области профессиональной консультации должна базироваться на знании дифференциально-психологических и типологических различий между отдельными профессиями. В настоящее время мы видим некоторое затишье в области систематизации уже накопленного профессиографического материала.¹ Большая часть профессионально-консультационных бюро руководствуется в своей практической работе грубо эмпирическими критериями о большей или меньшей сложности той или другой профессии, ориентируясь преимущественно на минимум требований, предъявляемых каждой профессией к обще-интеллектуальным функциям подростка.

Наиболее распространенным принципом классификации профессий и поныне остается принцип интеллекта. Разделение профессий по предъявляемым ими требованиям к сенсорным или моторным функциям возможно осуществить только в отношении средних индустриальных профессий, да и то не всех. Данные о психологической классификации профессий используются при практической профконсультации крайне мало. Дело обычно сводится к проверке того, в какой мере тот или иной подросток соответствует по так называемой „общей одаренности“ и по некоторым специальным функциям той профессии, которую он сам себе намечает. Так же мало еще изучен вопрос о генезисе профессиональных интересов и о роли отдельных мотивов выбора профессий.

§ 8. *Методология психотехнических испытаний (методология)*. Вопрос этот — один из самых актуальных. Уже давно у ряда исследователей назрела неудовлетворенность существующими методами психотехнической диагностики.

¹ Одно время большую работу в этом направлении проводили Берлинский ин-т прикладной психологии, руководимый Аппаном, и психотехническая лаборатория ин-та охраны труда в Москве, руководимая И. Н. Шпильрейном.

В поисках более полноценных методов определения индивидуальных особенностей человека психотехника уже успела проделать некоторую эволюцию. Весь послевоенный период развития психотехники знаменуется стремлением критически пересмотреть и переоценить накопленный за военные годы материал. Это стремление нашло свое отражение в целом ряде отдельных работ, направленных к разрешению чисто теоретических вопросов, бывших в пренебрежении в период увлечения практикой. Как выразился Гизе (21), говоря о состоянии психотехнической науки, „психо-техника вошла сейчас в ту стадию, когда ей нужно создать теорию практики“.

Общая тенденция, сквозившая во всех теоретических исканиях психотехников, вытекала, как я уже сказал, из неудовлетворенности методикой психотехнических испытаний. Вернее, методика эта признана совершенно недостаточной, не дающей возможности сколько-нибудь глубоко понять структуру человеческой личности. Практическим следствием несовершенства применяющихся в психотехнике методов испытаний является снижение достоверности даваемых психотехниками диагнозов и особенно прогнозов (чаще всего в отношении одаренности и профпригодности). У многих психотехников эта неудовлетворенность породила стремление к переходу от экспериментов аналитического типа к построению таких испытаний, которые приблизили бы исследователя к пониманию структуры личности в целом. С этой стороны последние пути психотехнической науки весьма близко напоминают по своим тенденциям пути исканий всей современной психологии в целом.

В тот момент, когда с особенной отчетливостью психотехники начали сознавать неполноценность применяемых ими методов и когда они пришли к необходимости глубже подойти к анализу индивидуальных различий

между людьми, некоторые из них пытались найти выход из кризиса в обращении к так называемой „Tiefenpsychologie“ (психология „глубинная“). Наиболее отчетливо мысль о необходимости строить здание психотехнической науки на базе „Tiefenpsychologie“ выражена в работе Гильдегард Грюнбаум-Закс (Hildegard Grünbaum-Sachs, 27a).

В этой работе автор весьма настойчиво подчеркивает важность глубоко-психологического подхода к разрешению основных психотехнических проблем, в особенности проблемы профконсультации. По мнению автора, именно в этой области больше, чем в какой бы то ни было другой, сказалась крайняя беспомощность формально, психологической диагностики, сводящейся в лучшем случае к испытанию функций одаренности в разнообразных ее формах. Грюнбаум-Закс решительно рекомендует перейти в работе по профконсультации на новые пути. Автор полагает, что эти пути уже подсказаны достижениями хотя бы психоанализа.

Последнее обстоятельство далеко не случайно. Любопытно, что и другие исследователи, пытавшиеся перевести психотехнику на рельсы глубоко-психологического анализа, не избежали увлечения психоанализом. К числу психотехников, возлагавших и продолжающих и ныне возлагать большие надежды на психоанализ, принадлежит упомянутый Гизе, выпустивший специальную работу по вопросу о взаимоотношении психотехники и психоанализа (3). Необходимо отметить, что как Гизе, так и Грюнбаум-Закс говорят о психоанализе вообще: они не склонны симпатизировать только одной какой-нибудь определенной психо-аналитической школе. Они толкуют психоанализ настолько широко и обще, что в их понимании психоанализ целиком растворяются принципиальные противоречия отдельных психо-аналитических течений.

Закс в упомянутой выше работе пишет, что психоанализ следует понимать не как „способ излечения невротически больных, а как метод, позволяющий осветить глубинные слои психики и процессы подсознательного“. Таким образом, психоанализ не должно, по ее мнению, рассматривать, как новый прием исследования, механически дополняющий все другие приемы. Смысл ориентации психотехники на психоанализ и использования его достижений (безразлично Фрейда, Адлера или Юнга) Закс усматривает в том, что „всякое приобщение к Tiefenpsychologie создает у исследователя особую психологическую установку, способную оплодотворить все методические попытки познать индивидуальное своеобразие личности“.

Закс, как и Гизе, полагает, что именно профессиональная консультация особенно сильно нуждается в подобной исследовательской установке, ибо объектом профессиональной консультации является подросток, изучение которого обычными формально-психологическими приемами наталкивается на целый ряд трудностей. Трудности эти усугубляются еще и тем, что личность подростка претерпевает весьма сложные изменения под влиянием периода полового созревания. Как отмечает Закс, даже такой принципиальный противник психоанализа, как Штерн, не отрицает больших познавательных возможностей, скрывающихся в психоаналитическом методе, направленном на изучение пубертатного периода.

Гизе, рассматривая этот же вопрос с несколько иной стороны, приходит к аналогичному выводу. Он полагает, что не только большая часть требуемых в промышленности способностей может получить теоретическое освещение с помощью психоаналитической точки зрения, (речь идет о генезе способностей и об изменении в их развитии в связи с законом компенсации), но помимо этого

„психоанализ дает возможность освещать необыкновенно важные области и давать решающие ответы на многие темные вопросы“. Гизе имеет здесь в виду возможность восполнить с помощью психоанализа один действительно крупный пробел психотехнических испытаний, заключающийся в почти полном игнорировании факторов эмоциональной жизни.

Таким образом, вся концепция Гизе представляет собой крайнее увлечение психоанализом, из которого психотехника и должна будто бы черпать пути и методы глубокого познания личности. Мы намеренно остановились несколько дольше на точке зрения Гизе, чтобы показать, что в среде психотехников возникали и возникают весьма отчетливые тенденции к исканию выхода из создавшегося кризиса. Выход этот и пытаются найти в использовании достижений иной смежной области психологии. В целом же эти тенденции глубоко симптоматичны, ибо в них отражается неудовлетворенность существующей психотехнической теорией и методикой и сознание необходимости укрепить теоретически шаткое здание психотехники.

Как показал последующий опыт, перенесение в область психотехники достижений из других областей оказывается лишь тогда плодотворным, когда новые точки зрения, новые установки непосредственно вырастают из собственного исследовательского материала психотехники и когда приложение новых методов реализуется непосредственно на объекте психотехнического исследования. Вот чем объясняется, повидимому, то, что множество различных попыток отыскать пути к познанию структуры личности долгое время для психотехники оставались в плане литературных дискуссий и теоретических споров.

Лишь в самое последнее время теоретические искания начинают оказывать некоторое влияние на психотех-

нические методы. Влияние это нетрудно обнаружить по целому ряду симптомов. Во первых, круг диагностических средств психотехники заметно расширяется. Ряд психотехников вводят в систему испытаний новые методы, позволяющие осуществить переход от количественных показателей одаренности к качественным, от реактивных форм поведения к спонтанным, от аналитических процессов к комплексным. Так, например, Гизе пытается заменить обычные испытания новой формой теста, определяемого им как *Arbeitsprobe*, (22) Геннинг (Henning) и другие углубляются в область исследования эмотивных и характерологических свойств личности; возрождается интерес к методу наблюдения, на который возлагают большие надежды сторонники испытания спонтанных видов деятельности. Все это послужило предметом горячих прений на IV Международной конференции в Париже.

На Парижской конференции проблема теста, как основного диагностического метода в психотехнике, была поставлена в двух разрезах: статистическом и психологическом. Это — далеко не случайное обстоятельство. Если еще рано говорить об окончательно сформировавшихся течениях в этом вопросе, то во всяком случае вполне своевременно выделить по крайней мере две основные тенденции, под знаком которых протекает сей-час тестологическая работа. Эти две тенденции выявились достаточно отчетливо еще на состоявшейся в Москве Всесоюзной психотехнической конференции. Одна тенденция выражается в стремлении проникнуть путем психологического анализа в природу тех процессов, которые активируются тестами. Пути для подобного анализа еще не разработаны, но в литературе имеются уже попытки дать психологически проанализировать и характеризовать отдельные тесты (напр., тест Эббингауса, тест числовых рядов).

Другая тенденция находит свое отражение преимущественно в работах американских исследователей, по пути которых склонны идти и некоторые психотехники у нас. Мы видим здесь попытку уточнения статистических критериев показательности отдельных тестов и соответственно этому стремление охватить тестами количественно больший человеческий материал, поменьше вдаваясь в чисто психологическую сторону вопроса о природе измеряемых тестом признаков, о его многообразных формах. В процессе массовых испытаний с применением целого ряда тестов, в процессе модификации этих тестов и использования точных статистических критериев для оценки их достоверности исследователи этого направления надеются уточнить тест, как средство измерения, создать градацию тестов по трудности их решения, проскалировать отдельные задачи внутри каждого теста, одним словом, построить строго рассчитанную систему измерителей интеллекта. В тесной связи с этой тенденцией находится работа в области тестового учета школьных знаний и навыков. Не случайно эта последняя область приобрела наиболее широкий масштаб в Америке.

Чтоб не вдаваться в теоретическое рассмотрение проблемы тестовых испытаний,¹ я перейду непосредственно к изложению дебатов, имевших место по вопросу о тестах на Парижской конференции. Отмечу предварительно, что понять происшедшее на этой конференции столкновение представителей двух точек зрения (если не говорить о промежуточных течениях) можно лишь при условии, если это столкновение рассматривать не как эпизод, случайно разыгравшийся между отдельными исследователями, а как глубокое явление, корнями своими уходящее в различия между отдельными психологическими

¹ См. об этом мою статью в сборнике „Тесты“ (17а).

концепциями, между разными принципами подхода к изучению человеческой личности и понимания ее структуры.

В своем докладе (*Testmethode und Persönlichkeitsforschung*) Штерн указал на целый ряд недостатков метода тестов. В свете истинных задач психологической диагностики тест является методом, способным вскрыть лишь поверхностные слои личности. По мнению Штерна, мы остаемся и по сию пору почти в полном неведении относительно того, какая функция испытывается тем или иным тестом. Весьма нередки случаи, когда тесты, испытывающие, казалось бы, одну и ту же функцию (например, различные вариации тестов, испытывающих глазомер), дают между собой крайне ничтожный коэффициент корреляции. Происходит это потому, что тест испытывает в действительности не изолированную, элементарную функцию. Всякий текст затрагивает комплекс функций, т. е. сочетание из далеко не всегда нам известных элементов. У каждого испытуемого эти сочетания, образуемые из отдельных компонентов сложного процесса, разыгрывающегося во время решения теста, носят нередко особый индивидуальный характер. Штерн находит, что мы еще очень далеки от того, чтобы быть в состоянии с помощью тестов понять человека во всем его структурном своеобразии. А между тем правильно поставленная задача профессионального подбора и заключается в том, чтобы уметь ответить на вопрос: какие профессии более всего соответствуют лицам с определенной психической структурой? Практически некоторое приближение к пониманию структурных основ трудового поведения дает, по мнению Штерна, метод „*Arbeitsprobe*“, (предложенный Гизе), который сам по себе тоже недостаточен и должен быть дополнен изучением поведения в целом.

Подобное изучение осуществляется по мысли Гизе

(прочитавшего на Парижской конференции доклад „Behaviorismus und Psychodiagnostik“) систематическим наблюдением за испытуемым, поставленным экспериментатором в условия воздействия на него определенных ситуаций: задача последних в том, чтобы провоцировать испытуемого на выполнение симптоматических, т. е. могущих характеризовать поведение действий. Таким путем Гизе находит возможным изучать не только реактивное, но и спонтанное поведение человека.

Мы видим, таким образом, что поиски „целостной личности“, столь характерные для всей современной психологии, нашли свое отражение и в психотехнике. Как и в теоретической психологии, мы находим здесь отчетливо выраженное стремление перейти от элементарного к сложному, от поверхностного к глубинному, от реактивного к спонтанному, от разрозненного к структурному. Есть все основания предполагать, что общность тенденций современной теоретической и прикладной психологии и погоня за „структурами“, обусловлены не одним только отражением в психотехнике исканий современной психологии, не одной только механической преемственностью. Структуризм — это скорее господствующая струя во всем современном естествознании. Под влиянием этой присущей сейчас биологическим наукам тенденции к охвату явлений в их целостности и развиваются все области современной психологии — сравнительной, детской, прикладной и др. Отпечаток этой тенденции лежит и на всех ее специальных проблемах, в частности, на проблеме психологической диагностики.

Надо сказать, что точка зрения Штерна встретила со стороны многих делегатов Парижской конференции не мало возражений. Многие усмотрели в докладе Штерна попытку отрицать за тестами какое-бы то ни было научное значение. Для многих доклад Штерна по-

служил толчком для целого ряда высказываний, бывших подчас довольно резкими. Так, делегат из Будапешта Вешели (Weszely) назвал теорию Штерна метафизической. Он заявил, что человеческая личность в понимании В. Штерна — это недостижимый идеал, а не предпосылка психотехнической работы: это, как он выразился, „не альфа, а омега психологического исследования“. По его мнению, мысль Штерна о поверхностных и глубинных слоях (Schichten) личности — ничего, кроме пространственных ассоциаций, не порождает. Психологически — это полная неопределенность.

Геннинг из Данцига, Маерльс (Myerls) из Лондона, Бигелейзен (Biegeleisen) из Кракова, наконец целый ряд германских делегатов — Мёде, Марбе и др., — все они в своих выступлениях указывали на практическую полезность метода тестов, приводили из собственной практики целый ряд примеров, свидетельствующих об удовлетворительном разрешении ими с помощью тестов многих практических задач.

Шпильрейн (из Москвы) оспаривал ряд теоретических взглядов Штерна, в частности — его теорию психического нейтрализма.

Обо всем этом целесообразно здесь упомянуть, потому что именно в этих прениях наиболее полно отразились основные точки зрения психотехников на тестовую методику. К сожалению, американских исследователей почти не было на конференции, и крайне своеобразное и хорошо нам известное по американской литературе течение в области тестологии представлено не было. Лишь косвенно и в известном преломлении это течение нашло свое отражение в докладах двух делегатов Украины — А. М. Мандрыки и М. Ю. Сыркина [работы Сыркина на эту тему опубликованы в сборнике „Измерения интеллекта“ (17)].

Оба эти доклада ставят себе в сущности одну цель: указать на условия, соблюдение которых может придать тестовому методу измерительную силу и обеспечить возможность создания действительно измерительных скал. Опираясь на статистические критерии достоверности и надежности тестовых испытаний, оба докладчика — каждый по своему — пытались осветить перед конференцией целый ряд статистически-тестологических проблем. А. М. Мандрюка поставил проблему абсолютного нуля в тестовых измерениях, связанную с другой проблемой — эквивалентностью единиц измерения. М. Ю. Сыркин дал четкую характеристику основных статистических показателей тестовых испытаний и критериев их точности.

Характерно, что никто из психотехников не отрицает практического значения теста, как метода испытания, все лишь указывают на необходимость его уточнения. Весь вопрос в путях этого уточнения. Эту мысль и ответил В. Штерна.

В своем заключительном слове он весьма решительно заявил, что приписываемое ему отрицание научного и практического значения метода тестов — не более, как плод недоразумения и непонимания его позиции в этом вопросе. Он сам много лет уже работает в области тестологии, применяя и применяет в своей лаборатории в Гамбурге не мало тестов, и этот факт уж сам по себе служит показателем его отношения к этому методу. Его задачей было лишь показать, что тесты надо углублять, что нельзя ограничиться слепым применением их на практике. Необходимо психологически анализировать каждый тест для того, чтобы можно было ими правильно пользоваться и их совершенствовать.

§ 9. Проблема характерологии и психотехника. Я уже указал на то, что неудовлетворенность нынешней методикой психотехнических испытаний и в частности недо-

статочность применения одних только тестов на интеллект и специальную одаренность послужили толчком к исканию новых форм тестов, способных исследовать эмоциональную сферу, черты характера и темперамента, социально-моральную установку личности и вообще все, что относится уже, по терминологии В. Штерна (1226), к диспозициям направленности (*Richtungsdispositionen*), а не к диспозициям снабженности (*Rüstungsdispositionen*).¹

Чрезвычайно показательным моментом во всех устремлениях психотехников в эту именно область является представление об огромной роли эмоций в жизни человека.

В сущности необходимость учета эмоционального фактора в трудовой деятельности человека ясно осознана была еще в период постановки самых первых психотехнических испытаний. Для этой стадии характерно то, что эмоциональные реакции испытуемых испытывались совершенно так же, как и другие его проявления. Так, например, в опытах Трамма по испытанию вагонножатых Берлинского трамвая мы имеем попытку искусственно вызвать эмоциональное состояние (испуг) добавочным внешним раздражителем, совершенно подобно тому как интеллектуальная реакция вызывается специальным тестом. Звук выстрела, неожиданно раздающийся позади испытуемого, или внезапно проваливающийся под ногами пол, — вот первые и самые грубые формы исследования эмоций в психотехнической практике. Впоследствии эмоциональные реакции испытуемого возбуждались иными методами. Психотехники стремились насытить создаваемую вокруг испытуемого ситуацию эмоциональными раздражителями, ставя опыты в форме естественного экспе-

¹ См. об этом в моей статье о теории тестов в сборнике „Тесты“, № 1, стр. 10.

римента, вводя помехи в работу испытуемого, отвлекая его каким-нибудь замечанием,¹ ведя шумный разговор в его присутствии или внося в самую обстановку помещения, где ставился опыт, предметы, способные спровоцировать испытуемого на эмоционально-окрашенное поведение. В самое последнее время пытаются создавать опыты, содержащие противоречивые задания или искусственные трудности с целью вызвать конфликт в поведении испытуемых и заострить эмоциональную сторону реакций.

Именно от всех этих попыток ведет свое начало тенденция современной психотехники к охвату так называемых характерологических особенностей личности. Наиболее мощное движение в этом направлении мы видим в Америке, где создано уже не мало тестовых скал для испытания характера, темперамента, моральных качеств и т. д. Литература этого вопроса уже насчитывает более тысячи названий отдельных статей и книг (28). Нет поэтому ничего удивительного в том, что проблема характера и темперамента была поставлена на Утрехтской конференции, как одна из стержневых. Впрочем, еще в 1922 г. на Миланской психотехнической конференции эта проблема уже нашла свое частичное отражение в докладе Баумгартена² по вопросу о роли эмоциональной структуры личности в возникновении и

¹ Так, например, при испытании реакции вагоновожатых в психотехнической лаборатории Ин-та охраны труда экспериментатор в процессе опыта резко останавливал испытуемого и делал ему строгое замечание о необходимости более точно работать, с специальной целью проследить, как это отразится на последующих реакциях испытуемого (подробно об этом см. в № 14 нашего библиографического списка).

² Впоследствии Баумгартен затрагивает этот же вопрос в ином лишь аспекте в своей книжке о психологии профессии страхового агента (18-а).

изменении профессиональных склонностей и интересов. Особенно большое значение, по мнению Баумгартена, эта проблема приобретает для профконсультации; на это неоднократно указывалось и целым рядом других работников в этой области. Показательно, что характерологические принципы (в крайне несовершенной, правда, форме) положены Барселонским институтом профессиональной ориентации в качестве одного из оснований всей системы испытаний, служащих для распознавания профессиональной одаренности. Связь между характером и профессией также отмечалась многими исследователями (Лазурский, Баумгартен, Адлер и др.). Попытку указать на новые экспериментальные возможности включения испытания характера в методику определения профпригодности сделал Геннинг, прочитавший еще в Париже доклад на тему:¹ „Tests de caractère, nouveaux appareils et méthodes à deux personnes“.

Основная идея производимого Геннингом исследования характера заключается в таком экспериментальном усложнении ситуации, при котором поведение одного испытуемого, поставленного в эту ситуацию, зависело бы от поведения другого испытуемого. Наблюдение за испытуемым в подобной ситуации раскрывает, как думает Геннинг, целый ряд интересных характерологических особенностей. Это и есть то, что Геннинг называет „Méthode à deux personnes“. Декроли (Бельгия) также попытался в своем докладе обосновать значение характерологии для профессиональной консультации („Les éléments fondamentaux du caractère et l'orientation professionnelle“). Проблема характера и темперамента была освещена на конференции в Утрехте в трех основных

¹ Доклад на эту же тему Геннинг сделал на VI конференции германских работников по прикладной психологии в Ганновере в марте 1928 г.

пленарных докладах и целом ряде — около 10-и — секционных. Основными докладчиками были: Боген (H. Bogen, Берлин) „Temperament und Charakter“, Гизе (Stuttgart) „Temperament und Charakter“, Мира (E. Mira, Barcelona) „Temperament et caractère“. Содержание докладов и прений по ним сообщено мной более подробно в отчете об Утрехтской конференции в 3-4 выпуске журнала „Психо-физиология труда и психотехника“ (13), и подробно я на этом останавливаться не буду. Укажу лишь на узловую проблему, вокруг которой разгорелись наиболее оживленные споры. Этой проблемой была „константность или изменчивость характера и темперамента“. По мнению Богена, являющегося, кстати сказать, руководителем профконсультационной работы в Берлине, темперамент — это „индивидуальная константа“, иначе говоря, „господствующая генетическая форма реакции“. Темперамент и профессии находятся в очень большой связи, но рабочий темперамент (Arbeitstemperament) и жизненный темперамент (Lebenstemperament) — далеко не одно и то же. Различные профессии в процессе естественного отбора впитывают людей различных темпераментов. Темперамент, как и все „индивидуальные константы“, поддается незначительной изменчивости.

Гизе, определяя темперамент, как „корректуру потенциальных задатков личности через эмоциональность“, считает, что единого темперамента у человека нет, что проявление темперамента зависит от ситуации, от социальных явлений. (Характер вырастает, как динамический отпечаток проявлений темперамента.)

Мира защищал позицию неизменяемости темперамента, который трактуется им, как „функциональная результатанта конституции, определяющая способ (façon) реагирования личности на различные стимулы“.

Что касается проблемы характера, то почти все вы-

ступавшие склонны были признавать большую зависимость характера от экзогенных факторов.

Нельзя сказать, что вопрос о темпераменте и характере был сколько-нибудь удовлетворительно разрешен на Утрехтской конференции. Это была первая попытка поставить этот большой вопрос, и значение этой попытки в том, что в атмосферу психотехнической работы внесена новая струя, одновременно критическая, одновременно стимулирующая исследовательские искания в мало разработанной области.

Характерно, что все большие вопросы современной психологии скрестились именно здесь, при рассмотрении проблемы основных элементов структуры личности. Проблема экзо- и эндогении встала перед психотехникой во всем объеме.

Крайне симптоматично и то обстоятельство, что эта именно проблема — экзо- и эндогении — всплыла, как очевидная основная проблема психотехнической теории и практики другого конца. Я имею в виду вопрос, уже давно занимающий умы психотехников — об изменчивости психофизических функций в связи с фактором упражнения. На кратком изложении сути этой проблемы я и закончу статью.

§ 10. Проблема упражнения в психотехнике. Я уже отмечал, что неоднократно со стороны представителей психотехнической науки раздавались голоса, предостерегавшие от чрезмерного увлечения тестами и указывавшее на опасности преувеличения тех возможностей, которые в них заключены. В частности, узловым пунктом, где наиболее остро скрещивались противоречия в среде психотехников, являлась проблема константности испытываемых тестами признаков. Причиной скептического отношения многих психотехников к результатам психотехнических испытаний обычно служило представление о

мощной роли факторов воспитания, упражнения и социальной среды в деле усовершенствования человеческих способностей. Долгое время споры по вопросам константности и изменчивости психо-физических свойств человека не выходили за пределы рассуждений и гипотез. Последние работы в этой области выходят уже на путь эксперимента. Многие из этих работ наметили и отчасти разрешили целый ряд крайне важных вопросов, касающихся изменчивости отдельных функций, — вопросов как общепсихологического, так и дифференциально-психологического значения. Работы в области исследования процессов упражнения таких авторов, как Аргеландер (Argelander), Гельгорн (Hellhorn), Клапарэд (Claparède), Гильдебрандт (Hildebrandt), Гамбургер (Hamburger), Кобис (Kobis), Шривер (Schriver), Боген (Bogen), Паули (Pauli), Липман (Lipmann) — в Европе, Торндайк (Thorndike), Пайль (Pyle), Кинкэд Холлингворс (Cincaid Hollingworth) — в Америке, а также исследования наших психотехников (Шпильрейна, Левитова, Сыркина, Рубинштейна, Рудина, Толчинского, Геллерштейна и др.), — показали, что процессы упражнения представляют собой далеко не однозначные во всех случаях и подчиняющиеся раз навсегда установленным законам явления. Помимо специфических особенностей упражняемости различных функций, относящихся к сенсорномоторной, интеллектуальной и эмоционально-волевой деятельности, существуют и особые формы упражнения: например, восстановительное упражнение, компенсаторное упражнение, соупражнение, тренировочное упражнение и т. д. Гизе (20) насчитывает, например, девять различных форм упражнения: 1) упражнение для целей диагноза, 2) профессиональное упражнение, 3) упражнение периферических функций (ощущений, восприятий), 4) упражнение,

как развитие (Entwicklungsübung), 5) упражнение навыков или тренаж, 6) псевдо-упражнение типа приспособления, 7) восстановительное упражнение, 8) парадоксальное упражнение с ухудшением результатов, 9) имманентное упражнение, т. е. действительное изменение функций через упражнение. В общепсихологическом плане накоплен большой материал об общих закономерностях процессов упражнения, о роли отдельных стимулов, о влиянии перерывов, о соупражении и т. д. Однако, для решения психотехнических задач общепсихологические данные оказываются недостаточными. В частности, для целей профессионального подбора особый интерес приобретает эта проблема в связи с индивидуальными различиями в одаренности и с возможностью ставить прогноз на основе тестовых испытаний. Вот почему и доклады, посвященные этой проблеме на Парижской и Утрехтской конференциях, носили характер дифференциально-психологических исследований. В своем докладе „Examen des aptitudes et éducatibilité“ Клапарэд сообщил о результатах своих исследований, посвященных вопросу о соотношении между испытуемыми до упражнения и после. Этот вопрос сводится к установлению соотношений между рангами испытуемых на различных фазах упражнения, к изучению того, как изменяется интервариативность коллектива под влиянием упражнения. Сглаживаются ли или, наоборот, усугубляются индивидуальные различия между людьми по определенному признаку по мере усовершенствования этого признака под влиянием упражнения? Какую судьбу претерпевают устанавливаемые тестовыми испытаниями ранги по мере роста и совершенствования соответствующих функций в связи хотя бы с школьным обучением? Этой же проблеме был посвящен и доклад Геллерштейна (Москва) на Парижской конференции, приведенного, в частности, экспе-

риментальные данные о специфических особенностях кривых упражнения интеллектуальных функций. (Доклад этот изложен во 2-м сборнике „Тесты“ (17а).¹ Учитывая исключительную важность этого вопроса, решено было включить его в число 3-х стержневых тем работы Утрехтской конференции. В Утрехте были заслушаны на пленуме три доклада по вопросу об упражнении: 1) Майерс (Myers, Лондон) „On Educability“, 2) Петерс (W. Peters, Jena) „Die individuelle Übungsfähigkeit“, 3) М. Сыркин и П. Рубинштейн (Харьков) „Исследование упражнения и упражняемости по методу последовательной компликации“ (доклад этот помещен в журнале „Психо-физиология труда и психотехника“ — т. I, вып. 3-4, 1928). На секционных заседаниях заслушаны были также и другие доклады по этому вопросу (в частности, доклад Н. Д. Левитова из Москвы).

Содержание этих докладов также изложено мною в отчете о конференции, а здесь я останавливаюсь лишь на самом существенном.

Как Майерс, так и Петерс (Peters)² сочли необходимым проводить различие между отдельными видами упражнения. Майерс различает упражнение навыков от действительного упражнения функций и, кроме того, в плане интервариации, проводит разделение между общей, групповой и специальной упражняемостью. Петерс также усматривает существенное различие между упражнением „органическим“, обусловленным автоматизацией процессов, и „ноогенным“ упражнением („noogene“ Übung).

¹ Этому же вопросу был посвящен также и более специальный доклад Геллерштейна на IX Международном психологическом конгрессе в Америке в сентябре 1929 г.

² В более широком биопсихологическом освещении Петерс касается данной проблемы, связывая ее с проблемой конституции и среды, в своей книге о наследовании психических свойств (27).

обусловленным интеллектом. В докладе М. Сыркина и П. Рубинштейна представлена была попытка отыскать новые пути для экспериментального изучения процессов упражнения, ибо, по мнению докладчиков, недостаточная проработанность этой проблемы имеет своей причиной нечеткую ее постановку.

Что касается основного вопроса, от решения которого зависит судьба психотехнической науки, вопроса о прогностической ценности психотехнических испытаний, об их предсказательной силе, то большая часть произведенных до сих пор исследований, поставленных с целью найти обоснование прогнозу, показывают, что ни фактор упражнения, ни фактор изменчивости в целом не служат принципиальными препятствиями для построения прогностических суждений. Достоверность этого прогноза колеблется то в больших, то в меньших пределах, и это зависит в каждом отдельном случае от тщательности постановки испытания, от принятых за основу испытаний профессиональных предпосылок, от глубины анализа, как объекта испытаний, так и метода, от соблюдения необходимых правил обработки и интерпретации результатов, наконец от степени сложности данной задачи для уровня современной психотехники вообще. Думается, что постоянное пропитывание психотехнической практики исследовательскими установками и правильный учет возможных погрешностей могут служить теми условиями, при соблюдении которых психотехнике будет обеспечен путь неуклонного прогресса.

Трудно сейчас найти формулировку тем еще не оформленным выводам, к каким пришла психотехника в момент, когда подводились итоги произведенным до сих пор исследованиям. Пожалуй, никаких итогов подведено еще не было, так как международные конференции не охватывают всей работы. Можно лишь сказать, что работа в

области психотехники развертывается необычайно интенсивно и вширь, и вглубь.

Было бы ошибкой думать, что нынешнее состояние психотехники характеризуется полной неспособностью ее преодолеть стоящие перед нею затруднения и изжить тот кризис, который особенно остро дал себя почувствовать в первые годы после войны. Если первые шаги по пути разрешения наиболее трудных проблем не дали психотехнике сколько-нибудь заметного успеха, если совершенно реально перед психотехникой выросла опасность уйти в чрезмерный практицизм и тем самым расшатать окончательно свои теоретические устои, превратившись просто в технику, как это иронически пророчат ей иногда, то в настоящее время мы в праве, не боясь упрека в излишнем оптимизме, считать положение вещей далеко не безвыходным. Об этом свидетельствует не столько огромная и все увеличивающаяся литература по психотехнике, не столько охват все большего количества областей практической жизни, сколько возникновение целого ряда новых типов экспериментов, вернее — новых способов конструирования психотехнических испытаний. Вместе с тем свидетельством изживания кризиса служит и то, что большая часть наиболее видных психотехников у нас в СССР все настойчивее стремится оплодотворять свои исследования одновременными теоретическими и методологическими исканиями, относясь значительно более строго к собственным исследованиям, с одной стороны, пытаясь найти более точные и достоверные критерии эффективности психотехнических испытаний, с другой же стороны — стремясь пронизать всю психотехническую работу — начиная с постановки проблемы и кончая интерпретацией получающихся результатов — диалектико-материалистическими принципами. Эти принципы находят пока свое отражение в нашей психотехнике главным об-

разом в искании новых для нее методологических путей, в критическом пересмотре всего накопленного до сих пор опыта и в чутком реагировании на специфические задачи нашей действительности.

Что касается принципов и методологических путей психотехники завтрашнего дня, то уже и сейчас можно в самых общих чертах наметить линии разработки ее основных проблем.

Наиболее характерными чертами этой психотехники, лишь сейчас начинающей оформляться, будет прежде всего перенесение внимания на наиболее актуальные запросы нашего хозяйства (проблема кадров, непрерывный поток и др.).

Но помимо этого психотехника будет разрабатываться в направлении:

- 1) учета динамических тенденций трудового поведения человека;
- 2) тщательного изучения проблемы изменчивости — с учетом роли компенсаторных механизмов и факторов, бывших до сих пор „в поле периферического зрения“ психотехники (быт, домашняя обстановка, социальная направленность и др.);
- 3) уточнения системы понятий дифференциальной психологии с перенесением центра тяжести на область различий социальных групп и классов;
- 4) пересмотра проблемы одаренности под углом зрения соотносительной роли социогенеза и биогенеза.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
От редакторов	3
Фингерт Б. А. К вопросу о построении научной психологии .	5
Выготский Л. С. Структурная психология	84
Ширвиндт М. Л. Психоанализ	126
Ширвиндт М. Л. „Бихевиоризм“ Уотсона	153
Выготский Л. С. Эйдетика	178
Геллерштейн С. Психотехника	206

*Correlated with [Ruchelt], [Frenck],
[Psychotechnics]*